СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

VII

Ч/
05
С34

В ИВ 05/13301

А 1-05
10430

ИРКУТСК

1928

05
С34

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУД. РУССКОГО ГЕОГРАФИЧ. ОБЩЕСТВА

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

Год издания V
1927

Вып. VII

Под редакцией
М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова
Сибирского

Библиотека
Москва

ИРКУТСК
1928.

[572.9 : 39] (062) (57)

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА.

вып. VII, изд. Вост.-Сиб. Отд. Государств. Русск. Геогр. Об-ва, под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Иркутск, 1928, in 8°; стр. 1—156.

[*Содержание.* I. **Памяти Л. Я. Штернберга; Н. Н. Козьмин.** Этнография и народность; **С. Ф. Гущина.** Материалы по народной кулинарии; **Г. С. Виноградов.** Детские игровые прелюдии; **Л. А. Уткин.** Заметки по народной медицине; **М. К. Азадовский.** А. А. Макаренко. К сорокалетию его научно-общественной деятельности; **В. Д. Вегман.** Неопубликованная статья С. С. Шашкова; **Н. Е. Ончуков.** П. А. Городцов. **В. И. Подгорбунский.** Заметки по изучению гончарства у якутов; **М. А. Слободский.** Литература по этнографии Сибири в исторических изданиях].

Си 1428 г. Инв. № 174

Облит № 101

Заказ 663 Иркутск, тип. изд. «Власть Труда» Тираж 500

Памяти Л. Я. Штернберга

14 авг. 1927.

Совершенно исключительную утрату сибирская этнография, а вместе с нею русская и мировая этнографическая наука понесли в лице только что отошедшего Льва Яковлевича Штернберга. Сошел в могилу человек огромного энтузиазма и энергии, ученый редкой эрудиции, выдающийся теоретик и практик-организатор, проникновенный учитель и руководитель, воспитавший целое поколение русских этнографов.

Громадное литературное наследство, оставленное Львом Яковлевичем, как и отдельные стороны его жизни и научной деятельности, должны стать предметом посильных суждений в следующих выпусках нашего журнала, — сейчас же, когда еще не улеглась боль свежей утраты, мы хотели бы только отметить важнейшие даты и факты его научной и общественной работы, свидетельствуя тем самым прощальную дань уважения покойному ученому.

Первое выступление Л. Я. Штернберга на общественной работе было выступлением, в качестве революционера. В 1881 году 19-летним юношей поступает он в Петербургский Университет; в следующем году уже—первый арест, первая высылка и исключение из Университета. С большим трудом ему удается вновь наладить свою учебную работу, он переезжает в Одессу, поступает на юридический (в ПБ-рге он был на физико-математическом) факультет Новороссийского Университета; много работает в Университете, но, главным образом, его силы и энергия отданы работе революционной. В это время он весь отдался попыткам возрождения на юге Центрального Комитета Партии Народной Воли. В 1884 г. он написал и опубликовал

брошюру о политическом терроре в России, в 1885 — участвует в съезде южной группы народовольцев и в то же время принимает участие в издании и редактировании № 11—12 Вестника Народной Воли, задумывает ряд революционных предприятий, пока арест 1886 года не прерывает этой кипучей и напряженной деятельности.

Затем, три года заключения в Одесской тюрьме и десятилетняя ссылка на Сахалин. На Сахалине сначала его поселяют в п. Александровском, но вскоре же, как рассказывает его биограф: „за постоянное заступничество перед властями за товарищей-политических каторжан он был выслан на север, на береговой кордон, где ловили беглых каторжников — получилась ссылка в квадрате".

Но на этом же кордоне начался и второй этап его биографии. Здесь начало его этнографической работы. В полутора верстах от кордона, в селении Виахту, жили гиляки. Он завязал с ними сношения, изучил их язык, и начал систематически работать над изучением их быта, семейного и родового строя, духовной и материальной культуры. К счастью для науки, местные власти разрешили ему расширить круг его поездок, и он получил возможность обследовать не только островных туземцев, но и обитателей материка. От изучения гиляков он переходит к айнам, захватывает народности низовьев Амура и материкового побережья Татарского пролива, изучает тунгусские племена Дальнего Востока: гольдов, ольчей, орочей. В 1910 г. он вторично посетил эти места, чтобы завершить свои работы и пополнить то, что считал пробелом в своих изысканиях.

Эти изучения Штернберга являются одними из крупнейших фактов в сибирской этнографии, — но их значение гораздо шире; это — не только важная и существенная глава сибирской или вообще русской этнографии; работы Штернберга по изучению туземных племен Дальнего Востока являются вместе с тем и крупной главой в мировой этнографии.

Сдержанно и веско он сам охарактеризовал это значение своих исследований. В очерке об этнографических изучениях Тихого Океана он пишет: „для проблемы тихоокеанской этно-

логии в работах Штернберга прежде всего важны его лингвистические изыскания, приведшие его к важному выводу о принадлежности гиляцкого языка к группе американоидных. Важно далее, и не только для этой проблемы, но и для этнологии вообще, открытие им у гиляков классификационной системы родства, одностороннего кузенного брака и пережитков группового брака. Это открытие побудило его обследовать и с этой стороны, помимо гиляков о. Сахалина и материка, и тунгусские народности, среди которых им найдена та же система с некоторыми вариациями — система, которая, как потом им выяснено, судя по пережиткам, имелась некогда у большинства урало-алтайских народов, что приводит все эти народы по семейному строю, с одной стороны к народам Америки, с другой к дравидам Индии".

В этой же области работали Богораз и Иохельсон, изучавшие языки племен северо-восточной Сибири, и которые установили родство языков чукото-коряцкой группы, а также юкагирского с языками американскими; таким образом, совокупными работами Богораза, Иохельсона и Штернберга — пользуемся опять его же формулировкой—установлена американоидность всех палеоазиатов сев.-вост. Азии, кроме айну. „И теперь", заканчивает он: „открывается новая обширная проблема: с какими именно американскими языками, языки палеоазиатов родственны".

Что же касается айну, выпадающих из этой схемы, то проблема их происхождения была одной из упорно волнующих его всю жизнь научных проблем. К разрешению ее он подошел вплотную уже в последние годы своей жизни, и на Тихоокеанском Конгрессе 1926 года он выступил с докладом, в котором выдвинул теорию происхождения айнов с островов южной части Тихого Океана.

Он же впервые опубликовал образцы гиляцкого фольклора в оригинале и установил основы грамматики гиляцкого языка; впервые установил северное происхождение орочей; первый открыл и объяснил своеобразный и замечательный культ „инау" у айнов; собрал огромные материалы (до сих пор не опубликованные) по языку негидальцев и т. д. и т. д. Помимо непо-

средственного практического и теоретического значения, эти работы имели и имеют крупнейшее методологическое значение: этнографическое изучение в них находится во взаимном переплетении и неразрывной связаности с лингвистическим.

Работа Штернберга на Сахалине не исчерпывалась только этнографическими и лингвистическими наблюдениями; попутно он производит обследования археологические, делает антропометрические измерения, собирает коллекции по разным отраслям естесствознания и т. д. На основе этих работ им создается Музей в Александровске, существующий и до сих пор. И знал ли Л. Я. Штернберг, создавая на далекой окраине этот изумительный памятник краеведческого и научного познания страны, что и в дальнейшем жизнь его неразрывно свяжется с музейным строительством, с работой в Музее, но уже музее мирового значения. Но так и случилось. Из Сахалинского Музея жизненный путь Л. Я. Штернберга привел его в Музей Академии Наук.

В 1897 г. Л. Я. было разрешено вернуться в Россию; в 1900 г. Академия Наук опубликовала его „Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора"; с того же времени, по приглашению академика В. В. Радлова, Л. Я. Штернберг поступает на службу в Музей Антропологии и Этнографии при Академии Наук, сначала в качестве младшего, а потом и старшего этнографа. В то время Академический Музей представлял собою небольшое собрание, ютившееся всего в двух залах. „Музей был" — пишет В. Г. Богораз в полуэмбриональном состоянии. Коллекции хранились под спудом в больших деревянных ларях и порядка в регистрации не было. Персонал, аппарат и научный бюджет, — все это было до крайности сужено". В настоящее время Музей стал совершенно неузнаваем; он во много раз разросся, обогатился несколькими десятками тысяч коллекций, в нем развернулись новые Отделы, — вообще, поднялся до высоты одного из лучших европейских хранилищ. Всем этим Музей в значительнейшей мере обязан двадцатипятилетней работе Л. Я.

Одним из наиболее оригинальных отделов Музея явился спроектированный Л. Я., но не законченный формированием,

Эволюционный Отдел (Отдел эволюции и типологии культуры), где коллекции должны быть размещены не по странам и не по народностям, а по сферам культуры, в их историческом развитии.

Революционер, полевой собиратель и теоретик-исследователь, замечательный организатор практик, Л. Я. был вместе с тем и выдающимся педагогом-профессором. До революции Штернбергу, еврею и бывшему политическому каторжанину, не имеющему к тому же оффициальных ученых степеней, был закрыт вход в высшую школу, — но тем интенсивнее и кипучее развернулась педагогическая деятельность его в пореволюционную эпоху. Он принимает деятельнейшее участие в создании такого, единственного в мире, учреждения, как Географический Институт, организует в его составе этнографический факультет, работает в нем, в качестве декана и руководит кафедрой этнографии. Эту работу продолжал он и в Ленинградском Университете, в состав которого был в 1925 году влит Географический Институт.

В Институте и Университете он читал курсы: „Введение в этнографию", „Эволюцию социальных отношений" и „Эволюцию религиозных верований". „Курсы эти — пишет его товарищ по факультету и работе — были основаны, кроме собственных исследований Штернберга, еще на его исчерпывающем знании всей мировой литературы, относящейся к каждому вопросу, ибо начитанность Л. Я. была совершенно исключительна, и в посмертном наследстве его видное место занимает сокровище ссылок и цитат, разбросанных по разным отделам". Насколько известно, курсы эти застенографированы, и их опубликование — неотложная задача русской этнографической науки.

Отрадно вспомнить, между прочим, что первый очерк этих замечательных курсов был прочитан небольшой группе сибиряков-студентов, участников экскурсий в Сибирь, организованных Обществом изучения Сибири. С редкой отзывчивостью и охотой откликнулся Л. Я. на просьбу молодежи о чтении для них ряда лекций по этнографии и практике собирания. Этим лекциям, прочитанным небольшой группе молодежи, значительно обязано современное сибирское краеведение и сибирская этно-

графия. Этнографическая работа в Сибири в настоящее время почти на всей территории Сибири ведется учениками Льва Яковлевича Штернберга, вышедшими из этой первой его, неоффициальной, аудитории.

Главными трудами Л. Я. Ш. являются: во-первых, его монография о гиляках, опубликованная в Этн. Обозрении за 1904 г.; первый, предварительный, очерк появился еще в 1893 г. в том же журнале (под заглавием „Сахалинские гиляки"), — в этом же очерке и были сформулированы сделанные им наблюдения в области структуры родства и семьи у гиляков. Эти наблюдения сразу же обратили на себя внимание не только русских но и западных ученых—этнографов и социологов, в том числе и Фр. Энгельса, посвятившего открытиям Штернберга специальную статью в „Neue Zeit" и вступившего с автором в переписку. В 1900 г. в „Известиях Академии Наук" - Образцы материалов по гиляцкому языку и фольклору"; в 1904 в „Русском Антропологическом Журнале" статья о культе „Инау" у сахалинских айнов. Затем следует особо отметить его замечательные, богатые материалом, захватывающие огромный круг вопросов, очерки по сравнительному фольклору: „Античный культ близнецов при свете этнографии" (в „Сб. Музея Ант. и Этн. Ак. Наук" 1916); „Культ орла у сибирских народов" (там же, 1925) „Культ близнецов в Китае и индийские влияния (там же, 1926) к этому же циклу примыкает и выдающееся исследование о божественном избранничестве, вышедшее сначала по английски „Divine Election in primitive religion", а затем уже после смерти автора появившееся и по русски („Избранничество в религии" — „Этнография", 1927, 1); исследование, далеко выходящее за пределы интересов этнографии, и проливающее свет не только на явления первобытной религии, но и на целый ряд явлений в религиозной жизни древнего мира. Большое значение имеют также и его статьи в „Русской Энциклопедии", в „Энциклопедическом Словаре" Брокгауза и Эфрона, и в его же „Новом Энциклопедическом Словаре"; в двух последних он был редактором отдела этнографии. Некоторые из этих статей, напр.", Этнография" (Энц. Слов.) „Анимизм" (Нов. Экц. Слов., т. II) и др. являются небольшими образцовыми

сжатыми монографиями. Перу Л. Я. принадлежит также ряд очерков некрологического характера: о В. Миллере, об ак В. В. Радлове, об И. Т. Савенкове.

Работы Л. Я. Ш. подкупают и пленяют всегда стройным, строго разработанным, планом, четкостью и последовательностью в развитии мыслей, наконец своим языком: точным, простым, достигающим порою в своей простоте необычайного изящества. В качестве особенно яркого примера, можно назвать его работу о культе, „Инау" у айнов или о культе близнецов.

За год до своей смерти он посвятил очерк Д. Н. Анучину („Этнография", 1926, I—II). Этот последний очерк нельзя читать без волнения, так как невольно кажется порой, что это написано о самом же Льве Яковлевиче. „В каждую, более или менее важную проблему, которую ему приходилось разрешать— пишет Л. Я. об Анучине—он не только вносил, но и синтезировал все свои глубокие познания из целого ряда областей, в каждой из которых он чувствовал себя полным хозяином". Но эти строки целиком можно применить и к самому их автору.

В том же очерке Л. Я. пишет: „Вместе со всеми богатыми духовными дарами судьба дала Дмитрию Николаевичу еще один драгоценный дар — дар долгой здоровой жизни и полную умственную свежесть и творческую способность до последнего дня жизни". И это заставляет снова вспоминать о том, кто написал эти строки: и Л. Я. также судьба подарила и умственную свежесть до конца дней и напряженную, не ослабевающую творческую способность, — только дара долгой и здоровой жизни не было дано ему. Не было дано ему судьбой и спокойной, ровной биографии ученого, — но согласился ли бы взять ее взамен своей биографии Л. Я., взамен своей, наполненной столь многими страданиями, биографии революционера-каторжанина, „неполноправного" ученого и неполноправного гражданина—представителя гонимого народа...

Наша краткая заметка о Л. Я. Штернберге начата с его деятельности, как революционера и общественника, — этим следует и закончить: революционная деятельность не была случайным эпизодом его биографии и не была только данью эпохе и молодости; она была органически связана со всей его лич-

ностью, со всем строем его характера. Научная работа никогда не была для него бестом, где можно спокойно отсидеться от вопросов общественности и зовов времени. Наоборот, он всегда сознавал, что научная работа и положение научного деятеля налагают тем большие общественные обязанности, и можно смело сказать, что за всю свою жизнь он ни разу не выпускал из рук пера публициста. В сибирской ссылке, он принимает участие в местной печати, выступая не только, как этнограф, но и как публицист. Позже, он сотрудничает в „Русском Богатстве“, в левых радикальных изданиях типа „Накануне“, „Сын Отечества“ и др., принимает деятельное участие в еврейских органах („Восход“, „Еврейская Неделя“) выступая, главным образом, по вопросам еврейской жизни и откликаясь на те бесчисленные страдания, которые падали на долю несчастного народа в самодержавной России. Его пламенная, в свое время широко известная и переведенная чуть ли не на все иностранные языки, статья „О трагедии шестимиллионного народа“ стоит в одном ряду с такими великими памятниками мировой литературы, как J'accuse Эмиля Золя и „Не могу молчать“ Льва Толстого.

Глубоко осознанными принципами общественности была проникнута и его этнографическая работа. Мировая этнография дала нам ряд типов ученых-этнографов: этнографы-миссионеры, этнографы—жестокие и властные колонизаторы, этнографы—бесстрастные наблюдатели, для которых изучаемое племя—только музейный объект, не более и наконец, этнографы—гуманисты, никогда не забывающие, что в своих изучениях они имеют дело прежде всего с человеком. Это, преимущественно, представители русской науки и русской традиции. И среди этих этнографов-гуманистов, этнографов-друзей и покровителей туземцев, на ряду с именами Миклухи-Маклая и Потанина одним из самых ярких и привлекательных светит в мировой этнографии и имя Льва Яковлевича Штернберга.

Н. Н. Козьмин.

Хозяйство и народность.

(Производственный фактор в этнических процессах).

I. Природа и человек.

Как известно, те или иные животные не всегда встречаются в смежных и однородных, казалось бы, районах. Это зависит, главным образом, от выбора свойственной каждому животному пищи. Северный олень (Rangifer tarandus) приурочен к притундровой лесной полосе на севере и к границам гольцевой зоны и кедровников, с их лишайниками и мхами. Косуля (Capreolus pygargus) водится там, где нет зимой глубоких снегов, мешающих добывать пищу. А только там, где встречается косуля, мы встретим и волка, следующего за нею, как основным объектом его охоты... За стадами сельдей следуют стаи китов и дельфинов. То же самое мы видим и в отношении человеческих обществ. На севере целые районы освоены почти исключительно охотниками на песца и сельдь—на низовьях рек, или на белку и осетра—южнее, или оленеводами, которые спускаются однако же и далеко к югу, в горные тайги, с природными условиями, в пригольцевой зоне, аналогичными с приполярными.

Та хозяйственная или промысловая деятельность, которая диктуется природой и ранее образовавшимися, м. б., в несколько отличной природной обстановке, навыками, определяет формы быта, а затем и физическую организацию человека. Степняк, скотовод и наездник, имеет ноги, поставленные „ухватом“, несколько удлиненное сравнительно с конечностями туловище. А совершающий переходы в сотни верст зверолов закрепляет за собой легкий вес, сухощавое телосложение.

Человек настолько привыкает видеть себя в повседневной хозяйственной обстановке, что по ней часто называет и себя, и своих соседей. Население Алтая и Саян называет себя йыш-кижи (или, по другому произношению, чис-кизи), т. е. таежными, „черневыми“ людьми, и это не потому только, что

эти йыш-кизи живут в лесах, но и потому, что горная тайга (по алтайски „чернь“) властно определяет их жизнь и быт. Самое время, отдельные части года получают определенные названия по тому заданию, которое природа в данный момент дает хозяйственной, производственной деятельности. Наступает „кандычный“ месяц, („бес-ай“ у сагайцев) и население высыпает на опушки лесов собирать „кандык“ (Erythronium dens canis) на зиму, „сенной“ месяц („от-ай“) выгоняет на покос; наступает „таежный“ месяц („тайга-ай“), и йыш-кизи отправляется в тайгу на охоту. Природа властно командует человеком, который механически, инстинктивно сообразует с этой командой свои поступки. Вырабатывается своеобразный хозяйственный и вместе с тем этнический инстинкт. Клеменц рассказал в одной из журнальных своих статей интересный факт, который он наблюдал в Присаянье. Больной и дряхлый, уже не могший ходить, старик туземец, один из представителей „йыш-кизлеров“, когда наступал охотничий сезон (тот „тайга-ай“, о котором сказано выше), начинал бредить и в мучительном бреду просил окружающих дать ему ружье („мултых, бир мултых“,—ружье, дай ружье). Клеменц остроумно сопоставил этот этиологический факт с теми фактами, которые относятся к периодическим перелетам птиц; могучий инстинкт заставляет птиц, когда начался отлет, покидать гнезда с не успевшими опериться птенцами, не смотря на властный зов материнской любви.

Аналогичные явления наблюдатели народной жизни отмечали в крестьянском быту, в ряде явлений, которые еще Глеб Успенский художественно объединил термином „власть земли“. Инстинкт хлебороба („таряшин“, как метко говорят буряты,—от слова „тарян“—хлеб), как и инстинкт зверолова, создался в длинном ряде поколений. Крестьянин также инстинктивно отбирает пригодные для пашни участки, определяет время для пахоты и посева. Он часто лишь „чувствует“ дождик, но, конечно, не сумеет составить научного метеорологического календаря. Но тот календарь, художественную характеристику которого дал Ключевский в своем курсе русской истории, дает ему достаточные руководящие нити.

Монгольская летопись, перечисляя различные народы и народности, жившие по соседству с монголами, называет между прочим, булгачинов, кэрэмучинов и т. п. Что такое булгачин? Это слово просто означает „соболевщика“, охотника на соболя. Кэрэмучин означает такого же охотника на белку. Мы знаем точжинцев, живущих в восточном таежном Урянхае. Они относятся к тубинской (или тувинской) группе и, несомненно, включают разные мелкие племена как чисто турецкого происхождения, так и „котовского“ или кетовского. Что

их объединило в глазах соседей и исследователей и, наконец, соединило как бы в одно этническое целое? Несомненно, оленеводство. „То“ (или „тон“)—олень, „точжи“—тот, кто, является оленьим пастухом, оленеводом, как „малчи“—пастух рогатого скота (от „мал“—рогатый скот), а „хоничи“—овечий пастух у бурят.

Точно так же на крайнем северо-востоке Азии чукчи и коряки называют себя и соседей или по оленям или по морским промыслам; эти два основных рода занятий разделяют и этнически северовосточные окраинные народности. Весь строй жизни „оленевода“ разнится от строя жизни „приморского жителя“ (анкилан), охотника на морских животных, поставленного в такую большую зависимость от посторонних сил, в противоположность более обеспеченному обладателю оленьих стад. Нет даже, повидимому, общего имени для обозначения чукчей или коряков—одновременно оленеводов и приморских независимо от занятий. Напротив, общим термином обозначаются приморские чукча и коряк, или оленеводы чукча и коряк.

II. Антропологические и этнологические типы

Интересный исторический факт представляет образование т. н. романских народностей, столь различных и в настоящее время между собой и антропологически и культурно, хотя и возводящих себя к тем „romani“, которые построили, две тысячи лет тому назад, мировую империю и колонизовали значительную часть известного им мира, дав, казалось бы, новые кадры населения и заменив „латынью“ языки кельтов, иберов, лигуров, иллиров, даков и т. д. Достаточно хорошо знать латынь, чтобы, при некоторых способностях и напряжении, научиться, без учителя, читать по итальянски, португальски или испански. Сомнительно, чтобы можно было восстановить те языки, на месте которых возникли языки испанский, провансальский, ретийский, румынский и др. — между тем чувствуется, что древние иберы и кельтиберы живы в современных испанцах как Европы, так и Америки. И бои быков, и танцы во время католического богослужения, и костры инквизиции, вероятно, идут еще из эпохи до-римской и даже до-карфагенской. Исследователи неоднократно отмечали, что та этнологическая характеристика галлов, которая дана римскими писателями, в значительной мере может быть отнесена к современным французам, населяющим Трансальпинскую Галлию классических писателей.

Если мы возьмем римские же характеристики греков эпохи империи, и в них мы узнаем характерные черты позднейших

византийцев и современных нам греков, тех „продавцев губок“, которых склонны считать так не схожими с современниками Перикла и Демосфена. А, ведь, и эти современники Демосфена пробирались за янтарем на Балтийское море, обшаривали в поисках нужных товаров берега Европы и Африки и вызывали презрительное отношение к „graeculi“ („гречишкам“) со стороны римлян. И если „смирнская маслина“ появляется в наши дни на далеком от М. Азии рынке Маньчжурии, то она же составляла предмет вывоза и для эллинов классической эпохи в достаточно удаленные от Смирны страны.

Животный мир беспрерывно эволюционирует и создает новые формы, безконечно разнообразные. Как сильно различаются между собою, среди собак, с.-бернар и болонка. Любители выводят такие экземпляры голубей, которые похожи скорее, напр., на ястреба, чем на голубя. И всетаки и с.-бернар и болонка остаются собаками, и новые „сорта“ голубей—голубями.

Есть также мало подвижные,—относительно, конечно,—неизменяемые типы человеческих коллективов и их представителей, в основе которых не трудно найти следы тех хозяйственных и естественно-географических влияний, которые отложились в организме и в общежитии в течение необозримого ряда поколений ранних эпох.

В современном нам мире, в одинаковых климатических и географических условиях, живут людские группы различного происхождения и типа. Бушмен, готтентот и кафр в южной Африке—представители различных антропологических типов. На севере Азии мы находим, кроме европейских колонистов, такие различные типы, как айны, японцы, чукчи и турки. Есть тип монгольский с его характерным разрезом глаз и строением лица, желтоватой пигментацией. Но и среди тех народностей, которые дали название этому типу имеются какие-то резкие отклонения от этого определяющего народность типа.

Среди монголов Халхи нередко можно встретить орлиный нос, большие глаза не европейского, но и не монгольского разреза. То же самое среди сибирских турков.

В Северной Азии можно наметить три или четыре основных антропологических типа. К одному относится „чистый монгол“. Этот тип мы найдем и среди бурят, и среди якутов, и среди казаков-кыргызов, и среди туземцев верхнего Енисея, и на далеком Севере; особенно он часто встречается, в смешанных группах, среди женщин. Другой тип распространен среди племен „тубинской“ группы, алтайцев, саянцев. Характерными представителями его могут быть койбалы. Они близки к т. н. европейскому типу: несколько продолговатое лицо, не монгольские или только монголизированные глаза, более ред-

кая, чем, скажем, у великоруса, но все же обильная, растительность на лице, сухощавое тело. Третий тип сильно напоминает тот популярный образ „краснокожего индейца", который знаком нам по иллюстрациям в романах и этнографических сочинениях. Представителей этого типа мы найдем и среди абаканских туземцев (напр., некоторые бельтиры), и среди монголов, и среди забайкальских бурят (хоринской ветви в агинских степях). Можно наметить еще четвертый тип, который встречается среди сагаев и алтайцев. Это и не монгольский. но и не европейский тип. Азия, но не монгольская Азия, а какая то разновидная. Близко к койбалам, но также отличается.

Когда этнографы и антропологи производят свои наблюдения и измерения, они часто берут в качестве объектов для своих манипуляций „типичные", на их взгляд, для обследуемого племени экземпляры. Это ведет к ошибочным выводам. Современные нам племена представляют продукт разнообразнейших этнических смешений в результате административных и хозяйственных перетасовок и вынужденного или добровольного усвоения чужого языка, костюма, обычая. Задачей антрополога и этнолога является, как мы думаем, изучение не только этих этнических конгломератных образований, но и тех основных антропологических и этнологических типов. которые как бы пластами прорезывают наличные племенные массивы, представляющие результат происшедших в прошлом своего рода этнических смещений, разрывов и сращиваний.

III. Хозяйственная дифференциация.

Мы, к сожалению, не располагаем, по крайней мере, при нынешнем состоянии источников, достаточными данными для изучения антропологических и этнологических типов в динамическом разрезе и их исторической эволюции. М. б., со временем, с открытием новых памятников и уточнением научных методов, у нас явится возможность для этого, но пока мы должны отказаться от сколько-нибудь законченного разрешения такой задачи. Но у нас все таки кое-какой, хотя и ориентировочный, материал имеется для изучения этнологических типов в таком разрезе. Этот материал не совсем однороден и часто случаен; надежных построений сделать на его основании нельзя. Все же некоторые линии и контуры развития можно наметить.

Ведь, исследователь должен считаться с тем, что ему нередко приходится ограничиваться лишь улавливанием основных тенденций и линий развития.

По счастливой случайности, наиболее обильный материал мы имеем в нашем распоряжении в отношении турков. Орхонские памятники, открытые Ядринцевым и лишь только начатые изучением нашими покойными туркологами Радловым и Мелиоранским и ныне здравствующим академиком В. В. Бартольдом, дают нам возможность проникнуть чуть не на полторы тысячи лет вглубь истории сибирских турков.

Обращаясь к ним, мы прежде всего должны установить, что эти памятники рисуют нам турецкие племена бассейнов Селенги, верхнего Енисея, Оби и Иртыша, как преимущественно „лесные“. Это люди горной тайги, или „черни“, йышкизи. Обращаясь к своему народу, автор надписей, Бильге-каган, называет его „народом ӱтӱкенской черни“. Когда он говорит о колонизации своих восточных владений, он сообщает, что заселил „чернь Кадырканскую“. Битвы—даже с кыргызами—происходят в черни, куда приходится проникать зимою по глубокому снегу,—там именно пал в битве кыргызский вождь, Барс-бег... Пожалуй, только обитатель черни мог таким сложным термином, как „йер-суб“ (земля-вода), передать понятие „страна“. Так тесно связались в его представлении реки и оживляемая ими земля черни. Вполне естественно поэтому считать в орхонских надписях сетование кагана, что народ ӱтӱкенской черни начал покидать родную чернь, свою „святую землю и воду“ (ыдук йерсуб) и селиться в степях поближе к соблазнявшим своими дорогими товарами и подарками китайцам. Отсюда, по мнению кагана, произошли все многочисленные и тяжкие несчастья, выпавшие на долю турецкого народа. Соблазненный благами культурных стран, он двинулся к ним навстречу—но чего он достиг? В результате из костей его славных сынов нагромождены горы, а его „чистые дочери“ стали невольницами. Только оставаясь в черни, турецкий народ может быть счастлив.

„Черные соболи“ и „голубые белки“ занимают слишком большое место в орхонских памятниках, чтобы не отвести им большого места и в хозяйстве народа ӱтӱкенской черни. Очевидно, охота занимала одно из главных мест в хозяйстве населения Алтая, верхнего Енисея и Прибайкалья, т. е. тӱргешей, азов, кыргызов, курыканов, огузов. Это и понятно. Ведь, на черных соболей и голубых белок „голубые“ турки Орхона выменивали и „сладкие напитки“, и более необходимые для них самих и для их хозяйства предметы. Но существующие и на Алтае, и в Хакасии, и в Урянхае древние оросительные канавы, раскинувшиеся на десятки верст, подтверждают известия китайских летописей о существовании также и турецкого туземного земледелия. Русские в XVII—XVIII в. в. еще за-

стали и у бельтиров, и у тубинцев, и у сагаев земледелие аналогичное по методам обработки с существовавшим до последнего времени у урянхайцев. Хазары на нижней Волге и на Дону не только занимались в VIII—XI в. в. хлебопашеством, но имели фруктовые сады и виноградники, которые, очевидно, являются предшественниками астраханского садоводства и виноделия. Болгары в XII—XIII в. в. снабжали хлебом Суздальскую Русь. По данным, сообщенным Марко Поло, страна, населенная уйгурами (т. н. Восточный Туркистан, с городами Кашгаром, Хотаном, Кэрией и др.), издавна была богата фруктами, вином, хлопком и шелком („всего здесь вдоволь: хлопка родится много, есть виноградники и много садов").

То же самое, за полстолетие, отмечал китайский путешественник—монах, расхваливший произведения сельского хозяйства хойхэ, т. е. уйгуров. („Когда мы вступили в город, князь угостил нас обедом на терассе; жена его подчивала нас виноградным вином; поднесли нам арбузов, которые весили по пуду; дыни были с целую подушку, с ароматом и вкусом, которых не знают у нас в Китае; огородные овощи здесь такие же, как в Китае").

Но Уйгурия лежала на перекрестке торговых путей. Уйгуры не только были земледельцами, но и купцами. („Много купцов идет отсюда торговать по всему свету"). Это был „народ торговый и ремесленный". Во время Марко Поло многие уйгуры были еще не магометанами, а несторианами. Сохранялись связи с передней Азией. Торговым же было население Самарканда, Балха, Хорезма (нын. Бухары и Хивы). „Сартолы", позднейшие „бухарцы", во время Чингисхана были почти монополистами в торговле в пределах монгольской империи; они же торговали в пределах Чжунгарского государства. В XVII и XVIII в. в. Московское и затем Петербургское правительство вело упорную и ожесточенную борьбу с бухарским торговым капиталом и бухарскими купеческими компаниями в Сибири и не всегда успешно. Насколько важна была в древности торгово-промышленная роль Хазарии и Великой Болгарии может свидетельствовать, помимо русских и арабских известий, один характерный факт, что у бурят-монголов до сих пор юфть носит название „болгар".

Сами „голубые турки" Орхона, не смотря на привязанность их каганов к черни и к старым устоям жизни, переходили, как свидетельствуют оставленные ими памятники, к городской культуре.

Таким образом надо думать, что та культура и тот быт, которые были связаны с „чернью", не исключали не только

земледелия, но и городского уклада жизни. Но были турки-номады. К ним надо отнести на западе кипчаков (куманов, половцев) и канглов (печенегов), о которых Плано Карпини и Рубрук, проезжавшие через их земли, вполне согласно говорят, как о кочевниках—скотоводах („они не обрабатывали земли, но питались только скотом; также они не строили жилищ, а жили в шатрах"). О каракитаях и найманах Рубрук также определенно говорит, что и они „не занимались земледелием и жили в шатрах, подобно татарам". По крайней мере, это относится к тем, лежащим к югу от Алтая, землям найманов, через которые он проезжал. К скотоводам же принадлежала главная масса населения страны кыргызов и кереитов, о которых те же путешественники говорили, как о „живущих на пастбищах".

Таким образом турки уже к XIII в. и в различных племенных объединениях представляли почти все формы хозяйственной организации и быта, начиная от торгового города и кончая степным кочевьем. То же самое мы видим и теперь. Но такая картина должна быть принята с известными ограничениями. Кара-китаи овладели страной, где до них, несомненно, существовало земледелие. То же самое было с кереитами. Царство последнего кереитского хана Тогрула (Унгхана, Вангхана китайско-монгольских памятников) представляло очевидный регресс в сравнении с царством „голубых турков", хотя и являлось его продолжением. Монголо-китайская летопись и орхонские памятники упорно говорят о „черном лесе" (т. е. „черни" же), куда постоянно и надолго удаляется Тогрул после походов и пребывания в своей главной резиденции.

Народы, которые входят в состав государства кара-китаев, найманов и кыргызов, постоянно именуются „лесными народами". Они настолько представляются одинаковыми по образу жизни и даже по характеру страны их обитания, что это имя „лесных народов" употребляется почти как этническое. Оно вполне аналогично термину йыш, йыш-кизи, йыштер, чистар (черневые люди, горно-таежники, чернь, горная тайга).

Какое то особое соотношение должно быть между номадами и лесниками („народом в лесах",—у китайцев,—„линьму кэй босин"), горно-таежниками, какое то культурное одновременно и расхождение и взаимодействие.

Если мы возьмем монголов и ту, пока еще не совсем ясную этническую группу, с которой они ближайшим образом были связаны,—группу „татар",—то и здесь, мы, с одной стороны, видим „су монголов" Рубрука, занимающихся охотой и рыбной ловлей, и „йехе-монголов"—скотоводов, с другой стороны—„анчи-татар, промысловых, охотничьих татар монголо-китай-

ских летописей, и „белых татар“, которые, повидимому, составляли основу победоносных армий Чингисхана и его преемников, которые создали его империю, и которых уже в конце XIV в. в огромном числе (свыше 600 тысяч, по свидетельству испанца Клавихо) истребил в передней Азии Тамерлан. На восток от Орхона мы видим то же, что на западе. Развалины т. н. Кондуйского города, к востоку от Онона, не менее замечательны, чем Орхонские. Они свидетельствуют также о наличности городской культуры и в областях, казалось бы, чистого монгольского этнического и культурного преобладания. Эта именно городская культура, может быть, дошла до середины XVII века в виде тех даурских городских государственных объединений, которые стояли на весьма значительной культурной высоте и были уничтожены лишь русским нашествием.

Если мы обратимся к тунгусам, то и здесь мы должны будем констатировать, с одной стороны, переход скотоводов к оленеводству, несомненно, проделанный северными тунгусскими племенами в позднейшую эпоху, а с другой стороны—наличность тунгусской земледельческой и городской культуры на юге, в соседстве с Китаем, у дючеров, маньчжуров и др. Наконец, на крайнем северо-востоке Азии русскими же, уже в XVIII в., уничтожена после истребительной войны интересная культура камчадалов, отнюдь не низкая. Это не была культура „бродячих“ звероловов, как мы ее обычно представляем. Благополучно уцелевшие до нашего времени коряки стойко выдержали внушающую нам невольное уважение борьбу с русскими насильниками, свидетельствующую о такой национальной спайке, которая могла быть дана в прошлом только длительной национально-государственной организацией. Самые жилища их представляют приспособление какого-то архитектурного типа к условиям приполярного климата. Едва ли допустимо предположение, что это развитие дымового отверстия юрты в нечто аналогичное плоской, используемой для обитанья, крыше жилища юга.

Можно ли установить определенное соотношение между тем или иным антропологическим типом и тем или иным типом этнологическим? Частичные попытки в этом направлении делались. Так упомянутая выше постановка ног „ухватом“ у монголов и бурят-монголов относятся за счет верховой езды и пастушеского образа жизни. Острое зрение степняка или обитателя тундры приписывают безграничному простору равнин и безукоризненно чистому воздуху. Но эти сопоставления делались пока мимоходом и не были предметом систематического изучения.

Необходимо отметить, что западно-европейская наука имеет за собой аналогичные попытки, как среди антропологов, так и историков. Такова, напр., известная теория французского историка Огюстена Тьерри, в значительной мере, поддержанная и работали его брата Амедэя. Это теория борьбы рас, по мнению О. Тьерри, легшей в основу социальной, классовой структуры Европы,—в частности борьбы двух народных и хозяйственных культурных типов,—романо-кельтского и франко-германского. Романизированные кельты, согласно этой теории, были подчинены завоевателями-франками (древними сикамбрами), образовавшими феодально-дворянскую социальную верхушку, в то время как завоеванное коренное население романской Галлии составило низкие сословия — городское и сельское. Племенные различия со временем сгладились. Но расовые различия превратились в социальные противоположности, противоположности трудовых масс и групп поработителей-эксплоататоров. Расовый антогоизм превратился в классовую борьбу. Различие по крови заменилось не менее глубоким различием кастового, сословного порядка.

Замкнутость средневековых и позднейших сословий не уступала древней национальной исключительности. Французские дворяне, буржуа и крестьяне могли следить за представителей обособленных этнических групп,—настолько они различались даже в антропологическом отношении.

Несмотря на упреки в односторонности, которым подверглась эта теория, она заслуживает глубокого внимания с нашей стороны, как попытка,—сделанная, не надо этого забывать, сто лет тому назад,—нащупать те реальные процессы, которые лежали в основе явлений социальной истории Европы. Эта теория не имела в то время за собой той богатой социологической и Экономической литературы, какой располагает современный наш исследователь.

В настоящее время, главным образом, яфетидологическая школа лингвистов занята попытками связать явления в области развития языков с явлениями в области классового расслоения и стремится рассматривать эволюцию языков в свете процессов хозяйственного и социального порядка. Однако и новые открытия в области материальной культуры Центральной Азии толкают научную мыель в том же направлении. Думается, что в этом отношении Туркестан и его пережитками и следами исчезнувших народов и погибших культур должен представить трудно охватываемое количество материала для историка-этнографа. Но и наши урало-алтайцы и занимаемые ими области (Алтай, Присаянье, Орхон, Монголия восточная) представляют не меньший интерес, чем восточный или западный Туркестан,

с которыми они, несомненно, в глубокой древности уже были связаны.

Дальше мы попытаемся сгруппировать небольшой материал, могущий, до некоторой степени, осветить направление, в котором как будто следует искать разрешения этого вопроса.

IV. Взаимодействие и смена культур.

Существует исторический анекдот, приписывающий китайцам утверждение, что первый человек известной еврейской легенды, Адам, не более как „беглый солдат с китайской границы". Этот анекдот должен выставить на вид большую древность китайской культуры сравнительно с еврейской. Но еврейская легенда об Адаме только один из обрывков обширного халдейского мифологического эпоса, которые евреи принесли с собой в Палестину из „вавилонского плена" и включили в свои „священные книги". Прототип этой легенды, несомненно, представляет реминисценцию культурных народов Месопотамии о своей начальной истории, о своих „origines", как говорят французы. Думается, что хронологически они—хотя, конечно, и неизбежно грубо,—довольно удачно определяли начало месопотамской, или халдейской, культуры. Это начало должно принадлежать времени за 5—6 тыс. лет до нашей эры. Но историческое и легендарное начало китайской культуры едва ли относится к значительно более раннему периоду. И вавилонская и китайская культуры, прежде всего, должны быть отмечены наличностью непрерывности. Возможно, что они должны быть связаны с началом употребления металлов и открытием письменности. За 2—3 тыс. лет до нашей эры в Месопотамии была не только письменность, но уже развитая литература, как научная, так и художественная; был выработан не только литературный язык, но и язык правительственных канцелярий, судов, законодательства, язык деловых и частных сношений. Адам—это образ, олицетворяющий не начало человеческого рода, а начало культурного. цивилизованного существования человека в одном из очагов цивилизации, Месопотамии. Таких очагов было, несомненно, не один и не два. Археологи постоянно открывают все новые и новые „культуры" и в Европе, и в Азии, и в Америке, и в Африке. Одни из этих культур восходят к месопотамской, халдейской, но другие имеют как будто самостоятельное значение. Сама халдейская и сумерийская культуры должны восходить к каким то еще более древним прототипам.

Среди ново-открываемых культур имеются носящие „городской" характер. Это наиболее „историчные" культуры,

потому что город часто пользовался камнем, обделывал его, делая пригодным для продолжительной сохранности, много накапливал в себе запасов металла, оставлял „следы“ нарочитой, сознательной деятельности. Эти „следы“ были долговечнее, чем следы других культур.

Иначе обстояло дело с деревенской, сельской культурой, пользовавшейся деревом, не обожженой глиной и собиравшей в одном месте лишь небольшие сравнительно людские массивы. От нее мы имеем разрозненные остатки,—часто только разбросанные по успевшим зарасти тайгой равнинам и увалам орудия и оружие, иногда обломки их. Еще хуже дело со „следами“ деятельности и жизни скотоводов, охотников, рыболовов, от которых иногда сохранились одни „кухонные“ остатки, кучи костей и осколков первобытной кухонной посуды.

Но уже в глубокие эпохи разных ступеней развития неолита мы можем прослеживать переплеты и расхождения разных линий культурной эволюции. Мы находим и военные, и торговые города, и оседлое земледелие, и номадное и оседлое скотоводство, и разные формы оседло-промыслового и бродяче-промыслового хозяйства и быта.

Мы привыкли к почти феерически быстрой смене не только исторических событий, но и форм государственности, общественности и быта за последние века, и нам трудно представить ту медленную, тяжелую поступь исторических процессов, которые развивались как в глубокой, так и в неособенно даже отдаленной древности, когда не было одного объединенного общими культурными связями мира, а были отдельные миры, разделенные бездорожьем, пустынями, отсутствием общего языка, взаимной враждой и страхом. Империя внука Чингисхана, Хубилая, была относительно благоустроенная, а приглашенные к нему отец и дядя Марко Поло ехали из Бухары в его резиденцию Ханбалык, по словам Марка, „целый год“. Китайский посол, отправленный в пределы нынешнего Туркестана, возвращался десятка через полтора лет, и его сведения отнюдь не считались устаревшими. Политическая обстановка не успевала сильно измениться.

В этих условиях хозяйственный и общественный строй, язык, самый антропологический тип на определенной территории вырабатывались одновременно в условиях тесного внутреннего взаимодействия и вместе с тем значительной изолированности от посторонних культурных влияний.

Номад создавал язык, приноровленный к потребностям скотоводческого хозяйства, с богато разработанной технической терминологией различных процессов и приемов хозяйствования и предметов скотоводческого бытового уклада. Его социальная

организация приноравливалась к периодическим передвижениям стад и особым условиям и приёмам степной „облавной“ охоты, которые ложились в основу военной, а затем государственной организации. Верховая езда вырабатывала „прирожденного наездника“ с широко растсавленными ногами, а постоянная ориентировка в степных просторах—зоркий прищуренный глаз. Наездник больше пил, чем ел. Еда не всегда была к его услугам. Поэтому он ел, когда был случай, долго и много, тщательно обгладывал кости, разгрызал хрящи и высасывал мозг. Постоянное пребывание на воздухе осмуглило его кожу. Все это должно было отразиться на строении туловища, конечностей, внутренних органов, форме лица и т. д. Эти особенности вырабатывались в течение тысячелетий и закреплялись путем естественного, а затем и искусственного отбора и подбора в бесконечном ряде поколений.

Город был, прежде всего, торговым центром, куда стекались товары и откуда они распределялись. Этот сравнительно большой запас материальных благ вместе с усложненными общественными отношениями, с одной стороны, смягчал суровый прямолинейный нрав, свойственный жителю степи или тайги, а с другой—делал его эластичным. Городской житель был гибче, умнее, мог казаться хитрее, лукавее, чем сельский житель. Купец, заурядный житель города, вел торговлю обычно без посредников. Он не мог „выписать“ нужную партию товара, как это делает теперь магазин. А с набором местных изделий или ходких сырых продуктов, например, тех же аттических или малоазиатских маслин, отправлялся в продолжительное, иногда длившееся годами, путешествие, пользуясь судами или верблюдом. Дорогой он продавал свои товары, менял их, приобретал новые, все время обращая и увеличивая капитал, вложенный в товары. Когда он возвращался домой из удачного путешествия, то он уже бывал часто богачем. Путешествие не было срочной деловой поездкой. Странствуя, он заводил знакомства и связи; не только накапливал средства для жизни, но и пользовался попутно жизнью. Ловкий, бывалый, он был интересным собеседником в дружественном кругу, удачным советником и для своих собратий-купцов, поскольку они не оказывались его конкурентами, и для царей и царьков тех стран, которые ему приходилось проезжать. Драгоценности и вкрадчивые речи и манеры делали древнего финикийского коммерсанта обольстительным и черезвычайно опасным для сердец гречанок времен „Одиссеи“. Сколько из них делались предательницами, бежали с финикийцами на их кораблях, часто становясь их наложницами, а затем и невольницами. Таковы же были для Центральной Азии и тот лукавый развратитель

простых нравов, „табгач“ (китаец), о котором говорил негодующий автор орхонских надписей, и ловкий купец-царедворец из Хорезма и Персии, и более близкий купец и администратор уйгур. Более утонченная душевная организация и возможность широкого пользования культурными благами не могли не отражаться также на физическом облике населения городских общин, особенно верхнего слоя, наиболее знакомого, вследствие подвижности, для соседей.

Аналогично вырабатывался тип земледельца отдельных различных оттенков, начиная с уйгура, владельца виноградника, хлопкового поля, или фруктового сада, и кончая сагаем или бельтиром, вспахивавшим „абылом“ небольшое поле под просо или копавшим при помощи „озупа“ сарану (сарышеп—Lilium martagon; акшеп—Lilium pomponium) и кандык в зимний запас. Антропологические и этнологические черты не могли не находиться в определенной корреляции. Когда в древних Афинах говорили о беотийце, пред собеседниками должен был сразу вставать знакомый образ толстоватого, простодушно-неповоротливого, несколько неопрятного и смешного „свинопаса“, так противопожного сухощавому, с резким профилем, опасно-лукавому купцу финикийцу или нарядному малоазиатскому комерсанту. Так же ярок был и легко запечатлеваем психический и физический облик египтянина или халдея. Еще при дворе Мунке-хана, вероятно, сразу узнавали уйгура, или „сартола“, или китайца, даже переодетых, хотя уже могли быть ошибки, и какой нибудь найман мог выдать себя за кыргыза.

Происходили сложные процессы хозяйственного и социального расслоения. Земледельческая страна выделяла торгово-промышленный центр, и в центральной Азии были свои Сезострисы Великие и Ассурбанипалы, которые совершали отдаленные походы, производя перетасовку племенных группировок. Происходила инкорпорация одним государственным объединением другого, одним социальным слоем соседнего. Сказывались результаты случайных скрещиваний, и среди светловолосых фракийцев, по закону расщепления признаков (закон Менделя), могли появляться смуглые и крючконосые экземпляры.

Уже передвижения гуннов, аваров, уйгуров, огузов, „турков“ произвели и в Центральной, и в Средней и Северной Азии огромные перегруппировки. Колосальная же передряга, поднятая Чингис-ханом, оставила мало очень даже отдаленных углов Азии и восточной Европы нетронутыми. Целые племена оказались переброшенными за тысячи верст. Большие народы, образовывавшие государства, были сведены до размеров небольшого племени, или были распылены среди других племенных массивов; из остатков различных народов и племен

образовывались новые народы. Так, например, создался новый народ кыргыз-казаков (или, просто, казаков), не имеющий даже общего этнического наименования, так как „казак"—название собирательное, искусственное, условное. Казаки образовались из различных племен, которым была придана чингисидами военная организация и которые были выдвинуты, под начальством старшего сына Чингисхана, Чжучи, на запад, в качестве авангарда и заслона, разделяясь по турко-монгольскому военному правилу на три части (чжус): восточное крыло (зунгар), центр и западное крыло (барунгар). Отсюда произошли Большая, Средняя, и Малая орда. Из каких племен состоит Средняя орда? Кипчак, Найман, Киреит, Аргын и Конграт. Кипчак это половцы русских летописей; найманы—противники Чингисхана, до него они занимали Алтай; киреиты (или кереиты) жили по Селенге и Орхону; аргын упоминается Марко Поло, как один из народов, подвластных „попу Ивану", как он, согласно с средневековой легендой, называет „Ванхана" кереитского, Тогрула; конграт-хункират, одно из значительных и влиятельных в монгольской империи племен. Но аргын имеется и теперь среди ачинских турков, найманы и кипчаки имеются на Алтае и в районе Ташкента, в составе так называемых узбеков. В составе же кыргыз-казаков имеются меркиты, жившие когда то в соседстве с кереитами, а теперь рассеянные в Казакстане, Туркистане, Западной Монголии, на Алтае; каракас, сохранившихся и на Абакане и среди так наз. карагасов; тастар, существующих и на Абаканских степях. Среди кыргызов большое место занимают китаи, главная основа государства Гур-ханов, с которыми воевал Чингисхан, но они же живут и Туркистане; кроме китаев мы находим среди них тӧлӧс, мундус, мунгулдур (так-же на Алтае) и конграт. Упоминаемые в орхонских надписях тӱргеши, очевидно, в то время сильный и многочисленный народ, сохранились в незначительном алтайском племени „тиргеш", а азы—в „тӧрт аз" (т. е. „четыре аза"). Кроме конгратов мы находим в Средней Азии джалайров, которые в виде монголо-бурятского племени имеются сейчас в южном Забайкалье; они же упоминаются в истории Чингисхана. С другой стороны сарты Туркистана, вместе с кипчаками, имеются на Алтае; в монгольской форме „сартол" это название носит одно из племен бурят-монголов Забайкалья. Бывшие печенеги русской истории, которые уже в XIII в. были известны путешественникам под именем „каких то сопле-менников куманов (т. е. половцев)", кангитов, живут в Туркистане и Казакстане (канглы). Очень возможно, что племена к а н на Алтае и к а н г (носовой звук) койбалов—те же канглы. Якуты (сахалар) имеют соплеменников в Абаканских степях

(сахалар: ак сокы и кок сокы) и в лице кумандинцев Алтая (кумандинцы составились из двух родов: кубан и сокы; самое слово куман есть алтайское произношение слова „кубан; в XVIII в. абаканские сокы также составляли „Кубанов аймак", а в XIX в.—Кубанов род).

Из этого, не полного, конечно, перечня видно, что группы разнообразного этнического происхождения и не одинаковой культуры перемешались между собой. Ясно, что и на Алтае, и на Енисее, и в Туркистане мы найдем в составе народности, носящей одно имя, разнородные племенные элементы. Качинец представится и в виде скотовода, и в виде зверолова, и в виде полуземледельца, или земледельца. У одного представителя качинцев исследователь увидит монгольские черты лица и найдет родство с бурятами; а другой встретится с качинцем, на монгола совсем не похожим. Один „качинец" скажет, что он „кыргыз", а другой окажется „туба", или „частых" („ястынец" русских памятников XVII века), или „бӱрӱт", „ара" и т. д.

Среди турецких племен сильное преобладание получила скотоводческая форма хозяйства и номадный быт, так противоречащий тому представлению об обитателях Ӱтӱкенской, Кадырканской и др. „черней", которое складывается при чтении орхонских памятников.

На это были основательные исторические причины.

V. Исторические судьбы.

Историк Миллер сохранил нам небольшое, но очень ценное и характерное известие. Он говорит, что качинцы (каш), жившие по реке Каче, на которой стоит город Красноярск и которая от имени качинцев получила у русских свое название, так как сами качинцы и кыргызы называли эту речку Изырсу (Орлиная речка), занимались немножко земледелием. Именно они сеяли дикую гречиху (кырлык), из которой приготовлялась на молоке, по словам Палласа, очень вкусная и питательная каша. Но сеяли они ее немного и, убравшись с урожаем, спешили уйти в леса, так как боялись внезапного нападения в лице кыргызов, русских и бурят.

Кыргызская государственность, в состав которой входили качинцы, просуществовала после этого целое столетие, но она уже обнаруживала все признаки слабости. Она не давала достаточной военной охраны против набегов со стороны, не обеспечивала прочного внутреннего порядка и не давала места для правильного культурного развития. В „Чертежной книге" Ремезова „кашинцы" показаны как „немирные" и „конные",

Обл. Краеведения Централь Библиотек. Москва

т. е., с одной стороны, не подчиненные еще русскими и с другой стороны—занимавшиеся скотоводством в наиболее экстенсивной его форме „табунного“, пастбищного. Тем не менее у них все же еще, очевидно, сохранялись переживанья прежнего хозяйственного строя, сменившегося „номадным“.

То, что случилось с каштар'ами (качинцами), в большем масштабе и на более значительной территории происходило за полтысячелетие до этого в Центральной Азии, в Присаянье и на Алтае. Перевес получали всюду кочевники и скотоводы. Земледелие забрасывалось, сохраняясь в разных углах Присаянья лишь в виде абыльной разработки земли и посевов проса, кырлыка и еще реже других злаков. Перед этим произошло отодвижение с севера к югу путей торговых и культурных сношений между мировыми центрами и рынками. Государства, возникшие на этих путях, разваливаются, происходят постоянные войны из за оставшихся рынков и караванных путей, хронические набеги и грабежи. Скотоводческое хозяйство становится наиболее выгодным и надежным, так как позволяет хозяину быстро укочевать в наиболее безопасные места и с наименьшими имущественными потерями. Затем скотоводческое хозяйство, при благоприятном обороте, способно быстро восстанавливаться, не требуя значительного основного капитала и дорогого рабочего инвентаря.

Перед тем как сложилась империя „голубых монголов“ „Чингисхана (наследников, через кереитов, „голубых турков“), в тех странах, которые составили затем основное ядро этой империи, чувствовался не только материальный, но и моральный и волевой упадок. Это было чрезвычайно характерное отражение хозяйственного развала.

Во главе найманского государства стоял Таян, человек своеобразного типа байроновского Сарданапала, ни во что прочно не веривший и ничем, кроме охоты и развлечений, не желавший заниматься. Сам кереитский хан Тогрул, при дворе которого были христиане, свидетели отдаленных культурных связей, и который сам едва ли не был христианином-несторианцем, также почти все время проводил в облавах, и не столько он, сколько его золотой шатер, золотая чаша, из которой он пил, и другие предметы роскоши были в славе. Видя возвышение и усиление Темучина, Тогрул не оказывает ему активного сопротивления, но вместе с тем, не отказывает себе в мелком удовольствии задеть и раздражить его, когда тот стал очень силен. Не веря совершенно в успех борьбы и видя, что время упущено, он все таки позволяет своему сыну вовлечь себя в войну, возлагая на него формальную ответственность за исход борьбы. Это слабоволие и упадочность способны раздра-

Иркутская областная библиотека им. И. И. Молчанова Сибирского

жать даже современного нам читателя летописей. И мы видим это раздражение в старом вояке, наймане, сподвижнике еще Инанчи, отца алтайского Сарданапала, и в сыне последнего, Кутлуке, и в сыне Тогрула. Молодые более энергичны, но и менее проницательны и менее подготовлены к делу, чем отцы. Они выросли уже в период упадка. Монголы все-таки думали, что, может быть, победа в решительном сражении, данном кереитам, и не была бы за ними, если бы не удалось в самом начале битвы вывести из строя воинственного, но не благоразумного сына Тогрула. Сын найманского хана бежал к кара-китаям, сверг с престола также упадочного Гурхана, овладел его царством и продолжал борьбу с Чингисханом, но все-таки бесславно погиб в этой борьбе.

Чингисхан не был абсолютно самым сильным противником, и созданная им держава не представляла большого культурного или политического успеха для Центральной Азии.

В животном мире идет постоянная борьба, и в этой борьбе одерживает успех далеко не самый сильный, здоровый и желательный. Когда во время гона два сильных самца-оленя бьются не на живот, а на смерть из за самки, последняя достается часто третьему, наименее ловкому и сильному, который пользуется дракой сильных, или их гибелью и изнеможением.

Не монархия, созданная Чингисханом, и не сам он были наиболее сильными и достойными победы, а черезчур слабыми и исторически обреченными были его более культурные и численно сильные противники. У Чингисхана была лишь воля к победе и организаторская выдержка. В недавнее время мы могли быть свидетелями аналогичных явлений, когда победа доставалась наименее сильным, но имевшим против себя в сложившейся социальной обстановке деморализованного, растерянного противника. Интересно, что такая мысль, правда, в отношении лишь гиньской династии, высказывалась самим Чингисханом, который в одном из своих „посланий“, перечислив выпавшие на его долю успехи, говорит: „Не от того, что у меня есть какие либо доблести, а от того, что у гиньцев правление не постоянно, я получил от неба помощь и достиг престола“.

Чингисхан создал огромную мировую империю („такого царства еще не было с давних времен наших“). В состав ее вошел ряд больших культурных государств, которые были очень ослаблены и разграблены им и его сподвижниками и преемниками и тем сильнее, чем ближе находились к центру новой монархии. Спустя уже полстолетие, эта империя естественно и стихийно распалась на свои составные части, но из числа последних навсегда выпали государства кереитов, най-

манов, кара-китайских гурханов, меркитов и др. Огромные, стоявшие на известной культурной высоте и накопившие за века существования большие материальные ценности, страны были черезчур опустошены и обессилены; они превратились в необозримые и годные лишь для номадов степи и полупустыни. Проезжавший всего через несколько десятков лет после походов Чингисхана через страну кара-китаев, Рубрук занес в свои путевые воспоминания сообщение, что на пройденных им равнинах находилось до Чингисхана много городов, но они все были разрушены татарами, чтобы расчистить место для пастьбы стад, так как „там были лучшие пастбища". Рубрук еще застал в разных местах секты христиан и буддистов, которыми он, как монах, всего более интересовался, и которые пользовались „собственными письменами" и особым литературным языком.

Думать, что эта культура была уничтожена именно Чингисханом, было бы не совсем правильно. Разрушение началось до него. Чингисхан собственно только ускорил и довершил тот процесс, который захватил уже ранее присаянские и алтайские культурные народы. Он механизировал его.

Есть еще одно обстоятельство, которое требуется разъяснить.

Может возникнуть сомнение, имеют ли изображенные события и эпохи какой либо интерес, кроме историко-археологического. Развернувшаяся катастрофа должна была нарушить органическое и закономерное развитие культурных и этнических процессов. Можно усомниться, чтобы в последующих периодах могли сказываться действия элементов, например, уничтоженной земледельческой и городской культуры, и чтобы можно было надеяться вскрыть в настоящее время действие столь отдаленных факторов, развитие которого, при этом, было так резко нарушено. Если сформировавшиеся номадные государственные образования поглотили культурных орхонцев и алтайцев, то последние уже в ближайшие поколения должны были превратиться в новые этнические элементы и бесследно исчезнуть в своем прежнем виде. Но такое сомнение едва ли было бы основательным. Нас отделяет от описанной эпохи примерно 25 поколений. Это, конечно, очень значительный ряд, но и не так великий, чтобы могли совершенно сгладиться, исчезнуть антропологические и этнологические особенности подвергшихся смешению элементов.

Физическая метисация знает расщепление физических свойств в потомстве. Этим и объясняется наличие в пределах одной (нечистой) народности различных антропологических типов. Физическая же организация должна неизбежно находить отражение в сфере психических явлений, т. е. антропологиче-

ские особенности должны иметь этнологические корреляции. Это, конечно, пока предположение, полученное скорее дедуктивным путем, чем путем индукции, со стороны систематизированного материала. Но у нас имеется и конкретный материал, позволяющий оставаться в сфере фактов.

В тех политических ново-образованиях, которые возникли уже в после-монгольскую (или, вернее, после чингисхановскую) эпоху, культурная традиция, несомненно, не умерла.

Носителями ее по соседству с нами, были те монгольские государства, в состав которых входили турки,—ойратов (или чжунгаров) и алтын-ханов, а отчасти даже, не особенно заметные сами по себе, алтайские и кыргызские княжества. Чжунгарские контайши непрестанно стремились к созданию культурного государства, пытались строить каменные города, завязывать сношения, торговые и политические, с Туркестаном, Персией, Тибетом, Китаем. Те же стремления занимали и Алтын-хана, государство которого включало северных монголов (хойто-монголов) и „урянхайцев", а среди последних были не одни звероловы-таежники.

Не чужды этих настроений бывали временами и халхаские ханы. Революционное движение в Монголии является указанием на то, что эти настроения явились почвой, обеспечившей успех новому движению.

VI. Этническая группа как хозяйственный фактор.

Мы старались выяснить или, вернее, наметить, как хозяйственные и культурные факторы могли влиять на складывание этнологических и антропологических типов, какова была роль производственного момента в этнических образованиях. Естественно, что при этом мы должны были стоять, повернувшись, если позволительно так выразиться, лицом к прошлому. Но, раз сложившись, антропологические и этнологические образования получают способность самостоятельного действия. Взаимодействие их и основных факторов хозяйственного порядка можно изучать, хотя и в динамическом разрезе, но повернувшись, продолжая наш образ,—лицом не к прошлому, а к будущему. Естественно задать вопрос, какое положительное значение имеет племенное объединение в организации хозяйства страны, и на сколько оно может быть прогрессивным элементом в хозяйственной системе.

Мне уже приходилось упоминать в печати об одном интересном наблюдении. Во время одной из поездок по абаканским степям я был свидетелем, как мой ямщик, крестьянин

из села Табата, в предгорьях Саян, с которым я всю дорогу разговаривал, перебрасывался отдельными фразами, а иногда и разговаривал со встречными русскими и хакасами (или „татарами“, как тогда говорили), пользуясь свободно то русским, то „татарским“ языком. „Скажите—спросил я его—на каком языке Вы лучше говорите?“—„А на обоих одинаково“, ответил табатец, весело смеясь. „Ну, а какой язык, по Вашему, лучше?—не без коварства задал я ему вопрос,—русский или татарский?“ Мой собеседник не сразу ответил, а сначала подумал, и потом вдумчиво сказал: „Татарский однако лучше: на нем как то ловче выходит“. Русский человек, свыкшийся с крестьянской „упряжкой“ (по терминологии Льва Толстого) и выработавший земледельческий календарь, создал в течение нескольких веков и соответствующий язык, который, в значительной мере, представляет обиходный словарь технических слов и оборотов. И вот этот русский язык в новой природной и хозяйственной обстановке оказывается недостаточно приспособленным, на нем не так „ловко“ выразить мысль, как на языке людей, которые создавали его именно в этой обстановке. Поэтому и русский житель около-байкалья, не находя в своем словаре нужных слов, принужден прибегать к бурятским словам и оборотам. Он говорит: „качерик“, „бурун“, „ирген“; он не может найти термина, соответствующего бурятскому „сундулдуха“, и, хотя прибегает к описательному выражению, но всетаки без бурятского слова не обходится: „ехать сундулой“ (вдвоем на одной лошади, при чем передний управляет лошадью, а задний держится обычно характерно вытянутыми руками).

Есть черезвычайно характерное и меткое выражение: „понимать с полуслова“. Выражаемая этими словами способность дается долгим сожительством и сотрудничеством. Кто имел случай наблюдать работу на плоту, на охоте, в тайге знает, как осуществляется и какое важное значение имеет эта способность понимать одно сказанное слово, произнесенный звук или сделанный технический жест, заменяющие целую речь или длинные разговоры.

Каждое племя, каждая этническая группа представляют своего рода сработавшуюся, хорошо „спевшуюся“ артель, пользующуюся не только одним словарем „технических слов и оборотов речи“, но и бесконечно сложным запасом одинаковых навыков, приемов, наблюдений. Едва ли нужно останавливаться на том значении, какое имеет в трудовых процессах экономия сил, сбереженное лишнее движение и лишнее время, а также на том, что дает в этом смысле указанная выше „сработанность“, „спетость“. Каждая этническая группа сложилась,

выработала систему трудовых навыков, создала свой язык в определенной природной и хозяйственной обстановке, и одновременно она представляет известную готовую коллективную рабочую единицу в хозяйственной деятельности данной страны.

Нам и казалось своевременным в этом очерке обратить внимание на очень важное теоретическое и практическое значение этнологических изучений не только в общем динамическом разрезе, но и в разрезе экономической динамики. Мы, конечно, не хотим этим сказать, что это одна тема, которая может быть поставлена и разработана силами одного лица. Тут нужно сотрудничество и этнолога, и антрополога, и экономиста, и климатолога, и физиолога-врача. Осуществление такой задачи было бы по силам лишь специальной исследовательской организации, мысль о которой уже возникала в виде проекта Антропологo-Этнологического Института при Иркутском Университете.

Несомненно также, что эта тема должна входить важной составной частью в ту разработку вопросов планового хозяйственного и культурного строительства, которое ведется на пространстве всего СССР.

С. Ф. Гущина.

Материалы по народной кулинарии.

(Русское население Тункинского края).

Вопрос о народном питании, о составе пищи и способах ее приготовления должен войти одним из важнейших элементов в общую систему материальной культуры русско-сибирского населения, между тем в нашей этнографической литературе встречаются по этому вопросу только отдельные, более или менее подробные замечания[1]; работ, специально посвященных этому вопросу, нет. Гораздо больше и внимательнее изучен вопрос о пище туземных племен Сибири.[2] Это обстоятельство тем более усиливает потребность в аналогичных работах для русского населения, особенно в тех местах, где мы наблюдаем взаимодействие культур, напр., в Тункинском районе.

Можно полагать, что материалы, собранные в различных краях Сибири, дадут возможность проследить: a) сохранность традиций, вынесенных из России, в) применение их к географическим условиям нового местожительства, c) степень культурного влияния соседящих народов, d) проникновение и распространение влияний городской культуры и e) степень развития народного „поваренного искусства", искусства приготовлять из сырых растительных и животных продуктов удобоваримую и питательную пищу, для чего требуется знание качеств продуктов и понятие их верного химического отношения. Материалами для освещения последнего вопроса и должна служить, главным образом, настоящая работа.

Питание стоит в тесной связи с хозяйственными условиями и занятиями населения. Тункинские крестьяне занимаются земледелием. Поэтому, основа их питания—хлеб. Подсобные занятия: скотоводство, огородничество, охота, рыболовство, кедровый и ягодный промыслы—добавляют другие необходимые продукты питания. Перевозка пассажиров на курорты и др. побочные работы дают возможность приобретать привозные продукты: крупчатку, вино, пряности, соль, сахар, чай и др. От

соседящих бурят приобретаются масло, мясо и „тарасȕн“—молочное вино.

В разделении пищи по сезонам большого различия не наблюдается, кроме, разве, свежести продуктов, так как хозяйки запасаются почти на год. Только молоко встречается летом, потому что с перемещением скота в „загоны“, обычно после Покрова, молоко „присыхает“.

Мука у большинства населения к сенокосу выходит. Ее покупают или „занимают под работу“ у своих же сельчан, иногда чуть ли не с Рождества Мясо бывает не часто. Осенью „по заморозкам“ бьют свиней, овец, „кочериков“ (годовалых бычков) и птицу: кур, гусей. Многие к страде также бьют по скотине.

Как только пройдет Иркут (в середине апреля), начинают неводить. В средине лета неводьба почти прекращается; с августа же, когда рыба начинает спускаться, возобновляется снова. Зимой некоторые добывают рыбу мордами или на удочку.

Нужно заметить, что рыболовством занимаются преимущественно жители с. Гужиры, расположенного против устья р. Зон-Мурин (приток Иркута), в котором в 1927 г. ходило 17 неводов, в то время как в других селениях больше 2 неводов не встречалось.

Пища готовится в русских печах. В поле, изредка и дома, пользуются „талȕшнами“ (таган) и, реже, „кàмфором“ (ведро с отверстиями, в которое насыпают горячие уголья).

Соблюдения меры и веса в приготовлении различных блюд наблюдать не приходилось. Довольствуются обыкновенно привычкой—„на глазомѐт“. Только нежные печенья: „кольца“, рòски“, „заварны калачики“, заметно изменяющиеся от нарушения пропорции, готовятся с соблюдением меры.

В ежедневном порядке принятия пищи по сезонам замечается разница. Летом бывают: первый чай—часов в 5 утра, второй—около 7, обед—в 12, „пàужна“—в 4-5 ч. и „ȕжна“—перед сном. В страду, обычно, выпускают второй чай и паужну. Зимой же—завтрак, нередко чай—около 7 ч., обед—в 11-12 часов, пàужна и ужна.

За стол садится вся семья. Хозяйка режет большими ломтями хлеб, кладет его вместе с ложками и вилками посреди стола и подает приготовленное блюдо в общей чашке, после которого следует чай с вареным молоком. Специально к чаю иногда подают „зàкуску“: творог, грибы и др.

Прием гостей в будни знаменуется каким-либо наскоро приготовленным блюдом. Чаще всего угощают творогом, яйцами и „саламàтом“.

Праздники отмечаются отдыхом, развлечениями и более обильной вкусной пищей, скопленной нередко в продолжении

долгого времени. Особенно соблюдаются престольные праздники, к которым начинают готовиться за неделю: „бьют“ скота, „затира̀ют“ сусло, пиво и квас, приготовляют печенье, мясные и рыбные блюда.

Съехавшиеся почти со всего края гости отстаивают службу и отправляются сначала к хозяевам, у которых остановились, а потом к родным и знакомым по всему селу. На место их приходят другие, часто малознакомые, которые сменяются все новыми гостями. У каждой хозяйки перебывает человек 60—70. На другой день, по отъезде дальних гостей, празднуют односельчане.

Как только соберутся гости, стол застилают скатертью, ставят посреди тарелку с хлебом—по одну и с ложками и вилками—по другую сторону и подают сначала холодные, после горячие блюда на тарелках или блюдцах, большую часть которых „части́т“, т. е. режут на куски. Стол устанавливается сплошь. Гости закусывают, не соблюдая какой-либо очереди между блюдами. Хозяин обносит каждого, соблюдая старшинство, рюмкой водки, которая обходит стол несколько раз.

После „закуски“ гостей обносят чаем, который подается на подносе вместе с молоком и сахаром. На подносе же подают печенье: кольца, роски и более скромное: тарочки, пирожки. Берут обыкновенно по штуке простого и „прежоного“ печенья. Выходя из-за стола, каждый благодарит хозяина и хозяйку, на что они отвечают: „Не взыскать прошу покорно“.

Еще не так давно жители Тункинского края строго исполняли посты. Соблюдались: Великий пост, Петров, „Гунужѝнкин“ * и Филиппов, или Рождественский. Многие соблюдали среды и пятницы, особенно, „больши“: Микольску, Благовещенску, Троицку, „Илинску“, Успенску, Богоявленску и Девяту Пятницу.

В пост не ели мясной и молочной пищи. Употреблялись „бурдук“, кисели, картофель, капуста, рыба, сусло и др. кушанья, приготовленные на „семенном“ (подсолнечном) масле.

Перед каждым постом соблюдались „заговенья“: „Рождественско“—„четырнадцатова ва фтаром зимнам мисицу“, Ма̀сленско, Петровско и Успѐнско. Они, так же, как и „розговенья“, приуроченные к большому празднику, по имени которого называется пост, отличаются, как и все праздники, обильной „моло̀сной“ пищей.

---

* Иначе—Успенский, „отрывок“ от Великого. „Великий-то пос девять недель должо̀н быть. Да тижало народу. Вот Восподь и велел Успенский пос зделать“. (У. К.).

Некоторые данные дают повод предполагать влияние бурят. Среди русских широко распространены, бытующие у монголов и бурят: „тарак“[3] (сквашенное молоко), „затуран“—чай с молоком, маслом и поджареной мукой, и „хурча“—чай с поджареным пшеничным зерном. На заимствование „хурчи“ указывало само население.

Предлагаемый материал собран в 1926 и 1927 годах, по поручению Этнологической секции Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, в селениях Гужиры, Ахалик, Тунка, Никольское, Шимки, Туран, Мойготы и Монды. Работать приходилось среди женщин—отчасти тех семей, где я жила, отчасти же их односельчанок, с которыми я завязала знакомство. О приемах собирания материала можно заметить, что в большей части это опросы, а также наблюдения над действительностью, в которой я нередко принимала живое участие.

Особенно ценными собеседницами были М. В. Попова (Ахалик), М. Е. Зверева (Шимки), Н. Д. Пежемская (Туран) и К. В. Бобкова (Гужиры).

Материал классифицирован на повседневную, праздничную и обрядовую пищу. Нужно заметить, что классификация не совсем точна. Различные блюда, употребляемые повседневно, используются часто в праздники, кроме того, повседневные блюда зажиточного и среднего крестьянина употребляются у бедного, как праздничные.

В группу повседневно-употребляемых блюд я отнесла стол крестьянина среднего достатка.

За советы и указания считаю долгом выразить благодарность М. К. Азадовскому, Г. С. Виноградову и Е. И. Титову.

Повседневный стол.

1. **Ржаной хлеб**. Съ утра накваску, находящуюся в квашне, заливают двумя ковшами воды; „когда солнышко назакат“, ее размешивают, вливают „распичканный“, заранее разваренный, ломоть хлеба, густо замешивают мукой и постепенно, вливая по ковшу, разводят теплой „как парно молоко“ водой до тех пор, пока раствор не потечет с приподнятой мутовки. Мутовку и края квашни очищают „косарем“, посыпают раствор мукой и завязанную „наквашенником“ квашню ставят на печь (зимой) или на „ленивку“ (летом).

Когда раствор запенится и опустится, квашню примешивают или на два раза или на один. В первом случае тесто приготовляют не густым „как на оладьи“, дают ему подняться

и снова подмешивают уже „насовсѣм“, во втором же месят нàгусто. Очень густое тесто не рекомендуется: при выпечке получаются толстые корочки.

Тесто „месят“ долго, пока оно не станет отставать от мутовки, покрывают мукой и оставляют подниматься, время от времени потыкивая рукой, осыпанной мукою, чтобы „не ушло на пол“.

Как только истопится печь, часть углей загребают в загнету, заметают „под“ помелом и начинают катать хлеб. Перекрестившись, хозяйка отделяет первую лопаточку теста на накваску. Остальное тесто слегка наминается на муке, распределяется в 6—8-ми деревянных чашках, наполняя их до половины, и оставляется „растронуться“. Из остатков теста со стенок и дна квашни изготовляется особый хлебец „оскребышек“, который отдается собакам. Намятая и поднявшаяся накваска кладется в квашню и выносится в чулан.

Растронувшийся хлеб вываливают из чашек на лопату; садят в печь, заслонив ее, пока хлеб не зажарится. и вынимают часа через $1^1/_2$ (приблизительно), когда затвердеет нижняя корочка. „В старину, рассказывала В. М. Т—ва, говорили, што по донышку грех стучать. Рàне и муку и сельницу—не тронуть рукой. А типерь рибитишки и у крестьян муку наваливают, а рàне крошки нельзя было валить“.

Вынутый из печи хлеб ставят „бочком“ в сельницу, застланную полотенцем и, когда он остынет, выносят в амбар или чулан.

За хлебом нужен уход. Чуть что-либо не в пору: или растворить на холодной воде, или остудить, или поставить на горячее место—будет „неудача“, которую иногда перестряпывают, складывая разломанные ковриги в квашню, заливая водой и заквашивая; получается хороший, слегка—красноватый хлеб.

2. „**Сухури**“. Разрезают на две части, параллельно основанию, приготовленные ковриги. Каждая часть надрезается почти „напрóм“ раз по шесть вдоль и поперек. Хлеб садят в печь и, когда он высохнет, разламывают по надрезам, после чего „сухури“ складываются в мешки.

Они употребляются в „страды“ и на охоте.

3. „**Солоники**“. После выкатки хлеба, в квашне нередко остается немного теста, которое раскатывают в небольшие (с четверть в диаметре) сочни, густо посыпают их солью, сгибают вдвое, наподобие пирога, и садят в печь. Когда „солоники“ зажарятся, их вынимают и употребляют, обыкновенно женщины и дети, горячими.

Горячие блюда.

Супы и похлебки.

1. **Мясной суп.** Разрезают на куски мясо, складывают его в чугун или котелок, заливают водой, солят по вкусу и ставят в печь. Когда мясо упреет, суп „заправляют“ кислой капустой, крупой—ячменной, гречневой и просовой, картофелем или ржаным хлебом „распичканным“ в кипятке и подболтанным мукой. Приправы кладется немного, чтобы суп не был густым. Он снова ставится в печь до обеда. Перед подачей на стол в него всыпают крошеного луку.

2. **Мясная похлебка**. Похлебка мало отличается от супа. Только мясо режется мельче и варится она быстро „перед пылом“.

3. **Яшные шти з грибам, бурдуком и с рыбой.** Стакана 2 ячменной, хорошо перемытой, крупы ссыпают в чугун. Кладут туда 2—3 картофелины, соли, вливают воды и ставят в „вольную“ печь к загнете. Как только разопреет крупа, в шти, кладут: а) разваренные, разрезанные на части сушеные или мелко-рубленные соленые грибы и немного луку, b) поваренку „бурдука“ (см. кисель из бурдука), размешивая шти, чтобы не скомчйлось; или с) сушеную рыбу. Шти приставляются к загнете и белятся молоком или маслом, за исключением штей с рыбой.

4. **Шти с кйслам**. Листья, кочни и т. п. остатки от заготовки капусты впрок рубятся в корытах, солятся и смешиваются с ржаной мукой. Масса киснет три дня дома, а затем выносится в погреб, где хранится всю зиму.

Берут 2 стакана крупы и поваренку „кйслов“, разотрут их, вольют воды, посолят „по припóрции“ и ставят в печь, так чтобы не всплыло, до обеда. На стол эти шти подаются заправленные сметаной. Они встречаются теперь только в Тунке на Росéйской улице, жители которой, как будто, переселенцы из России.[1]

5. **Лапша.** На двух яйцах и двух стаканах воды замешивают густое тесто, наминают его и тонко раскатывают скалкой. Сочни слегка подсушиваются, свертываются в трубочки и мелко крошатся ножем. Из лапши приготовляются следующие блюда:

а) молочная лапша. В кипящее, немного посоленое, молоко спускают немного лапши, чтобы было не густо, снова приставляют к огню, время от времени помешивая, и, когда лапша разварится, всыпают крошеного луку и перцу и подают на стол;

b) м я с н а я л а п ш а. Хороший жирный суп, когда упреет мясо, заправляют луком, перцем и лапшой, после чего он кипятится еще раза три.

c) п о с т н а я л а п ш а. В кипящую в чугуне посоленую воду всыпают мелко искрошенный картофель, снова кипятят, заправляют луком, перцем и лапшой, вливают 3 столовых ложки „семенного“ масла и ставят снова в печь до обеда.

Ж а р к и е.

1. **„Жарены картошки“.** a) Чистят сырой картофель, режут пласточками, перемывают, складывают на сковороду или в латку, солят, добавляют масла или сала, ставят в вольную печь, помешивая его, чтобы не пригорел и, когда он ужарится, подают прямо в латке на стол.

b) Очищенный вареный картофель разрезается не особенно мелко, складывается на сковороду, обливается маслом или сметаной, солится и ставится в печь. Когда он поджарится, его перемешивают, заливают сметаной и подают.

2. **Картофельны лепешки.** Толкут вареный, еще горячий картофель, разбивают 3 яйца, солят по вкусу, перемешивают, наминают на муке и катают небольшие (вершка $1^1/_2$—2 в диаметре) лепешки, которые поджариваются на масле или сале.

3. **Жареная рыба.** Очищенная от чешуи, выпотрошенная и вымытая рыба складывается в несколько рядов на сковороду. В нее добавляют соли, луку, нарезанного пласточками, перцу, масла или сметаны, обсыпают мукой и ставят в печь. Рыба хорошо прожаривается и подается к обеду.

К а ш и.

1. **„Яшная“ каша.** Заливают молоком 2 стакана перемытой всыпанной в горшок ячменной крупы; ставят в печь, изредка помешивая, чтобы не пригорела, и, когда каша равномерно загустеет, вынимают ее из печи, солят, вливают масла или сметаны и подают.

2. **Просеная и гречневая каши.** Они приготовляются почти так же, как и яшная, только они менее „распариваются“, поэтому крупы всыпают больше. Кроме того, гречневая каша держится дольше в печи, пока не выкипит вся жидкость.

3. **Картовна каша.** Разводят молоком, „чтобы лилось с ложки“, чугунок очищенного истолченого картофеля, солят его, переливают в горшок и ставят в печь. Каша хорошо проваривается, густеет и подается на стол с молоком или маслом.

4. **Заваруха.** Простокваша или „пахтань“ (остатки после приготовления масла) сливаются в горшок, ставятся в печь и, „когда дадут два ключа“, предварительно посоленые, густо замешиваются пшеничной или ржаной мукой. В заваруху добавляют масла, слегка поджаривают и подают на стол только горячей.

Кисели.

1. **„Бурдук“, „бардóшный кисель“.** Всыпают в латку полведра пшеничных или ржаных отрубей, густо замешивают их теплой водой, заквашивают дрожжами и оставляют около печи суток на трое. Выкиснувшие отруби, вместе со влитыми 3—4 ковшами холодной воды, перемешиваются, процеживаются на сите, при чем еще перемываются раза три, и выбрасываются свиньям или коровам. Наутро отстоявшуюся жидкость сливают. Мутно-белый осадок—„бурдук“ снова заливают водой и оставляют до утра. Так делают раза три для того, чтобы вытянуть из него кислоту. На четвертое утро „бурдук“ собирают в туезок или кринку и выносят в погреб, где он хранится продолжительное время.

По мере надобности достают в горшок поваренки 2—3, заливают, размешивая, кипятком, солят, приставляют к „пылу“ и, когда он вскипит, заправляют 2 столовыми ложками „яблошной“ (картофельной) муки, разведенной в холодной воде.

Подается на стол „бурдук“ с сахаром или чаще, постным маслом. Это, по словам знатоков старины, было самое распространенное кушанье.

Холодные блюда.

1. **Чеснок, лук и черемша.** Собранные, нередко верст за 10 от села, чеснок, лук и черемшу мелко рубят в корыте или „сèленке“, густо солят „чтобы побелело“, рубят еще некоторое время и складывают в карчагу или горшок, хорошо уминая мутовкой. Когда посуда наполнится, масса заливается водой, покрывается капустными листьями и деревянным кружком. на который кладется камень, завязывается тряпкой, чтобы избежать затхлости, и выносится в погреб.

2. Капуста. а) Шелкóванная капуста. Разрезанные на двое, очищенные вилкй мелко крошатся ножами или „машинками“ (доска с тремя острыми железными ножами посредине), солятся, перетираются в селенках до тех пор, пока не выступит рассол, складываются в кадушку и посыпаются

укропом или анисом. Когда кадушка наполнится, ее покрывают кружком, на который наваливают камень. К концу третьяго дня она начинает пениться и, когда рассол потечет через верх, ее выносят в амбар, где она хранится почти до свежей капусты.

б) Пластёна капуста. На дно кадушки кладут крошеную морковь, свеклу, и редьку, заполняют ее чередующимися рядами шелкованной капусты и „пластов" (разрезанных надвое или на-трое вилков), заливают кипящим отваром очищенных кочней, оставляют киснуть дня на три и выносят „на улицу" (в погреб).

Приготовляется капуста после Покрова. О капустниках (совместное приготовление капусты у кого-либо) слышать не довелось.

3. Соленые грузди. С Прокопьева дни по „Звиженье" в борах и березовом лесу собираются грузди, рыжики и грибы: обабки, масленики, и др. Дома они обыкновенно сортируются на три группы: самые свежие, грузди и старые. Грузди перемываются, складываются рядами в посудину, густо солятся— каждый ряд по отдельности, покрываются стеблями укропа, задавливаются крышкой и спускаются в подполье или погреб.

На стол они подаются растаянными с горячим картофелем.

4. Сушеные грибы. Старые грузди сушатся на печи или в печи на противнях, собираются в мешок и уносятся в амбар.

По мере надобности их приносят, заваривают кипятком, мелко рубят вместе с луком, заливают конопляным маслом и подают на стол.

5. Вареные рыжики. Молодые грибы и рыжики складываются в чугун и, варятся в соленой воде или в еще незаквашенном квасу с лавровым листом и корицей и, когда они всплывут, выливаются в туезок или глиняную посуду. Их покрывают капустными листьями и выносят в погреб.

Все эти блюда употребляются в виде салата к горячим мясным блюдам, в которые, в виде приправы, кладутся еще сушеные лук, чеснок и черемша.

6. Творог со сметаной. На тарелку накладывается хорошо отжатый творог, заливается сырым молоком и покрывается сметаной.

7. „Тара̀к". Варят до-красна молоко „из-под цынку" (снятое) простудят, заквашивают сметаной или творогом и, когда оно скиснется, выносят в погреб. Тарак употребляется большею частью как прохладительное во время полевых работ.

8. Яишница. В глиняную чашку разбивают 3-4 яйца, перебалтывают их, заливают молоком и ставят в печь. Когда яишница зарумянится и загустеет, ее вынимают и подают.

9. „Кровяна̀я калбаза“. Кровь только что убитого домашнего животного собирается в чашку. В нее добавляется чайная чашка молока, сало, соль, и немного крошеного луку. Смесь вливают в разрезанные на части и хорошо вычищенные кишки, завязывают их, спускают в кипяток и кипятят три раза.

Чтобы узнать, поспела ли калбаза, ее протыкают вилкой и, если в отверстие выступит сукровица, продолжают еще варить. Употребляется она только в свежем виде.

Напитки.

1. Черный чай. Дома чай варится в самоварах, в поле и на охоте в котелках. Особенно распространен черный кирпичный, другие виды встречаются реже.

Крошат в „крошельнице“ (небольшое корыто с крючком, в который вставляется нож) кирпичный чай, кладут в „ценинный“ (фарфоровый) чайник, заваривают кипятком и, когда он разопреет, разливают в стаканы и чашки. К чаю подают вареное до̀-красна молоко, хлеб, а по праздникам различное печенье.

2. Зеленый чай. Кипятят чугун воды, всыпают крошеный зеленый чай раза в два более черного, распаривают в печи, для чего, нередко, кладут „гужиру (белый камень кисло-соленого вкуса), забеливают молоком, добавляют масла, 2-3 горсти „затура̀ну или „хӯрчи“, размешивают и черпают чашками прямо из чугуна.

Из суррогатов чаю здесь встречаются: „шулта̀“, „черноголовник“ „брусничник“ и „шипишной цвет“.

По рассказам знатоков, шулта образуется в старых гнилых березах, в дупла которых натекает сок, загнивает и образует твердую темную массу, ввиде невполне сгоревшего дерева. Ее собирают, толкут в ступке, ссыпают в горшок, вспрыскивают чаем и, наглухо закрывши, ставят в печь. Употребляется она, подобно зеленому чаю, с маслом, „затураном“ и „хурчей“. Уверяют, что она вредна для здоровья.

„Черноголовник“, „брусничник“ и „шипишной цвет“ хорошо просушиваются складываются в горшок,заливаются чаем и „мо̀рятся“ часа три в печи. Они завариваются, подобно черному чаю, в чайниках, употребляясь чаще дома.

Приправы к чаю.

1. „Затура̀н“. Всыпают в ла̀тку тарелку муки, заливают ее двумя стаканами чаю, кладут „ошӯрки“ сала, перемешивают, ставят в печь и, когда хо̀рошо прожарится, мешают еще раз, и выносят в чулан.

2. „Хурча“ Перемытое и высушенное зерно пшеницы, реже, ярицы, поджаривают на очаге в больших чугунных чашах, Имбах“, встречаемых только у бурят, толкут в деревянных ступах, складывают в мешки и хранят в амбарах.

„Затуран“ и „хурча“ употребляются чаще в поле и на охоте, куда их возят в специально сделанных для этого кожаных сумах (около 3 вершков в длину и ширину).

Праздничный стол.

1. Пшеничный хлеб. Его приготовляют на картофельной опаре или из отрубей и на подбойке.

а) Опара из отрубей. Перед „вечорошным“ чаем сеют пшеничную муку, всыпают в квашню 5-6 совков отрубей, заливают их 4-мя ковшами кипятку и хорошо перемешивают. Затем добавляют еще 2 ковша кипятку, разводят холодной водой, прибавляя ее до тех пор, пока опара не будет „как парно молоко“, спускают чайную чашку дрожжей, завязывают квашню и ставят ее на печь. Утром, когда опара выкиснет, т. е. отруби поднимутся и расколются, верхний сухой их слой-— „гуши“ снимают и оставляют для закваски следующей квашни. Опару цедят сквозь сито, солят и подбивают мукой.

б) Картофельная опара. Четверть ведра хорошо вымытого вареного картофеля толкут в квашне, перемешивают его с 2-3 мя горстями муки или отрубей, заливают кипятком хорошо перемешивают, добавляют ведро холодной воды, помешивая все время, и заквашивают двумя стаканами дрожжей. Когда картофель поднимется, обыкновенно с вечера опару процеживают, подбивают мукой, месят ни-густо, до тех пор, пока тесто не перестанет прилипать к мутовке, и ставят в теплое место.

Утром тесто перебивают несколько раз, катают калачи, как только истопится печь, раскладывают их на стол, осыпанный мукой, садят в печь, когда они пропекутся, вынимают, дают им остыть и выносят в амбар.

2. Сдобное тесто. Разбивают в квашню 5-6 яиц, вливают сбитое в пену масло, пахтань, простоквашу или молоко, перемешивают все, вливают 2-3 ковша теплой воды, заквашивают дрожжами, густо подмешивают пшеничной или белой мукой и долго бьют; бьют, так чтобы щелкало. Утром перебивают выкисшее на печи тесто, дают ему подняться еще раз и стряпают печенье: помазунки, пироги и др., которое садится в первый жар.

3. Лепешки. Часть только что процеженой опары вливают в кринку, подбивают не густо мукой и дают подняться. Нагревают в обуглившейся печи сковороду, смазывают ее маслом и наливают уже поднявшееся тесто, столовой ложкой, смачивая ее холодной водой, чтобы не прилипало. Лепешки поджариваются с обоих сторон, складываются на тарелку и подаются со сметаной или маслом.

4. Пресные калачики. На стакан простокваши кладут 2 яйца, чайную ложку соды и немного соли. Хорошо перемешивают, всыпают пшеничной, изредка, белой муки и густо замешивают. Тесто можно заводить, когда печь хорошо растопится. Катают небольшие, вершка $1^1/_2$ в диаметре, калачики, которые поджариваются на сале или масле.

5. Сушки. Обыкновенное пшеничное тесто густо наминается на муке раскатывается в небольшие калачики. Перед пылом в чугуне кипит вода. Калачики спускаются в воду и кипятятся до тех пор, пока не всплывут. Их вынимают, складывают на стол той стороной вниз, на которой они уже лежали: иначе сушка сморщится, и, когда они обсохнут, складывают на противни и садят в „вольную" печь.

6. Блины. 5 яиц, 4 стакана молока, ковш холодной воды, щепоточка соли и чайная ложка соды хорошо перебалтываются в латке. Все это густо замешивается пшеничной мукой и постепенно разводится холодной водой до тех пор, пока оно не потянется" с поваренки. Нагревают сковороду, промазывают маслом и наливают поваренкой тесто, поворачивая сковороду, чтобы оно равномерно растеклось. Блины поджариваются с обеих сторон, „частятся" и заливаются сметаной или маслом.

7. Помазунки. а) Шаньги. Когда растопится печь сдобное или простое тесто, нередко и ржаное, слегка наминается и раскатывается на небольшие (четверть в диаметре) сочни, которые складываются на промазанные маслом противне. На каждом из них делается небольшой ободок, получаемый следующим образом: сочень медлено повертывается левой рукой, правая же касается конца сочня; пальцы ее, двигаясь по столу, приподнимают краешек, который закатывается ладонью. Ободок делается для того, чтобы не расплывалась размазанная по сочню налевка, которая приготовляется так: 1) вареный очищеный картофель „распичкивают," мутовкой в латке, разбивают в него 2-3 яйца, вливают молока или простокваши и хорошо перемешивают; 2) растирают хорошо отжатый творог, солят и смешивают с 2-3 яйцами и стаканом молока или сметаны; 3) 2 стакана простокваши или сметаны смешиваются с 2-3 яйцами солятся и не густо подбиваются пшеничной мукой. „Налевошны" шаньги (в последнем случае) стряпаются без ободков.

Сверху шаньги покрываются сметаной и садятся в печь, чтобы зарумянились и подсохли.

в) „Тарачки". Они бывают различной формы. Чаще всего встречается следующая: на противоположных концах сочня разрезаются ножом два отверстия так, что получается два полукольца в палец шириною, которые соединяются с общей массой сочня двумя небольшими промежутками. На средину сочня кладут начинку, чаще ягоды: землянику, голубицу, смородину, бруснику и черемуху, вскипяченные перед „пылом" и заправленные „яблошной" мукой, черемуха же, смолотая на мельнице и просеянная на сите, заваривается с вечера, утром же подбивается мукою. Начинка равномерно распределяется и покрывается вытянутыми. положенными друг на друга, полукольцами.

8. Пироги. Тесто для пирогов берется из пшеничной или ржаной квашни, пресное же „нейдет—пузырйтся". Его минают, раскатывают, на небольшие, как на шаньги, сочни, на которые накладывается приготовленная заранее начинка, защипывают их и „прегу́т" (жарят) в масле на сковороде, реже пекут в вольной печи.

Начинки для пирогов бывают разные.

1) „Капустники". Кислую (зимой) или свежую (осенью) капусту рубят сечкой в „селенках", отжимают ее. складывают на сковороду и поджаривают в масле или сметане. В свежую добавляют по вкусу соли.

2) „Творожны" или „сырны" пироги. Хорошо отжатый перетертый творог перемешивают с 5-6 яйцами, 2-3 столовыми ложками сметаны и щепеткой соли.

3) „Картóвны". Очищенный вареный картофель, еще горячим, толкут в „селенке", смешивают его с таким же количеством мелко изрубленного луку и вливают сметаны, молока или конопляного масла, чтобы масса была влажной.

4) „Пироги с луком". Мелко искрошенный лук складывают в деревянную чашку, солят толкут мутовкой, добавляют 2-3 яйца и сметаны или масла, перемешивают и „загибают" пироги нередко из ржаного теста.

5) „Морковники". Мелко рубят, очищенную, свареную перед пылом морковь, солят ее по вкусу, разбивают 2-3 яйца, заливают стаканом молока или сметаны, и хорошо перемешивают.

6) „Груздóвы пироги" Принесенные с погреба, перемытые грузди, летом специально посоленые на неделю, мелко рубятся и немного поджариваются в масле.

7) „Пироги с ягодами". Ягоды приготовляются так же как и в „тарачки", только иногда, подмешивают их пшеничной мукой.

8) „Пироги с избоинной". „Избóина"— оставшаяся, после выработки „семенного" масла, масса складывается с вечера в кринку и заливается водой. Утром ее растирают, процеживают сквозь сито, при чем оставшаяся масса промывается еще раза три и выбрасывается, наконец, свиньям. Мутную жидкость сливают в чугун и ставят в печь. Вода кипит. Сверху собираются белые пенки, которые вылавливаются на тарелку, солятся и хорошо размешиваются с мелко искрошеным луком.

9) Пириги с осердием. Сварят и изрубят осердие. Положат в него луку, перцу, соли, зальют „отвáром" (водой, в которой оно варилось) и хорошо перемешают.

Летом, когда бьют скота к страде, осердие используется сразу-же чтобы оно не испортилось от жары.

10) Пироги с мясом. Сырое или вареное мясо мелко рубят в корыте, солят по вкусу, кладут перцу, луку и жарят в масле перед пылом. Сырое мясо прожаривается лучше.

9. Большие пироги.

1) „Хлёбальны пириги". На один край большого, в палец толщиной, сочня из пшеничного или ржаного теста накладывают начинку: капусту, морковь и др. Закрывают ее другим краем, обрезывают лишние, выступающие у сгиба, части теста, защипывают и садят на противне в печь. Когда пирог зажарится и затвердеет, его вынимают, срезают верхнюю корку, вливают масла, перемешивая начинку и подают на стол в виде чашки, из которой начинка хлебается ложками.

2) Складнóй пирог. На сковороду кладутся 5 или 6 сочней сдобного теста, между которыми чередуются прослойки начинки: ягод или изюму. Сверху пирог покрывается большим сочнем, так что охватываются его края, печется в вольной печи и подается на стол холодным.

3) „Творожны, грузденые и капустные". На смазанный маслом противнь раскатывается большой, пальца $1\frac{1}{2}$ в толщину, сочень из ржаного или пшеничного теста. На него плотным слоем накладывается разрезанный ломтиками лук, который покрывается начинкой: капустой или грибами, последние нередко кладутся целыми.

В творожные пироги лук не кладется. Свободные от начинки края сочня загибаются и защипываются, пироги садятся в печь после печения, и подаются разрезанными на части или как отдельное блюдо или вместе с другим печеньем к чаю.

4) Сладкий пирог. Раскатывается сочень из сдобного или простого теста, кладется на сковороду или противнь и по-

крывается ровным слоем начинки: ягод или изюму и урюку, распаренных у огня и мелко изрубленных. Начинка покрывается „крест на крест“ полосками теста, в палец толщиной. Это—„закрытый“ пирог. „Открытые“, т. е. без полосок сверху, пироги начали готовиться за последнее время.

10. Вафли. 10-12 желтков, стертых со столовой ложкой сахару, смешиваются со взбитыми в пену веничком из красных пруточков белками. В них добавляют соли, чайную ложку соды и замешивают не густо пшеничной мукой. На углях нагревается хорошо промазанная маслом вафельная доска, купленная кем либо и переходящая из рук в руки. В одну из ее створок наливается тесто, она закрывается и кладется на угли, пока вафли не зажарятся с обоих сторон.

Подаются они в тарелке, сложенные так, что внутри остается место, куда вливают „Хрем“—2,3 белка, взбитые с 2-3 стаканами сахару.

Каждый, беря вафлю, покрывает ее чайной ложкой „хрема“.

11. „Роски“. Разбивают 15-20 яиц, добавляют щепотку соли и столовую ложку сахару и „круто“ замешивают крупчаткой. Тесто хорошо наминается, тонко раскатывается и разрезается на различной величины кружочки (стаканом, блюдцем и рюмкой). Кружки смазываются посредине белком, накладываются друг на друга, постепенно уменьшаясь, слегка надавливаются посредине, чтобы слепились, и спускаются в кипящее масло, пока не зарумянятся. В средину каждой „роски“ кладут иногда варенье.

12. „Свит или есвит“. Накаляют и смазывают маслом глиняную латку, сливают в нее, взбитые в пену 10 белков и растертые с сахаром желтки, всыпают, быстро мешая, стакан картофельной муки, ставят в печь и, когда „свит“ поднимется, зажарится и перестанет „щелкать“, вынимают из печи.

13. „Заварны калачики“. Четыре чайных чашки кипятку и чашка „тàлова“ (топленого) масла вливаются в чугун, ставятся на „талуhан“ и кипятятся. Когда жидкость даст „три ключа“, всыпают щепотку соли, столовую ложку сахару и густо замешивают крупчаткой или картофельной мукой. Тесто перекладывается в чашку, разводится яйцами до тех пор, „пока не будет капать“, после чего стряпают пробный калачик. И лишь убедившись в мере, раскатывают остальное тесто, садят на противнях в печь, откуда калачики вынимаются, как только перестанут „щелкать“.

14. „Кòльца“. В латку или кринку разбивают 10 яиц, перебалтывают их, всыпают сахару, чайную ложку соды, щепотку соли и круто замешивают крупчаткой. Тесто разводят

яйцами, молоком и водой в отношении: 5 яиц на стакан молока и стакан воды, до тех пор, пока оно не „потянется с ложки".

В железной кастрюле „на ка́мфоре" кипит масло. В него спускают „лесо́рку" (изогнутая железная спираль около четверти в диаметре и вершка в высоту), нагревают ее, быстро погружают в тесто и снова спускают в масло. Готовое кольцо стряхивается на тарелку.

Горячие блюда.

Супы.

1. Пельмени. Разбивают три яйца, смешивают со стаканом молока или воды, солят и густо замешивают крупчаткой или пшеничной мукой. Тесто круто наминается, раскатывается в тонкие (2 м.м.) сочни, которые разрезаются на „косячки" (ромбы) с вершок в диаметре.

Начинка приготовляется из мяса или рыбы, которые рубятся в селенке с добавленными перцем, луком и 2 ковшами воды, чтобы мясо было влажно, и раскладывается чайной ложкой на сочни, которые затем защипываются и складываются на посыпанные мукой противни.

Жаркие.

2. „Жарнина". Режут небольшими кусочками 4—5 фун. мягкого мяса, складывают в глиняную латку, наливают воды, солят, добавляют черемши́ или чесноку, 6—8 сырых очищенных картофелин и ставят в печь или на „талыга́н" часа на 1^1_2, время от времени помешивая, чтобы не пригорело.

3. „Котле́ты". Рубят 5—6 фунтов хорошо перемытого мяса, добавляют „препарату": соли, перцу, 5 луковиц, 2—3 картофелины, 5 яиц. немного размоченной в кипятке булки и чайную чашку молока. Отделяя столовой ложкой немного мяса и слегка наминая его в сухарях, скатывают небольшие клубочки выделывают из них лепешки и нарубают их „крест на крест" ножем с той и другой стороны.

Котлеты складываются на сковороду, жарятся в масле или сале и подаются на стол с „подле́вом" из сусла, ягод или капусты.

4. „Смолос(т)ь". Вымоченную свечера смолость (вымя) натирают порошком из перцу, лаврового листа и соли, кладут в латку, заливают водой, добавляют масла и крошеного картофеля и ставят в жаркую печь, чтобы она хорошо прожарилась.

5. „Сычуг". 1^1_2 стакана крупы, обваренной 2 раза кипятком и смешанной со стаканом мелко изрубленного мяса или

осердия, в которое добавлены: соль, лук и перец, складывают в хорошо вычищенный „сычуг“ (часть желудка крупного рогатого скота), нижний, более узкий, конец которого завязан ниткой. Завязав или зашив открытый конец, кладут сычуг в латку, заливают водой и ставят в печь. Когда он поспеет, его поджаривают с обеих сторон уже в другой латке и подают на стол с „подлёвом“—жидкостью, в которой он жарился.

6. Курица, залитая яйцами. Заранее освежованная курица или утка заливается в чугуне водой, солится и ставится в печь. Когда она упреет, ее „частят“ на доске, складывают в латку, заливают 10-ю яйцами, смешанными со стаканом молока, и снова ставят в печь, где она хорошо прожаривается. *Иногда она подается холодной.*

К а ш и.

7. „Саламàт“. В чугунной чаше, специально сделанной для саламата или чаще, в чугуне на „талуhане“ кипятят 5 стаканов сметаны. Когда она „даст 3 ключа“, всыпают тарелку пшеничной муки, мешая все время, дают ей вскипеть еще несколько раз, вливают стакан холодной воды и снова кипятят. Вода вытесняет вытопившееся масло, которое сливают в какую либо посуду. Саламат выкладывают на тарелку и подают на стол.

С л а д к и е б л ю д а.

Кисели. Кисели готовятся из ягод: облепихи, голубицы и брусники. Готовят еще „молочàйный“ кисель из молока. Характерным в приготовлении киселей является то, что их „заправляют“ картофельной мукой, разведенной в холодной воде, которая имеет свойство сгущать кипящую жидкость.

а) **Кисель из ягод.** Стакана 2 каких либо ягод всыпают в горшок, заливают водой, кипятят перед „пылом“ и, когда они уварятся, процеживают через сито. Оставшиеся ягоды распичкивают, промывают отваром, который сливают в горшок, добавляют в него 2 столовые ложки сахару (в облепишный—больше), приставляют к огню и, когда он вскипит, заправляют картофельной мукой. Кисель кипит еще некоторое время, сливается в тарелки и подается на стол.

б) **„Молочáйной“ кисель.** Кипятят горшок молока, заправляют его чайной чашкой картофельной муки, дают еще покипеть немного, сливают в тарелки, посыпают сверху сахаром и подают на стол.

Кисели иногда употребляются холодными.

Холодные блюда.

Холодные мясные.

1. Студень. Обжигают в „пылу“ 3--4 ноги крупного или мелкого рогатого скота, очищают их, разрубают на части, заливают водой в полведерном чугуне, солят и ставят в печь. Когда ноги упреют, их рубят в селенке, выбравши предварительно кости, добавляют луку и перцу, заливают „отваром“, перемешивают и выносят на холод.

Вечером накануне Нового Года (1 янв. с. с.) студень готовится из свиных или бараньих ножек, из косточек которых дети делают „фурчáлки“ или „шуршáлки“.

2. „Солонина“. Нарезанную кусками свинину складывают в чугун, сильно солят, кладут лаврового листу и перцу, заливают водой и ставят в печь. Когда она хорошо упреет, дают ей остыть, разрезают на тоненькие ломтики и подают на стол с горчицей.

3. Язык. По утрам, в течении трех дней, натирают порошком из перца, лаврового листу и соли хорошо просоленный скотский язык. На четвертый день варят его в вольной печи и, когда он поспеет, с горячего еще снимают кожицу, кладут на тарелку и выносят на улицу.

4. „Окорок“. Недели за три до праздника приносят скотское, баранье или свинячье „стегно“ (бедро), засаливают его в кадушке и, когда подойдет праздник, натирают перцем, завертывают в ржаной сочень и на противне садят в печь. Часа через $1^1/_2$—2 (приблизительно) смотрят не поспел ли он, для чего часть корки снимают и протыкают мясо вилкой. Если из отверстий не выступит сукровица, окорок освобождают от корки, кладут на тарелку и „убирают“ цветной бумагой, т. е. обертывают ею оголившуюся кость.

Сладкие холодные.

1. Сусло. а) Заваривают 5—6 фунтов ржаной муки и столько же солоду (проросшего, высушенного и смолотого зерна ржи или ярицы), замешивают погуще и ставят на печь. Утром массу наминают на отрубях, стряпают „квасники“ (ковриги с отверстием посредине, чтобы лучше просыхало) садят в печь сушиться, иногда, дня по три, и выносят в чулан.

Заливают водой разломанные в горшок 2—3 „кваснika“, ставят в печь и, когда они разопреют, темную густую жидкость „сусло“ сливают в глиняную посуду.

b) 5 фун. солоду и 5 ф. ржаной муки заваривают и хорошо размешивают в „корчáге“ (латка с отверстием у донышка,

в которое вставляется деревянная палочка—„гвоздь“), ставят ее на печь, тепло укрывают и „солодя́т“, время от времени помешивая. К па́ужне затопляют печь, смешивают солод с горстью мелко изрубленной соломы, кладут в свободную корчагу две „ки́дки“ (соломенные кольца с четверть в диаметре). при чем, одна весится на гвоздь, а другая кладется на дно: „крест на крест“ к первой, выкладывают в нее солод, наливают ковш кипятку и ставят „на́ солод“ в жарко натопленную печь.

На́утро корчага вытаскивается, наполняется кипятком, который льется на „корочку“ (мешать солод нельзя). Вскоре из открытого отверстия вытекает, сначала, густое темное „сусло“, а затем, более светлое „пиво“, которые собираются в различную посуду. В сусло добавляют сахару, сушеной черемухи, реже, изюму и урюку и, если оно жидковато, картофельной муки; сливают его в глиняную посуду и выносят до праздника в погреб.

2. Ягоды. a) Хорошо вызревшие земляника, голубица. черная и красная смородина складываются в стеклянные банки или туясья, засыпаются слоем сахарного песку и выносятся в подвал.

b) Всыпают ягоды в кринку, заливают водой, кладут ложки 4 сахару и ставят к загнете. Утром ягоды сливаются в глиняную посуду, заливаются топленым маслом и выносится в погреб.

c) Брусника вызревает позднее и сохраняется лучше, ее ссыпают в кадушки, заливают кипяченой с сахаром водой и ставят в подвал.

d) Более зажиточные крестьяне варят „настоящее варенье“. В эмалированную кастрюлю или таз кладут сахару „половина на половину“ (по объему) смачивают водой и кипятят на „талуhане“. Когда сахар закипит, всыпают ягоды, кипятят их помешивая и собирая подымающуюся пену, до тех пор, пока не загустеет сироп. Дают варенью остыть, сливают в банки и выносят в чулан.

Напитки.

1. Квас. Только что приготовленные „квасники“ (см. сусло), разламываются в горшок или чугун, заливаются водой и ставятся в печь. Наутро напревшуюжидкость „слевают“ в кадушку, добавляют в чугун квасников и снова ставят в печь. Таким образом кадушка наполняется квасом, который заквашивается дрожжами и, когда он запенится, процеживают его через сито и выносят в подвал. Иногда в него добавляют сушеной черемухи или изюму.

2. Пиво. Пиво готовится вместе с суслом. Как только из корчаги сбежит сусло, посуду меняют, собирают более прозрачное, жидкое „пиво“, доливая корчагу кипятком еще 2—3 раза, сливают его в деревянную кадушку, заквашивают дрожжами, цедят, когда оно подымется, как опара, и выносят в подвал.

Лакомства. Наиболее распространенным, употребляемым женщинами и детьми, лакомством является лиственичная сера. Ее „кулупа́ют“ специально для этого сделанными ножами, приносят домой, наполняют до половины водой латку, покрывают ее сеткой лучинок, на которые кладут конопля́, а поверх его серу вместе с корою. Латка ставится в печь и держится там до тех пор, пока вся сера не растопится и не стечет в воду, после чего ее делят на плиточки около вершка в диаметре.

Серу приготовляют большею частью специалистки. которые обменивают ее желающим по яйцу за плитку.

Обрядовые кушанья.

Дней, с определенно выраженным обрядовым значением, в году тункинского крестьянина не так мало. Это—Пасха, Фомино Воскресенье, Троица, Семик, Девята Пятница и др. календарные праздники, кроме того, не приуроченные к определенному дню „отжи́нки“, „отмоло́тки“ и семейные: крестины, свадьба и „поминьки“.

К одним праздникам готовят особые, не употребляемые в другие дни, кушанья, напр., куличи, сыр, крашеные яйца на Пасху, обрядовое печенье „жавара́нки“ в день Сорока Мучельников (9 марта) и др. В другие же используются с этой целью продукты и кушанья, взятые из повседневной жизни, как „бабушкина каша“ в крестины, „холодный кисель“ в поминки и ряд других.

9-го марта в день Сорока Мучельников пекут особое печенье „жавара́нки“ на каждого члена семьи, каждой лошади: „штобы не завалилась на весну“, и „дедушке-суседушке“.

Приготовляется оно различно. Чаще, прямо из квашни катают булочку, растреплют разрежут на три части: одна туша, другие крылья. Нарежут ножем „перушки“, загнут голову, доспеют глаза, нос и испекут. Некоторые стряпают особое тесто, наминают его на анисе или конопляном семени, выделывают „жаворонков“, варят их в соленой воде и, когда они обсохнут, пекут в печи.

К пасхе, помимо часто встречаемых в другие дни блюд, готовятся куличи, сыр и крашеные яйца.

Готовят все это в Великий Четверг.

1. Куличи. Куличей стряпают несколько: для посеву (первый), для гостей и для себя, иногда, на каждого в семье.

Кулич, предназначенный к посеву, ставится в „ситиве“ (лукошко, из которого сеют) с зерном на стол в передний угол, освещается во время молебна, стоит на одном месте весь праздник и сохраняется в погребе до начала посева. Зерно из „ситива“ смешивается с посевным хлебом.

В первый день сева, перед отправкой в поле, кулич ставят на стол, обрызгивают его „святой водой“, зажигают свечи и всей семьей молятся. Кулич берут с собой на пашню и съедают его до начала работы. Крошки от пасхального кулича с шелухой яиц, воском от свечи, „которой Христа стричали“, ладаном и вересом привязывают в тряпочке к ситиву.

Тесто для куличей делается из пшеничной, редко из белой муки. С вечера замешивают опару. Утром в нее добавляют масла, сахару и молока, примешивают и дают подняться, не хлопая, как обыкновенное тесто. Когда печь истопится, нагревают и промазывают маслом формы (небольшие железные ведра), обсыпают их сухарями и наполняют до половины тестом. Поднявшиеся куличи садят в печь, вынимают часа через $1^1{}_2$, осторожно вытряхивая на подушку, „поднимают“ на поднос и „убирают“ взбитым в пену белком со стаканом толченого сахару и „светным маком“, специально покупаемым в лавках.

2. Сыр. 5 фунтов, хорошо отжатого и растертого, творогу перемешивают с 5-ю яйцами, полфунтом масла и чашкой сахару; выкладывают его в деревянную формочку, в которую постлана тряпочка, или завязывают в полотенце и придавляют камнем. Через сутки его вынимают, ставят на тарелку и окружают крашеными яйцами. Иногда сыр украшают разрезанными на двое вареными яйцами, которые кладутся по углам в свободную еще форму.

5. Крашеные яйца. Яйца красят лиственичной корой, луком и веничным листом, „светком“, „опилками сена“, „линючей“ материей, „куксином“ и чернилами.

Лиственичная кора, дающая коричневый цвет, собирается в любое время года. 5—6 пригоршен ее толкут в ступе, заливают в чугуне водой и парят всю ночь в печи.

Лук и веничный лист, окрашивающие в желтый и бордовый цвета, кипятятся перед пылом.

„Светки“ (лепестки пострела) и „опилки“ сена (труха), дающие „бусенький“ и темно-желтый цвета, ставятся в печь часа на четыре.

„Линючая материя“ ярких цветов заваривается кипятком.

Утром в кипящий перед пылом навар спускаются яйца минут на 15, отпускаются затем, в холодную воду, чтобы отстала шелуха и перетираются для блеска маслом.

„Куксйн“ (фуксин) и чернила разводятся в стакане, куда спускаются уже вареные яйца на несколько минут.

О кушаньях на поминках и крестинах достаточно ограничиться несколькими подробностями

„Поминьки“. Пока народ на кладбище, хозяйки, нередко приглашенные стряпухи убираются по дому. К приходу с кладбища все приготовлено: стружки и щепа от гроба сожжены среди двора, изба вымыта, столы, составленные в ряд от переднего угла ко входу, застланы скатертями и накрыты холодной „зáкуской“—пирогами с рыбой, холодными мясными блюдами и др.

Гости умываются на дворе, проходят в избу и садятся за стол. Их сразу же обносят чашкой горячего чаю с калачиками, пирожками и тарочками, после чая подают горячую закуску—мясные горячие блюда, кисели и др. Перед холодной закуской иногда хозяин (старший в доме) обносит всех рюмкой водки. После нее ставят холодный, обыкновенно бурдýшный кисель, застуженный в чайных чашках и опрокинутый в тарелку с сахарной или медовой водой. Отведав его, гости сидят некоторое время молча, потом встают и „дают спасибо хозяевам“.

В с. Никольском перед расходом по домам ставят на стол две бутылки вина. Все присутствующие подходят к ним по очереди и выпивают по рюмке.

„Стины“ (крестины). К „стйнам“ готовят те же горячие и холодные зáкуски, которые употребляются каждый праздник. В порядке подачи блюд особой разницы не наблюдается. Только перед чаем „бабушка повитýха“ подает тарелку с густо свареной кашей—гречневой, ячменной или просовой, около которой ставится блюдечко. Гости должны выкупать кашу у бабушки, она же угощает каждого своим вином.

В заключение, можно отметить чистоту и опрятность, соблюдаемые тункинскими женщинами при изготовлении пищи, и большое уменье в кулинарном искусстве, о котором Ровинский замечает следующее: «Если в обыкновенное время питаются кое-как, то в праздничное, во время какого-нибудь домашнего пира, вы увидите, что тункинцы умеют изготовить. Бывши на нескольких свадьбах, я видел везде отличные печенья, весьма разнообразные, и думал, что все это им делают поляки; но оказалось, что там каждая женщина умеет отлично испечь, дайте только хорошей муки. Затем важную роль играют мясные блюда, которые подаются изрезанные на мелкие кусочки. В каждом доме также делается порядочный запас грибов и ягод. Так что в общем итоге у сибиряка больше стремления поесть хотя немного, но повкуснее, и больше уменья изготовить, чем у русского“.[6]

Терминологический словарь

(пища и посуда).

Бардо̀шный кисель—кисель из бурдука.

Бурдук—суслò̀й, осадок из вымоченных пшеничных отрубей.

Вò̀льная печь, вò̀льной жар—истопившаяся, уже закрытая печь.

Гужò̀р солонец в виде камня или земли.

Гуши—гуща.

Есвит, свит — бисквит (образовано через осмысление; ср. **есва** в „Матер. для народн. календ." Г. С. Виноградова, стр. 56).

Жарнò̀на—жаркое, жареное мясо.

Загнéта—углубление в углу печи, куда загребают угли.

Зà̀куска легкий завтрак, чаще мясные и рыбные блюда.

Заправлять суп добавлять приправы—картофеля, капусты и пряностей.

Затурà̀н—стр. 32.

Избò̀нна—стр. 36.

Кà̀мфор—стр. 24.

Кислы—стр. 28.

Корчà̀га—стр. 40.

Косà̀рь—нож употребляемый при изготовлении хлеба.

Крынка—глиняная своедельная посуда особой, редко встречаемой, формы, около 6 верш. в высоту и 4—5 в диаметре у дна, постепенно расширяющаяся кверху.

Круто замесить—густо.

Крошѐльница—стр. 32.

Лà̀тка—глиняная глубокая (до четверти) сковорода, иногда продолговатая.

Лесò̀рка—стр. 38.

Молочà̀йной кисель—молочный.

Мяхкие—свежий пшеничный и белый хлеб или простое печенье.

Наквà̀ска — небольшое количество теста, употребляемое для заквашивания нового теста.

Наквашѐнник—полоса холста около $1^1/_2$ арш. в длину и ширину, которой завязывают квашню.

Налѐвошны шаньги—шаньги, покрытые сметаной или простоквашей, подбитыми мукой.

Оскрѐбышек—стр. 27.

Ошурки—не вполне вытопившееся скотское сало.

Пà̀хтань—остатки от приготовления перетопленного масла.

Подлѐв—жидкость, в которой жарилось мясо, подаваемая к нему вместо соуса.

Помазýнки—печенье (тà̀рачки, шаньги), покрываемое сверху начинкой.

Прежò̀ное печенье—печенье прожареное в масле.

Простое печенье—печеное в вольной печи.

Прò̀пасы—мука и др. продукты питания.

Прò̀твинь — противень, железный лист около $1^1/_2$ арш. в длину и 3-х четв. в ширину, с загнутыми на $^1/_2$ в. краями.

Раствò̀р—жидкое, еще не подмешанное тесто.

Саламà̀т—стр. 39.

Сѐленка—деревянное корыто около 1 арш. в длину, $^1/_2$ арш. в шир. и $^1/_4$ арш. в глубину.

Семенно̀е масло—конопляное.

Скомчò̀лось — неравномерно, комками сгустилось.

Смолос(т)ь—коровье вымя.

Стегнò̀—бедро домашних животных употребляемых в пищу.

Талуна̀н—железный треножник, на котором варят пищу.
Тара̀к—стр. 31.
Та̀рачки—стр. 35.
Хлёбальны пириги—стр. 36.
Хрем—крем.
Хурча—стр. 33.
Цени́нный чайник – фарфоровый чайник.
Молоко **из-под цынку**—снятое молоко.
Части́ть—разрезать на мелкие части.
Ша̀ньги—стр. 34.
Шулта̀ – стр. 32.
Яблошна мука—картофельная.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Авдеева, Е. Записки и замечания о Сибири. Москва, 1837, стр. 11—30 и 154—156. Пейзен. Этнографические очерки Минусинского и Канского окр. Енисейской губ. Жив. Стар., 1903, в. 4, стр. 316—317.

2) Серошевский, В. Л. Якуты, т. I. СПб. 1896, гл. V; стр. 309—326. Стуков. К. Очерки монголо-бурят, кочующих в Вост. Сибири. Зап. СОРГО, кн. VIII, 1865 стр. 141—172. Попов, Н. П. Пища тунгусов. Сиб. Жив. Ст. 1926 г., в. 1 (V)

3) Селищев. А. М. Диалектологический очерк Сибири. Ирк. 1920, стр. 266—268.

4) Виноградов, Г. С. Замечания о говорах Тункинского края. «Бурятовед. Сборн.“ В. II. 1925, стр. 2.

5) Даль, В. Толковый словарь, изд. 2, т. 4. стр. 668. Толкование шулты М. Е. З-вой близко к объяснению Даля.

6) Ровинский, П. „Очерки Восточной Сибири“. V, Тунка. „Древняя и новая Россия“, т. III, 1875, стр. 386

Георгий Виноградов.

Детские игровые прелюдии.

Этим очерком я хочу присоединить еще одну главу к прежде написанным частям книги о детском быте, языке и детском художественном творчестве в слове.

Глава эта — только одна из работ, подготовительных к той, которая может создаться в результате обстоятельного рассмотрения всех существенных элементов проблемы, вытекающей из необходимости познания детского мира с его бытом и творчеством.

Заглянуть в этот быт с его строем, с претерпеваемыми им и в свою очередь оказываемыми им влияниями, заглянуть в это творчество, в рождение его и историю — вот привлекательная задача, которую может ставить себе исследователь.

Желание его может питаться многими надеждами и ожиданиями, многими догадками и соображениями, многими потребностями и обстоятельствами, о которых будет речь. Но осуществление этого желания затруднено многообразными условиями и причинами, прежде всего и более всего — методологическими.

Чрезвычайно трудно, если вообще возможно, проникнуть взрослому человеку в тайны детского мира и творчества. Взрослым малодоступны произведения детского творчества не по трудности его понимания, а по чуждости настроений, которые неуловимы и неопределимы, по чуждости тем, которые своеобразны, по чуждости форм, которые необычны.

По мере отхода от детских интересов, мы, видимо, теряем способность понимания произведений детского фольклора. Рассматриваемый сейчас вид, считалки, на детей производит большое впечатление, за гранью же детского возраста „их больше не ощущают“: у взрослых они вызывают улыбку недоумения или насмешку непонимания. Поэтому взрослые так мало их помнят: почти каждый из нас их словно когда-то „слышал, но полузабыл, но забыл не вовсе“... Отсюда — трудность их изучения.

В сознании и понимании исследователя, человека взрослого, могут затушевываться картины, не восприниматься или затери-

ваться художественные образы, потухать искры поэзии, близкие и понятные детям, но недоступные или не во всем доступные взрослому. Для достаточного проникновения в понимание рассматриваемых явлений, связанных с детским художественным творчеством в этой области, недостаточно знать только тексты произведений, как недостаточно сделать наблюдения над их исполнением. Нужны еще личные воспоминания, вызванные или поновленные многократными непосредственными наблюдениями: нечто похожее на то, что в психологии называется постижением внутреннего мира других через самонаблюдение, имеет место и здесь. Творчество взрослых значительно доступнее пониманию; детский фольклор—в ином положении: здесь трудность задачи заключается в необходимости уразумения творчества через посредство сопереживания.

Вероятно, тем и нужно объяснить сравнительное обилие собранных у нас материалов по фольклору взрослых и исследований его и весьма малое количество собранных и совершенно не изученных материалов по детскому фольклору.

Это исследование написано с целью привести в известность накопленные материалы, относящиеся к крупнейшему отделу детской устной словесности, посильно определить их объем и содержание, осветить, насколько удастся, произведения, выделенные для этой работы, со стороны их формы, состава и построения.

Не имея предшественников в работе, едва ли возможно обезопасить себя от больших и малых промахов. Многие недочеты видны и самому автору.

В основу объяснительной части этой работы положены главным образом личные наблюдения и впечатления, которые не могут считаться достаточными, так как относятся к сравнительно небольшой провинции (Забайкалье, Иркутский и Приенисейский край и южная часть Акмолинской области); правда, благодаря щедрой помощи многих лиц, я располагаю материалами, относящимися и ко многим другим провинциям по ту и по другую сторону Урала, но все же личные воспоминания, впечатления и наблюдения неизбежно, незаметно для самого исследователя, преднастраивают его в пользу тех или иных суждений, окрашивая их, быть может, не всегда в „натуральный“ цвет.

В главнейшей части работа выполнялась в условиях, не обеспечивавших желательных возможностей, поэтому в поле зрения исследователя вошли почти исключительно великорусские тексты; украинские и белорусские привлекаются не только без должной полноты, но, можно сказать, случайно.

Рис. 1.

Не перечисляя других недочетов (граничащая со схематичностью сжатость изложения—пусть и вынужденная—и проистекающая отсюда недостаточная „прозрачность“ словесной ткани, поверхностная проработка некоторых частных вопросов и пр.), считаю уместным оговорить часть терминологическую.

Как и в других видах детского фольклора, в рассматриваемом жанре мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов и не имеем устоявшейся терминологии. Это обстоятельство служит, я думаю, извинением моей смелости предложить опыт классификации детских игровых прелюдий и ввести в оборот некоторые обозначения, претендующие только на условное значение рабочих терминов [1].

Если мое описание не лишено, как хотелось бы надеяться, некоторых достоинств, то это в значительной мере обусловлено помощью, которую я получал отовсюду. Любезности Д. К. Зеленина я обязан тем, что основные положения этого описания детских игровых прелюдий были сообщены мною в секции „живой старины“ научно-исследовательского института при Ленинградском университете; это дало мне возможность услышать авторитетные суждения и ценные разъяснения П. К. Симони, В. И. Чернышева, Э. К. Пекарского, А. И. Никифорова и других лиц. О. И. Капица поощряла меня многими библиографическими указаниями и щедро делилась материалами из своего богатого собрания текстов, добытых из разных губерний. Художник Б. И. Лебединский сделал мне драгоценный подарок — рисунки, поясняющие мои сжатые описания. С глубокой благодарностью приняты мною во внимание дружеские советы Е. В. Калининой и Е. В. Георгиевской-Дружининой. Всем им, как и моим постоянным советникам—М. К. Азадовскому и Л. Г. Михалковичу, говорю спасибо.

I

Многочисленные произведения детского устного творчества, которые представляется возможным объединить в группы фольклора потешного, сатирической лирики, бытового и календарного фольклора[2], имеют самодовлеющее значение; они живут вполне самостоятельной жизнью, являясь украшением той или иной стороны детского житья-бытья. Самая же значительная по количеству входящих в нее произведений группа — детский игровой фольклор—объединяет словесные произведения, которые живут, лишь вступая в определенные сочетания с другими проявлениями детского творчества, входя составною частью в более сложное образование — в игру. Эта группа состоит из игровых песен и игровых прелюдий.

Игровые песни имеют различное целевое назначение: одни полагают начин игре, другие служат для связи ее частей, третьи несут службу концовок; иные вводятся для замедления действия игры или в целях отвлечения внимания участников от ответственного момента игры и т. д.

Игровые прелюдии делятся на две группы. В одних излагаются условия ведения игры—и тогда прелюдия состоит только из словесного произведения. Таковы *молчанки* и *голосянки*. В других смысл прелюдии в приготовлениях к игре—в распределении ролей или очередей; тогда словесное произведение—только составная, хотя и главнейшая часть прелюдии. Это—*жеребьевки* и *считалки*.

В некоторых детских играх прелюдия разрастается настолько, что заслоняет собою основную часть игры или самую игру, перенося в действие только развязку, конец ее. Наиболее выразительный пример—игра „в молчáнки", начинающаяся прелюдией-уговором, в которой определяются последствия нарушения молчания: кто первый нарушит молчание („промолвит"), тот должен выполнить неимоверно трудную задачу—съесть „сорок амбаров сухих тараканов" и пр.

Таков уговор, который в наиболее полном тексте выражен так:

Кошка сдохла,
хвост облез,
кто промолвит,
тот и съест
сорок амбаров
сухих тараканов,
сорок кадушек
соленых лягушек,
сорок ковшей
зеленых соплей.
Молчанка началась,—
чок, чок!
Двери на крючок...

В варианте последние три стиха читаются несколько иначе:

Молчанка началась—
в избе тихо[3].

Название игры переносится и на прелюдию-уговор: она тоже называется *молчанкой*. Читается она обыкновенно выразительно, хотя и не без выкриков.

Иначе исполняется произведение такого же, в общем, строения, что и молчанка, но связанное с игрою, имеющей

совершенно иные задачи,—с игрою „в голосѝнки", у которой прелюдией-затравкой служит небольшое, редко рифмованное произведение в 2—4 стиха, называемое *голосянкой* и исполняемое (хором) четким речитативом без каких-либо пауз:

Давайте, ребята,
голосянку тянуть;
кто не вытянет,
того за волосы рва-а-а-ть...

Прелюдией к играм (лапта, городки и т. д.), требующим разделения участников на две партии, или группы, служит *жеребьевка*—рифмованное произведение, состоящее обычно из *обращения* к руководителям игры („маткам") и *вопроса*. Матки стоят или сидят; остальные участники избранной игры расходятся попарно и тихо, неслышно для других, сговариваются, кому как назваться, например: „Ты будешь конь вороной, я—барабан золотой".—„Ладно". Подходят затем к маткам и один из пары говорит:

Матки, кого надо:
коня вороного
али барабана золотого?

Или (если, по сговору, один—травка-муравка, а другой—золота булавка):

Матка, матка,
кого берешь:
травку-муравку
али золоту булавку?

Или:

Матки, матки—
чертовы лопатки!
бочку с салом
али казака с кинжалом?

Одна из „маток" называет бочку или казака; названный входит в его партию.

Жеребьёвки, или сговоры[1], произносятся или нараспев, или с выкриками[3].

Наиболее известным, разнообразным и наиболее разработанным видом детских игровых прелюдий являются рифмованные произведения, используемые детьми с целью установления *роли* участников игры или *очереди* для начина игры. Это—*считалки*.

II

Ни один вид детского словесного творчества не привлек к себе так много внимания, как именно этот вид детского фольклора. Считалке, не в пример прочим видам детского фольклора, открыт широкий доступ в дошкольную и школьную книгу для детей[6]; считалки вошли в методическую литературу[7]; новейшая детская литература (в лучшей ее части) является изводом из детского фольклора, и влияние считалки там можно признать доминирующим. Видимо, какие-то плодоносящие зерна скрыты в этих неувядаемых произведениях. Если мы не знаем случаев „академического" *признания* прав произведений детского фольклора на внимание исследователей, то имеем не одно свидетельство живой, непритворной и нескрываемой *любви* к ним, в особенности к считалкам.

Считалки не только дают радость их исполнителям; они дают питание другим потокам творчества, — творчества взрослых: этот малый вид словесных произведений включается в произведения крупных жанров, привлекая к себе внимание неожиданной и изящной формой и служа соединению отдельных частей произведения, комбинации вводимых эпизодов и пр. Оставляя без обсуждения телеологию этого литературного приема, можно указать, что им пользуется известный в наши дни французский писатель Анри Ренье в романе „Каникулы скромного молодого человека" (Перевод под ред. М. Кузьмина. Изд. Academia. Петербург, 1924; гл. VI, стр. 150—151), из наших современных писателей М. А. Гершензон в рассказе „Летчик Мишка Волдырь" (М.—Л., 1926, стр. 48), Ф. Ложкин в рассказе „Конец Далевского" (журнал „Красная Новь" 1927, VII, стр. 107) и др.

Детские считалки радуют чуткое ухо поэта и вызывают его на благородное соревнование.

Детская словесность вливается возбуждающей струей в творчество Валерия Брюсова, и, подражая считалкам, он создает четыре текста того же строя и ритма („Пути и перепутья". Собрание стихов, т. II. М. 1908; стр. 20).

Архангелогородская считалка навеяла другому поэту— Сергею Третьякову три наивно-прелестных текста-подражания („Железная пауза". Владивосток. 1919; стр. 10). Еще больше подражаний вызвала детская считалка у Н. Ашукина (сборник „Зарницы". М. 1923; стр. 36—38. См. также сборник: В. Г. Поляков „Любимые игры детей". М. 1923, стр. 33—35).

Видимо, поэт в легкости ткани считалки и связности ее частей ищет отдыха от тяжелых одежд своих собственных малоподвижных и вязких—при всем их совершенстве—произ-

ведений, и вкус опытного художника, очевидно, находит отрадное удовлетворение в простых, не запутанных формах детского словесного творчества.

История собирания произведений детского фольклора показывает, что считалка пользовалась наибольшим вниманием: именно она собрана по крайней мере в количественном отношении — наиболее удовлетворительно в сравнении с другими видами детского творчества в слове.

Фольклориста считалка привлекает своим положением в кругу произведений детского словесно-художественного творчества. Из всех словесных произведений, относимых к детскому фольклору, считалки украшают жизнь детей почти во все ее периоды. Подростки, переступая порог ранней юности, не пренебрегают использованием считалки. Издевки и дразнилки, молчанки и голосянки, потешки и песенные заговоры уже отзвучат, а считалка все живет в детском быту. Как будто, постепенно врастая в словесное творчество взрослых, подростки легко расстаются со всеми видами детского словесного творчества, а разлука со считалкой отодвигается все дальше и дальше — до наступления ранней юности, когда подростки уже овладевают иным культурным наследством и. оставляя детский фольклор, духовно питаются всецело творчеством взрослых. Считалки сравнительно рано детьми усваиваются и поздно, позднее всех других жанров, оставляются.

Таким положением дела намечается деление считалок — пусть не строгое, не вполне ясное, но заметное — на несколько групп в зависимости от их использования детьми разных возрастных периодов. Это же обстоятельство ставит считалку некоторыми ее сторонами на грани между детским фольклором и фольклором взрослых.

Многие виды детской устной словесности (песенные заговоры, календарный фольклор и др.) имеют себе соответствие в творчестве взрослых. В современном русском фольклоре взрослых нет ничего, что в полной мере соответствовало бы детским считалкам,—по назначению, исполнению и часто по форме.

Взрослые не играют в те игры, с которыми связано использование считалок; фольклор взрослых не знает случаев скандирования, как наиболее распространенной, в большей части случаев использования — единственной, формы исполнения какого-либо вида словесных произведений. В считалках обращает на себя внимание состав словаря: ни один вид устных художественных произведений взрослых не насыщен в такой мере элементами, для которых привилось не вполне счастливое название зауми, как считалки; нигде имена числительные не встречаются в таком изобилии и не имеют такого значения,

как в рассматриваемом виде детского художественного творчества в слове.

Но некоторыми своими сторонами рассматриваемые произведения роднятся с отдельными видами фольклора взрослых; так, через заумь протягиваются нити к сектантскому фольклору и к заговорам; к заговорам же протягиваются нити и через назначение считалок. Таким образом, между этим видом детского фольклора и произведениями общего фольклора представляется возможным указать некоторые точки соприкосновения, усиливающие внимание к исследуемому жанру детского словесного творчества. Однако эти точки соприкосновения или, лучше сказать, общие черты считалок и отдельных видов общего фольклора ни в какой мере не заслоняют их особности, коренных отличий от общего фольклора.

Считалки дают новый, до сих пор не использованный материал для освещения разных вопросов, связанных с изучением общего фольклора, для исследования происхождения и природы зауми и для изучения поэтических приемов, которые здесь примитивнее и обнаженнее, чем в творчестве взрослых[8].

Кроме философского (теоретического), изучение считалки, как и вообще детского фольклора, имеет и прикладное значение[9].

III.

Начало собиранию русских считалок положено в первой половине прошлого столетия. Первые тексты находим в наших самых ранних сборниках произведений устно-народной словесности.

У И. П. Сахарова в „Сказаниях русского народа“, часть II, Спб. 1837, находим текст жеребьёвки, ныне широко известной в детской среде, и указания на характер исполнения этого вида произведений (стр. 41), стихотворный текст, известный и теперь у детей, как считалка,и указания на способы его использования (стр. 26) и, наконец, текст считалочного строя с описанием приемов (известных у детей и в наши дни) применения его (стр. 48).

В средине минувшего века стали поступать, среди прочего разнообразного материала, многочисленные записи считалок в архив Русского Географического Общества (Д. К. Зеленин — Описание рукописей Ученого Архива Русск. Географического Общества, вып. I, Птгр., 1914, стр.36, № 54 и мн. др.).

К тому же времени относятся записи В. И. Даля: в его Толковом Словаре под словами *канаться*, *перводан* приводятся три текста из северных (?) губерний. Тогда же приблизительно Г. Н. Потанин, среди другого материала, помещает текст

считалки („присказка для бросанья жребия“) из Иркутска (Потанин—„Юго-западная часть Томской губернии“. Этнографический сборник Р. Г. О. вып. VI, 1864, стр. 59—60), М. Ф. Кривошапкин, не приводя текстов, устанавливает факт наличия в русско-сибирском фольклоре „приговоров игр разных“, т. е. считалок (Кривошапкин—„Енисейский округ и его жизнь“, т. II, Спб. 1865; приложение IV, стр. 46), П. А. Бессонов печатает свои „Детские песни“, М. 1868,—интересный сборник, содержащий, между прочим, тексты считалок („счет“—стр. 49, №№ 56 и 57, „жребий на словах“ — стр. 69, №№ 74 — 77) и подробные указания об исполнении; П. В. Шейн публикует более двадцати текстов „жеребьевых песенных прибауток“, как он после назовет считалки („Великорусс“, Спб. 1900, т. I, стр. 38), из Московской, Тверской и Тульской губерний, давая при этом сведения о характере использования их (Шейн—„Русские народные песни“, ч. I, М. 1870, стр. 35-36, №№ 52—54; стр. 59—65, №№ 93—111).

В следующем десятилетии печатаются тексты считалок (числом пять) Д. Н. Садовниковым в „Этнографических материалах Поволжского края“ (Симбирские губернские ведомости, 1874, № 46); тогда же обращает на себя внимание обильный материалом труд А. Ф. Можаровского—„Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях“ (Труды Этнографического Отдела Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. М. 1877, кн. IV), где с краткими характеристиками даются тексты шести считалок (стр. 133—134).

Через десять лет вышел в свет широко известный труд Е. А. Покровского — „Детские игры, преимущественно русские“, в исправленном и дополненном виде переизданный в 1895 году. В эту книгу (стр. 54 — 57) включено 44 текста считалок из разных мест России, — из Вятской (26 текстов), Владимирской, Тверской, Тульской, Симбирской, Тобольской губерний и с Кавказа. Позаимствованы ли откуда-нибудь эти тексты или они собраны автором книги,—на этот счет указаний нет. За год до появления в свет первого издания этого труда опубликован собранный — по инициативе того же Покровского—учителями станичных и городских школ на Кавказе материал о детских играх и забавах, содержащий, кроме жеребьевок, небольшое собрание (около десятка текстов) считалок детей казачьих станиц Кубанской и Терской области (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. V, Тифлис, 1886, стр. 162, 177—178).

К началу последнего десятилетия прошлого века относятся „Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда

Казанской губернии" Ив. Нечаева („Живая Старина 1891, вып. IV); среди другого материала сообщен (стр. 216 — 217) десяток считалок (в обозначениях собирателя „присловья", „песенки", „счет"). На все отозвавшийся Г. Н. Потанин в самом конце десятилетия в „Этнографических заметках на пути от г. Никольска до г. Тотьмы" уделил много внимания детскому быту и словесному творчеству; среди разнообразного материала он записал близ десятка считалок (Живая Старина 1899, вып. II, стр. 176—177).

В 1900 году П. В. Шейн, повторив тексты считалок из „Русских народных песен" в своем „Великоруссе", прибавляет к ним такое же количество „жеребьевых песенных прибауток пред началом игры", из разных губерний (Рязанской, Курской, Владимирской, Самарской и пр.), дав таким образом около полусотни текстов (стр. 38—44, №№ 222—267).

С первого же года молодого столетия материал по детскому фольклору, в частности—по считалкам стал накопляться более оживленно. Прежде всего надо назвать интересные записи из Калужской губернии в труде В. И. Чернышева „Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда" (Сборник Отделения русского яз. и слов. Академии Наук, т. LXX, № 7), дающие 14 текстов произведений интересующего нас отдела словесных произведений (стр. 1 — 2, №№ 1 — 12; стр. 123, №№ 150 и 151). Сибирский этнограф В. С. Арефьев в напечатанных в том же году „Образцах народной словесности" („Материалы по этнографии Енисейского уезда". Известия Восточно-Сибирского Отд. Р. Г. О., т. XXXII, № 1-2, 1901) поместил пять текстов „считания в детских играх" (стр. 91—92), дав краткие сведения о назначении и использовании их. Г. Н. Потанин, в своей „Программе для собирания сведений о деревенском быте" (Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. за 1901 г., стр. 14) обращая внимание собирателей произведений устно-народного творчества между прочим и на „прибаутки (при разделении на партии в детских играх)", в следующем году сам напечатал тексты „присказок при дележе детей на партии для игр": один текст из Бийска, другой — из Забайкалья (Записки Красноярского Подъотдела Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. по этнографии, т. I, вып. 1. Красноярск, 1902; стр. 147). Монография И. Я. Неклепаева — „Поверья и обычаи Сургутского края" (Записки Западно-Сибирского Отдела Р. Г. О., кн. XXX, 1903) включает в себя отдел детских игр; здесь уделено место и считалкам: на стр. 89 приводится четыре текста и два варианта „причетов".

После некоторого перерыва, в публикуемых этнографических материалах снова дается место текстам считалок. Среди

„детских присказок" Е. Оршанская помещает считалки из Краснинского уезда Смоленской губернии (Живая Старина 1909, в. I, стр. 120). Особенно много поступило в научный оборот материалов для изучения этого вида фольклора во втором десятилетии текущего столетия. В статье «Народные игры в Поморье» Г. Цейтлин напечатал несколько текстов считалок (Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера,1911,№13,стр.10-11), снабдив их ценными указаниями и разъяснениями. Тогда же Б. Г. Герасимов в содержательном очерке «В долине Бухтармы» уделил внимание детскому быту, в частности детским играм: он приводит восемь текстов считалок, или—по терминологии собирателя—«приказов», «команд» (Записки Семипалатинского Подъотдела Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О. в. V, 1911, стр. 60—62) и несколько текстов жеребьевок (стр. 59—60). Тексты предваряются краткими, но обстоятельными указаниями на игры, с которыми связано исполнение этих произведений, приемы их использования и характер исполнения.

Вскоре были напечатаны «детские прибаутки для жребия», записанные в небольшом количестве (пять текстов и три варианта) у прибайкальского населения А. М. Станиловским (Труды Восточно-Сибирского Отд. Р. Г. О., № 7. Иркутск, 1912; стр. 167—169). Вслед за ними опубликованы считалки (восемь текстов) А. Н. Молотиловым в труде «Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) Труды Томского Общества изучения Сибири, т. II, в. I, 1913, стр. 87—89. Там же (стр. 89) даны тексты жеребьевок. Сообщены приемы и характер исполнения приводимых словесных произведений.

Обстоятельные сведения об играх, с которыми связано исполнение считалок, и о приемах исполнения прелюдий даются А. Н. Соболевым, который сообщает сорок текстов считалок в его со тщанием выполненном труде «Детские игры и песни» (Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. XVI. Владимир, 1914; стр. 3—14).

Небольшое число текстов содержат в себе сборники разнородного материала: труд Б. и Ю. Соколовых—«Сказки и песни Белозерского края». М. 1915 (стр. 486, № 633) и Г. К. Завойко—«Колыбельные и детские песни и детские игры у крестьян Владимирской губернии» (Этнографическое Обозрение 1915, № 1—2); здесь помещены три текста «счета» и отмечены приемы их исполнения (стр. 130). Богатое собрание материалов по детскому фольклору было опубликовано в 1917 году, в Записках Семипалатинского Подъотдела Зап.-Сиб. Отд. Р.Г.О., вып. XI, где опубликованы жеребьевки (12+3 текста) и девяносто текстов считалок из разных мест Семипалатинской

области и Змеиногорского уезда Томской губернии, собранные в 1911—1915 г. г. В. Н. Белослюдовым («Материалы по этнографии», стр. 1—13).

В самые последние годы несколько текстов «счета к детским играм» опубликовала А. М. Попова в статьях «Детские игры и забавы в сибирской деревне» (Сибирская Живая Старина, вып. I, 1923, стр. 114, № 14) и «Поездка к семейским Забайкалья» (Бурятиеведение. Верхнеудинск, 1926; на стр. 18 в выноске приводятся два текста).

Пересмотр выполненной работы показывает, что около двадцати лиц в разное время приняло участие в собирании материалов; более других сделано в этой области Белослюдовым, Потаниным, Соболевым, Шейном.

За почти столетний период собирательства записано приблизительно триста текстов. Это дает, конечно, меньшую цифру действительно накопленного материала, так как наиболее распространенные тексты в незначительных вариациях вошли в несколько собраний. Более всего собрано материала по считалкам в Семипалатинской области и в губерниях Владимирской и Вятской.

Едва ли можно думать, что в этот краткий обзор истории собирания считалок вошло все, что было в разное время напечатано в различных изданиях[10]. Без необходимых подготовительных работ библиографического характера невозможно уследить содержание многочисленных провинциальных изданий, особенно газет, которые нередко предоставляли свои страницы и столбцы для материалов по этнографии и фольклору. Произведения детского фольклора рассматриваемого вида иной раз оказываются в изданиях, в которых трудно догадаться искать или трудно надеяться найти интересующий специалиста материал. Едва ли можно сомневаться, что разыскания в области мемуарной литературы обнаружат если не тексты игровых прелюдий, то какие-нибудь замечания о них. Можно не сомневаться, что поиски нужного материала в архивах провинциальных и столичных научных обществ (рукописный отдел библиотеки Академии Наук, архив Тенишева и др.) не будут безрезультатны.

Как показывает данный обзор, детские игровые прелюдии, в том числе и считалки, никогда не были предметом изучения. Даже систематических наблюдений, поисков и сборов, за крайне редкими исключениями, никто не производил. Все же, объединив опубликованные материалы, исследователь имел бы собрание, дающее возможность приступить к изучению интересного жанра русского фольклора.

IV:

Сравнительно позднее начало сборов лишает возможности определенно и точно отвечать на вопрос: когда, из какого источника возникла и как развивалась детская считалка?

На этот вопрос так же трудно отвечать, как на вопрос о происхождении песни или сказки. Начало ее, если и возможно, то, во всяком случае, очень трудно отыскать. Сколько можно судить на основании имеющегося материала, ее развитие шло, видимо, безостановочно, но оно не всегда было (а, быть может, и никогда не было) равномерно-однообразным. По аналогии с тем, что наблюдается в наши дни, можно думать, что и в прошлом считалка на себе испытывала время от времени разнородные влияния в смысле обновления содержания, вторжения новых форм, изменения словарного состава и т. д. Оправдание такого предположения дают многочисленные факты.

Наблюдатель наших дней сталкивается с несколькими одновременными явлениями в жизни считалки: он наблюдает полное или частичное использование в измененном или неизменном виде произведений фольклора взрослых в качестве считалок использование—в измененном или неприкосновенном виде —различных видов детского фольклора; составление новых текстов считалок из отдельных частей разнородных словесных произведений, относящихся к области детского фольклора; попытки подражать старым текстам и составлять новые; пересадку на русскую почву иноязычных текстов считалок; использование в качестве считалок словесных произведений, идущих в детскую среду через книгу, и иные.

Произведения общего фольклора, точнее — произведения взрослых, проникают в детское общество, забываясь, теряясь из состава произведений, исполняемых взрослыми. В детском обществе они не остаются неизменными: пройдя через новую среду, подвергшись новым воздействиям, новой переработке, они принимают иной вид, новый облик.

Как пример, можно указать старую песню (А. И. Соболевский—Великорусские народные песни, т. IV, стр. 599, № 752):

Ехал мальчик по Казани,
в полтораста рублей сани,
в пятьдесят рублей дуга;
мальчик—девице слуга [и т. д.]

Из этих стихов, составляющих начало песни, образовалась распространеннейшая из считалок.

Интересно сравнить со считалкой и другую старую песню (Песни собранные Киреевским. Новая серия, вып. II, часть I, № 1214 (30), стр. 13):

Куна ходит по бору да по бору,
щиплет траву лебеду да лебеду;
она рвет и берет,
приговаривает:
я кого люблю,
за себя возьму [и т. д.]

В селах Иркутского уезда (Куда, Хомутово) дети считаются:

Ходит лйса пò бору,
рвала хлеба лѐбеду.
Ана рвёт и бярет,
по пучйначкам кладет.
Эта—лйса, это—бор,
эта вышал вон.

Игра взрослых девушек, невест,—«первенчики», о которой рассказывает Сахаров (Сказания русского народа, ч. II. Сказания о русских народных играх, стр. 25—26), передала свою словесную часть

Первенчики,
дружéнчики,
трынцы,
волынцы [и т. д.]

в детский обиход; там она дала начало многим считалкам или вошла, как начальная часть, в некоторые считалочные тексты. (Ср. тот же текст у Шейна—Русские народные песни, стр. 64, № 108; стр. 79—80).

Кажется, более всего заимствуются и в той или иной переработке применяются в качестве считалок произведения материнской поэзии—потешки и колыбельные песни.

Колыбельная песня, записанная в первой половине XIX в. А. С. Хомяковым (Полное собрание сочинений, т. I. М. 1861; стр. 482, выноска).

Ты куколка, я куколка [и т. д.]

стала распространенной детской песней (см. Шейн—Русские народные песни, стр. 34—36, № № 52 и 54; см. также стр. 77—79) и считалкой по ту и по другую сторону Урала.

Одна из «небылиц для детей», которую находим у братьев Соколовых (стр. 230, № 127), встречается в детской считалочке, построенной из небольшого отрывка «небылицы» (село Гадалей, Иркутской губернии):

Шалды,
балды,
бух!..

Это так естественно—использовать детям в своих целях то, что предназначалось и исполнялось взрослыми исключительно для них—хотя бы и в иных целях.

Заместителем традиционной считалки является иногда и частушка; из многочисленных примеров укажу чаще всего встречающийся:

Сидит Маня на крыльце
с выраженьем на лице.
Я не долго думала,
подошла да плюнула.

Иногда заимствуется не целиком произведение общего фольклора, а часть его. Отдельные куски, выбранные—часто с большим вкусом—из разных видов словесного творчества, очень умело вносятся в художественное произведение, имеющее назначением служить прелюдией к игре. Интересно сравнить, например, текст считалки (записана в Иркутске)

Раз, два, три, четыре.
Мы сидели на квартире,
Чай пили, булки ели,
позабыли, с кем сидели

с распространенной (в Енисейской и Иркутской губ.) частушкой:

Чай пила, картошки ела,
позабыла, с кем сидела.

В некоторых случаях возникает, правда, и другой вопрос: не питала ли считалка своим запасом образов и словесных оборотов произведения других жанров, напр., частушку. Трудно думать, чтобы готовые литературные запасы оставались не использованными молодыми людьми, оставляющими один жанр (детский) и начинающими исполнять произведения общего фольклора. Вопрос этот разрешать не здесь. Если на него и

придется ответить положительно, это ни в какой мере не колеблет утверждения о многочисленных заимствованиях из фольклора взрослых. Дети умеют искать и находят. То, что в жизни взрослых потеряло смысл и значение, находится в пренебрежении или полном забросе, что унесено временем и совершенно забыто,—подбирается детьми, находит у них интерес и встречает заботливое отношение.

Границы, разделяющие разные виды и роды словесных произведений, ребятами переходятся без долгого раздумывания,—почти так же, впрочем, как в области общего фольклора взрослыми нарушаются линии, обособляющие один вид песен от других.

Так, распространенная скороговорка „Ехал грека через реку" (и т. д) во многих местах употребляется в качестве считалки [11]. То же надо сказать об известном стихе-перевертыше:

Ехала деревня мимо мужика [и т. д.] [12]

Старая песенка: «Рыжий красного спросил» в одних местах (напр., поселок Тулун) исполняется девочками при укачивании кукол, как колыбельная песня, а в других (Турунтаево, Частоостровское) известна как считалка [13].

Некоторые произведения детской сатирической лирики применяются и в качестве считалок. Как пример можно указать издевку-портрет:

Катя, Катя, Катерина—
нарисована картина [и т. д.] [14],

или (пример из Барнаульского округа) другую издевку:

Алеха-требуха
съел корову да быка [и т. д.] [15].

Некоторые считалки или содержат сатирический элемент или составлены в жесткой манере дразнилок, иногда «с расчетом на юмор», как сказано о них у Покровского (назв. соч стр. 53).

Раз, два, три—стара баба ты...
Кто не выйдет, тот дурак...
Стрижка-бришка—елова шишка...

Разница между такими считалками и подлинными издевками или дразнилками лишь та, что в первых задирающий характер, отличающий детскую сатирическую лирику, смягчен тем,

что насмешка в этом случае направлена не по адресу определенного лица, а достается *случайно* кому-либо, потому редко прилипает и, значит, почти необидна. Счет мешает воспринять считалку-издевку как только издевку; сатирический характер произведения испытывает некоторое затруднение для своего полного обнаружения. Юный художник слова еще не научился делать уверенные мазки, и краска часто разливается за намеченные ей пределы... Поэтому считалка, имеющая определенное назначение, выходит иной раз за свои границы и делается сатирой или принимает ее характер и окраску.

Некоторые произведения детского фольклора, не имея какого-либо специального прикрепления к игре, забаве или моментам детского быта, имеют *запасное значение*. Здесь можно назвать звукоподражания, потешки и пр. Вот распространенный из многочисленных примеров:

Тилинь-бом, тилинь бом—
загорелся кошкин дом...

или:

Повар пеночку слизал [и т. д.]

В случае недостатка в считалочном репертуаре, эти тексты выполняют назначение считалки.

Весьма часто произведения сатирической лирики и других видов заимствуются не полностью, а только в отдельных частях. В силу возрастных особенностей, в силу необходимости спешить, при свежести впечатлений, яркости образов и т. д., иногда неизбежна недостаточная обработка формы: что на пути прежде встретится, это и захватывается и в захваченном или наскоро приспособленном, наспех переделанном виде используется. Совершенно очевидна неизбежность идти в творчестве по линии наименьшего сопротивления и полная невозможность отказаться от использования старых запасов, невозможность сойти с тех линий, по которым творческое воображение привыкло двигаться. Отсюда—обилие разнообразных реминисценций в считалках, особенно в считалках-заменках.

Некоторые тексты строятся на реминисценциях из загадок. Ср. «Тень-потетень» или «Тень-перетень» с некоторыми текстами из «Великорусских загадок» Худякова (Этнографический сборник Р. Г. О., вып. VI, Спб. 1864, № 564).

Многие тексты являются отголосками, если не осколками, песен; ср. уже приведенную песню «Куна ходит по двору» с распространенной считалкой:

Ходит свинка по двору,
щиплет траву лебеду.

Чух—рюх,
свинячий дух... [16].

Еще чаще они строятся на реминисценциях из сказок.

За горами, за долами
стоит ящик с пирогами [и т. д.]

Или:

... он пошел,
красну шапочку нашел...

Во многих случаях встречаем реминисценции из детской сатирической лирики.

Су́ни, му́ни, крес.
Пошел Ванька в лес,
срубил палку [и т. д.] [17]

Смелое и неограниченное пользование готовым материалом и частое повторение излюбленных отрывков, или «кусков», обуславливают наличие множества вариантов, в которых сохраняется одна часть и исчезает или изменяется другая, то выпадает одна и ее место заступает новая. «Ово прибавлено, ово же отъято и превращено», говоря хорошими словами стариков. [18]

Как в области детской сатиры, так и здесь встречаются охотники приписать себе авторство, «ставить имена на работах», иногда на таких произведениях, к которым они или совсем не прикасались или прикасались только едва. В пометке под одним вариантом распространенного текста считалки «На голубе, на жолубе, ставка, плювка» [и т. д.] [19] один из моих сотрудников сообщает приметный случай. „Спрашиваю: «Кто сочинял?»—«Да кто?—все я же», ответил одиннадцатилетний илимчанин Василий Быков. 1. IX. 1925. Илимск“ (Запись Б. В. Шевякова). Пятнадцатилетний школьник Евгений Петров (Ленинград) приписывал себе авторство считалки «Пастух козу гнал» (сообщила Е. В. Ольшевская). Такие показания наблюдаются не очень редко.

Но в области считалок это явление наблюдается реже. Возможно, что задор, который сопровождает исполнение произведений сатирической лирики порождает различные повышенные переживания, в том числе славолюбивые мечты. Исполнение считалок протекает в иных, более спокойных условиях, не порождающих тех настроений. Впрочем, не всегда авторство приписывается тому или иному лицу напрасно: с попытками различной успешности к созданию новых текстов считалок мы встречаемся нередко. В одних случаях это подражания известным текстам, в других—вполне самостоятельное творчество.

Рис. 2.

Так, десятилетние Коля и Феня N (Иркутск) выдают за считалку составленный ими текст:

Шол *бурят* с длинным *ухом*.
Как избавить это *ухо*?
— Нужно денег полно ухо.
Цым-баляля, цым-баляля,
мы избавили ухо бурята.

В этой очень несовершенной «считалке», не получившей— кстати сказать—широкого распространения, легко узнать подражание очень популярному тексту: «Карл Иваныч с длинным носом» [20]. Еще пример их же творчества в области считалок:

Я знаю стих,
никто его не разгадает.
Раз, два, три—
я узнала стих...

И еще:

Шла я раз лесом,
лесом большим,
не могла перейти его.
Кто чего разгадает,
молодец большой.

Эти два текста, как и еще несколько других, принадлежащих тем же авторам, большого успеха не имели, но в небольшом кругу, где авторы коноводили, они применялись даже более усердно, чем ходовые считалки.

Почти каждая семья имеет в разговорном обиходе слова, нигде более не известные и идущие от малых детей. Воздействие детей на речь взрослых—явление общеизвестное. Подобные же явления—правда, в более редких случах—можно наблюдать в области стихотворчества, где опыты малых детей подхватываются и используются старшими детьми или взрослыми членами семьи.

В одной семье (Благовещенск) четырехлетняя Ира не то откуда-то зацепила, не то сложила и стала распевать-читать стихотворение:

Чайник чистай,
чай дусIстай,
кипиченая вода.

В редакции трехлетней сестренки, Наташи, этот стих зазвучал:

Цайник истай,
цай досытай,
капицоная вода.

Частое исполнение этих двух редакций стихотворения сделало его достоянием всей семьи. Старшие дети, учуяв в нем нужный ритм, подцепили его для использования в качестве считалки, дав такую окончательную редакцию:

Чайник чистый,
чай досытый, [21]
кипяченая вода.

Известность этой считалки вышла далеко за круг ее слагателей [22].

«Мы все-то их (считалки) не учим; зачем все-то...»—сказала мне однажды девочка. Видимо, большие запасы традиционного материала освобождают *ребят от необходимости* создавать новые считалки; если они и создаются вновь, то очень редко. Однако, храня старые традиции и накопления прежних поколений, детвора отзывается и на современность: *мир новых* впечатлений проникает каким-то образом и сюда. В последнее десятилетие в старые тексты нашли путь новые слова и новые образования; например, вместо Карла Иваныча старой считалки в некоторых местах (Тункинский край) стал известен Карла Маркыч [23]; в другие тексты сделаны вставки: «поеду в Ленинград, посмотрю, какой наряд», встречаются упоминания о красном флаге [24] и т. д.

Творчество выливается не только в приспособление готовых форм к потребностям *времени*, но и в применение их к *местным* условиям и потребностям, к определенным обстоятельствам. Отсюда местный элемент в считалках:

... и поехали в Китай,
чтоб купить хороший чай [25].

... поехали в Шанхай
продавать китайский чай [26].

... бык залягался,
братский заругался [27].

... лодку в Клязьме утопил [28].

Известны считалки, составленные из игровых терминов; о них еще будет речь.

Пересадка на нашу почву иноязычных считалок тоже должна быть отмечена. Не говоря о латинских считалках, культивировавшихся в старой бурсе [29], заслуживают внимания французские тексты, шедшие в детскую среду преимущественно

через институты и перенимавшиеся как ткань заумных слов; например:

Энгель, пенгель катанетэ
ки тамбетэ малонетэ
пом дор пом даржан
пети танфан
аллэ ву зан.[30]

Еврейское происхождение некоторых считалок, употребляющихся русскими детьми на севере, устанавливает Цейтлин (стр. 10—11), о татарских словах в считалках говорит Можаровский (стр. 133—134).

В сельско-деревенском детском мире последних четырехпяти десятилетий (в городе много раньше) появились, а во многих местах и широко распространились «книжные слои» детворы.

Школа и книга оказывают определенное влияние на состав и судьбу детского фольклора: школьные и книжные стихотворения заменяют (насколько удачно—другой вопрос) и вытесняют старую считалку, которая не везде и не всегда выдерживает натиск новых форм.

Явление это, конечно, не новое; возможно, что самое возникновение считалки нужно искать в школе и книге. Подобно тому, как школьная латынь на Западе, славянский язык у нас был языком книжности и школы. Школьный славянский язык проникал в русскую детскую среду, в детский обиход: на нем составлялись правила поведения, изложенные в рифмованных стихах, на нем в допетровскую эпоху составлялись учебники и шло научение и делам веры и книжной премудрости. „Потому, может быть, эти учебники называются азбуковниками, что содержание их большой частью располагается в алфавитном порядке: так, первый из них, состоящий из правил касательно школьных порядков, располагает эти правила по счету букв алфавита, и как все его изречения очень кратки и состоят больше из двустиший или четверостиший, то прежде под буквою *а* помещены изречения, начинающиеся с этой буквы; под буквою *б* те, которые начинаются с этой буквы и т. д.; и так как этих изречений очень много, то каждая буква в начале таких изречений повторяется довольно часто“[31].

Не являются ли и считалки „светскими“ потомками этих словесных произведений дидактического характера, при помощи которых воспитатели облегчали усвоение счисления,—на подобие толковых азбук, которые были известны у нас в старину?[32]

Некоторые тексты, сделавшиеся в наше время считалками („рифмы на счет и на алфавит“), не явились ли из того же

источника, т. е. не служили ли первоначально целям педагогическим—способствовать уяснению „буквенного дела“. На такую мысль наталкивают и ныне известные устные стихотворения школьников, наподобие того, который приводит Можаровский (стр. 134):

Аз—буки: бабашки;
веди: таракашки;
глаголь: кочережки [и т. д.]

Не оттуда ли идет, между прочим, тенденция, хранимая в некоторых текстах считалок, заканчивать чтение сентенцией или наставлением?

Если эти предположительные замечания оказались бы правильными, пришлось бы признать, что считалки безусловно „народного“ происхождения, т. е. являющиеся произведениями устного творчества, проникли в детский обиход позднее и заменили чисто-книжные произведения, ответив тем же ритмико-метрическим требованиям, которым отвечала считалка первоначальная. Впрочем, эти предположения и соображения, навеянные случайным и кратковременным прикосновением к памятникам древней русской письменности[33], нуждаются в проверке и оправданиях; здесь они высказаны в качестве попутного домысла и имеют более смысл вопроса, чем утверждения.

Влияние книги и школы неоспоримо можно устанавливать для последнего полустолетия. Один из показательных примеров представляет стихотворение Миллера-отца:

Раз, два, три, четыре, пять,
вышел зайчик погулять;
вдруг охотник прибегает,
из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой, ой, ой!
умирает зайчик мой!

См. „Стихотворения Ф. Б. Миллера, т. VI, М. 1881, стр. 312: Подписи к картинкам (для детей первого возраста)“.

Это стихотворение стало распространеннейшей считалкой, при чем устные редакции[34] мало изменили книжный текст.

Некоторые „считалочки“ Н. Ашукина получили большое распространение: „В синем море-океане“ записана в 1925 г. в с. Голуметь Иркутской губернии, „Под горою у реки живут гномы старики“ с незначительными изменениями в последнем стихе—там же и в Иркутске.[35]

Всем известный текст:

В этой маленькой корзинке
есть помада и духи [и т. д.]

вошел в считалку,—по сообщению знатока,—из одной старинной оперы.

Имеющийся во многих вариантах текст считалки «Карл Иваныч с длинным носом» и т. д. вошел в детский репертуар в первом десятилетии текущего столетия из детского журнала „Задушевное Слово“ [36].

Другой текст считалки-заменки «Зимний вечер темен, долог» и т. д.,[37] по сообщению исполнительниц, позаимствован тоже из какого-то детского журнала 1917 (?) года и принадлежит перу Н. Венгрова.

Позаимствованием из какого-то журнала считают исполнители и текст „Папа с газетой“.

О считалке, начинающейся словами:

На печи калачи
как огонь горячи [и т. д.],[38]

записанной в Рабочей Слободе в Иркутске, пришлось услышать от исполнительниц замечание: «из книжки, из букваря».

Приведенные примеры с убедительностью показывают, что в детский считалочный репертуар произведения «книжного» происхождения проникают в довольно значительном количестве.

Таким образом, многочисленные словесные произведения, соединяемые в одну большую группу именем считалок, весьма разнородны по составу, по характеру и по происхождению.

Одна из очередных задач заключается в том, чтобы найти генеалогию рассматриваемого жанра и его отдельных групп. Всякий жанр имеет свою историю и, значит, своих предков. Уже поверхностное, внешнее рассмотрение текстов приводит к мысли, что некоторые из них имеют длинную и блестящую родословную. Несомненные потомки старинных песен и других жанров устного творчества, изводы из книжных произведений,—все эти тексты имеют значительную давность и сложную историю. Это относится ко многим считалкам. Но, видимо, те, которые воспринимаются и интерпретируются собирателями, как „наборы слов“, обусловленные слабостями детского языка и немощами детских вкусов, имеют давнюю и интересную историю и обладают наиболее славными предками—такими, как, например, молитвенные тексты на семитических языках. О них еще будут упоминания, когда речь пойдет о „зауми“ в считалках.

Вопросы хронологизации, определения времени возникновения произведений устно-народного творчества вообще, в частности—исследуемого жанра, кажется, трудны до неразрешимости.

В обычных условиях работы давность можно устанавливать на основании имеющихся старых и новых записей текстов, на основании показаний людей старого поколения, на основании анализа содержания и лексического состава считалок, на основании данных о времени написания или появления стихотворений, ставших считалками или частично вошедших в состав текстов считалок, и по датам появления устно-народных произведений, целиком или частью вошедших в считалочный репертуар.

Мы имеем старые записи великорусских считалок, относящихся к первой половине прошлого столетия. Эти материалы дают некоторые возможности судить о жизни русской считалки за сравнительно короткий промежуток времени, измеряемый, примерно, семью—восемью десятками лет. На основании имеющихся текстов очень трудно судить о давности или времени появления этого вида словесных произведений. Отсутствие их в старых сборниках может быть объяснено и случайностью и другими причинами (планомерных сборов произведений русского детского фольклора, как упомянуто, не было).

Не бо́льший период времени обнимается и показаниями стариков; к тому же эти показания—документ не всегда надежный. Взрослые очень немногие и очень мало помят считалки: эти произведения обычно бесследно тонут в море жизни вместе с детством. Припомнить их—все равно, что поднять потерянное со дна морского. Многие произведения этого рода сохраняются в памяти представителей старших поколений только как фрагменты.

Считалки, как и всякий вид словесных произведений, в отдельных случаях принимают на себя все цвета времени и окраски места. Если „местные признаки“ лишь в исключительных случаях могут подсказать хотя бы предположительно хронологическую дату, то, казалось бы, можно больше ожидать от „цветов времени“ в виде архаизмов или неологизмов—вообще лексического состава изучаемых текстов. Однако и здесь многое—non liquet—неясно. Датировка памятников почти всегда невозможна, кроме разве немногих, единичных произведений. Для отдельных текстов лексический состав может дать некоторые показания[39]; для считалки же, как таковой,—едва ли. Если вместе с Хомяковым наличие слова „тиун“, например, рассматривать, как указание на древность текста (Хомяков—назв. соч., стр. 482),—то и в этом случае мы имеем дату

того или иного значения для определения времени возникновения колыбельной песни, а не считалки.

То же относится и к книжным произведениям, вошедшим в детский репертуар в качестве считалок: стихотворение, время написания или опубликования которого мы знаем, могло стать считалкой не с момента его появления; в таком случае и здесь датировка будет только приблизительная.

V.

Из обзора истории собирания видно, что интересующий нас материал собирался главным образом во Владимирской, Тверской, Казанской, Вятской губерниях, на севере России, затем в Семипалатинской области, в Томской и Енисейской губерниях, в Забайкалье. Предпринятые мною в 1924—1927 гг. поиски—непосредственные и через сотрудников--позволили на карте распространения считалок пометить Приморье, Амур, Восточное Забайкалье, Верхне-Ленский край, Иркутскую губернию, Акмолинскую область—в Восточном Зауралье и некоторые губернии в Западном Зауралье.[10]

Русская считалка на ряду с русским языком вошла в обиход городского татарского и еврейского населения (Иркутск и другие места), проникла в иноязычную среду сибирских туземцев: ее знают дети обрусевших тунгусов в Душкачане—на северной оконечности Байкала, в Ченчи[11] и, вероятно, в других местах; знают ее дети в остяцких юртах на р. Оби (Колпашевский район).[12]

Считалка известна детям всех сословий и состояний—питомцам старых институтов и бурсы, школьникам старого и нового времени и неграмотным ребятам, детям городского населения и деревенскому детскому люду. Многие тексты и близкие к ним варианты известны буквально „от моря до моря", от Владивостока до Архангельска.[13] Некоторые тексты выходят за пределы распространения великорусской речи.[14] Выходят за эти границы не только словесные произведения, но и самые способы их применения, приемы их исполнения (см. гл. VIII—IX): в общем они одни и те же всюду.[15]

Не исключена возможность предполагать, наряду с исключительной распространенностью отдельных текстов, наличие так называемых „местных репертуаров". Но делать какие-либо утверждения при большой недоделанности собирательской работы было бы неосторожно: учитывая непрестанные передвижения населения из одного конца страны в другой, особенно при потрясениях последнего десятилетия, можно наперед предвидеть возможность обнаружения „местной" считалки далеко

за пределами провинции, к которой можно приурочить появление текста, опираясь на его содержание или словарный состав.[46] С большей смелостью и оправданностью позволительно говорить о местных вариациях общераспространенных считалок.

Широкая распространенность считалок не служит в ущерб ее сохранности. Многие из текстов старых сборников известны в хороших вариантах и поныне,[47] многие из текстов, записанных от старых людей, во многих местах знакомы и нынешнему детскому населению.[48]

Чем объяснить такую сохранность? В чем видимая причина живучести произведений рассматриваемого жанра?—Рассматриваемые произведения связаны с игрою, и эта связь с устойчивым образованием охраняет от забвения словесный элемент игры—прелюдию; тому же способствует малый объем, стихотворный строй и стремительный размер считалок; частота их повторений при исполнении (см. гл. VIII) способствует их прочному запоминанию в какой-нибудь определенной редакции, и это предохраняет тексты от разложения; так же, видимо, сказывается и влияние продолжительности периода пользования текстами в жизни каждого детского поколения; очень возможно, что и использование одних и тех же текстов в разных назначениях обеспечивает запоминание, оберегает от забвения и способствует распространенности текстов.

Невозможно, говоря об устойчивости и сохранности считалок, замалчивать факты противоположного характера. В одних случаях наблюдаются искажения и замены слов и выражений, смысл которых забывается или утеривается,[49] в других—использование лишь фрагментов старых текстов,[50] в третьих—полная замена одних текстов другими.[51] Между грамотными слоями детского населения и неграмотным детским миром существует известное взаимодействие. Грамотные, находясь в постоянном соприкосновении с неграмотными, передают новые произведения, которые все больше и больше входят в детский обиход, неся ту же службу, что и традиционные считалки. Возможно, что общее количество считалочных текстов не идет на убыль (быть может, даже увеличивается), но состав их, заметно обновляясь, меняется.

VI.

Наша литература, как это ясно из обзора истории собирания произведений, относящихся к детским игровым прелюдиям, до сих пор не имеет ни попыток дать какое-нибудь определение этому виду детского фольклора, ни определенных

названий относящихся сюда произведений. Такие обозначения считалок, как „прибаутки“, „присловья“, „присказки“, „причеты“ и т. п., употребляемые собирателями, не могут считаться удачными и приемлемыми, потому что эти названия имеют установившееся содержание, определенный смысл и у народно-словесников служат для обозначения словесных произведений другого порядка; использование их в новом значении, наполнение их новым содержанием, произвольно увеличивая емкость привычного термина, лишает его устойчивости и определенности.

Такие названия рассматриваемых произведений, как „присказка для бросанья жребия“, или „присказка при дележе детей на партии для игр“ (Потанин), „приговоры игр разных“ (Кривошапкин), „сочиненные наборы слов“ (Цейтлин), „складии детских игр“ (Молотилов) и т. п. также не могут считаться удачными—не только в виду их многословности, но и в силу их невыразительности: термин-название „складень“ может обозначать любое стихотворное („складное“) произведение и не улавливает характерных признаков считалки, а в обозначении „набор слов“ прозрачно намерение указать на полную бессмыслицу этого „украшения детской устной словесности“, как характерную черту, когда в действительности к этому нет достаточных оснований. Ни в какой мере под такое определение не подойдут, например, сюжетные считалки, и обозначение оказывается недостаточно ёмким. Если „сочиненным набором слов“ назвать только так называемые „заумные считалки“, то и в этом случае название не оправдано: здесь в худшем случае можно говорить о подборе или отборе слов, т. е. о наличии некоторой эстетической оценки.

Почти все наблюдатели, если говорят о характере исполнения считалок, имеют в виду *чтение*; лишь немногие говорят о *песенном исполнении* считалок: Бессонов, затем Шейн, который употребляет для обозначения считалок название „жеребьевые песенные прибаутки“ (Великорусс I, 38); Нечаев, *не сообщая о характере исполнения считалок*, пользуется, наряду с другими названиями, словом „песни“. Так как эти обозначения встречаются очень редко, то можно думать, что указываемый ими характер исполнения считалок наблюдается только в немногих местах. Имея лишь местное значение, название, применяемое немногими наблюдателями, едва ли может быть введено во всеобщее употребление.

Чтобы термин-название отвечал необходимым требованиям, его следует взять или из числа тех, которые, выдержав пробу времени, издавна имеют хождение у знатоков и исполнителей, или его можно позаимствовать у собирателей или,

наконец, его можно вывести из наблюдений над составом и свойствами произведений, их назначением, условиями их бытования, над характером и способами их исполнения.

Первый путь во многих отношениях предпочтительнее. Важнее знать, как в детской среде улавливается внутренний смысл, сущность словесных произведений, и как он выражается, чем каким-либо путем добытое или вымышленное определение смысла и обозначение, идущее от наблюдателя или исследователя. Даже если результаты детских попыток творчества в области терминологической не освободят исследователя от необходимости определять и обозначать,—детские попытки составляют факт опыта, который сам по себе сохраняет интерес и достоин внимания.

Термины у детей не даются оправданными, обоснованными; они имплицитно предпосылаются. В имеющихся в моем распоряжении материалах нахожу такие общие наэвания рассматриваемого вида детского фальклора: „счет", „счеты" (шшот, шшоты)—в разных местах Иркутской губернии, в некоторых местах Забайкалья (с. Турунтаево), „счетки" (шшо̀тки)—во многих местах Иркутской губернии: Тунка, Куйтун, Долоново, Николаевский завод, „счёточки (шшо̀точки) и счетушки", „чи̇̀тки"—в Поангарье (Каменные острова) и „счи̇̀талки"—в Иркутске, Канске и др., „пересчет" (пиришшо̀т), „гада̀лки"—в Куйтунском районе Иркутской губернии, „ворожи̇̀тки"—в Барнаульском округе.

Все эти названия—ходовые, бытующие в детской среде. Одни из них сравнительно широко распространены и более известны, другие употребляются редко; одни—более, другие—менее удачны. Почти все они то с большей, то с меньшей степенью прозрачности отмечают один из приметных признаков словесных произведений, имеющих назначение путем „пересчитывания" выделить участников игры на особые роли. Этот смысл сохраняется и передается во всех разноместных переливах термина: счет, счетки, счеточки, считки, считалки...

Этот термин во всех его вариациях имеет в своем основании внешний из главных признаков обозначаемого явления—наличие счета. Есть много вероятности в предположении, что первоначально тексты рассматриваемого вида произведений непременно несли в себе этот признак (это—собственно считалки, как они будут здесь позднее названы), и лишь после в их состав вошли произведения, лишенные этого признака (считалки-заменки). При настоящем составе и объеме исследуемого отдела детского фольклора термин уже не охватывает всех относящихся сюда произведений и принимает несколько условный характер. Строго говоря, и в применении к подлинным

считалкам он должен считаться условным: смысл рассматриваемых произведений не в том, чтобы пользуясь ими, произвести счет, подсчитать участников игры, а только в том, чтобы пользуясь ими, выделить из среды играющих кого-нибудь для выполнения трудной роли; считалка, по определению одного мальчугана-забайкальца, „должна выказывать, кто последний"... Здесь мы имеем дело не с пересчитыванием, ставящим целью, например, установление наличия участников, а только с перебиранием всех по очереди с подразумеваемым вопросом: „не этот ли?" Здесь скорее гадание в одной из его разновидностей. Это — неустранимое свойство исследуемого жанра. Название жанра мы можем мыслить предзаложенным в сущности относящихся сюда произведений, а не в их тканях и внешней форме. Сущность считалок подмечена хранителями и исполнителями: у детей и подростков Куйтунского района, как уже сказано, для этого жанра детского фольклора существует термин-обозначение *гадалка*, а в Барнаульском округе—*ворожитка*. Улавливается этот существеннейший признак и наблюдателями детской жизни: если счесть, что у Цейтлина („гадают, кем быть", стр. 11) только содержательная обмолвка, то совершенно не колебаясь говорит о произнесении „рифмованного подбора слов", как о гадании, Н. Я. Никифоровский в „Очерках Витебской Белоруссии" (Эти. Об. 1897 № 3, стр. 57), и с полной категоричностью высказался в том же смысле Арефьев. Характеризуя тексты известных ему считалок, он замечает: „Слова и выражения при этом употребляются совершенно непонятные, чтобы придать считанию более таинственный, так сказать, сверхъестественный характер. Это шаманство своего рода" (стр. 91—92).

В самом деле, считалка не преследует исключительно художественных целей, целей искусства, развлечения; она рождена потребностями детского быта и имеет назначение служебное.

Попытки рассмотреть гадалки-считалки в близком нам, взрослым, плáне едва ли возможно, если мы не сблизим их с заговорами, гаданиями, пророчениями. В самом факте использования считалок—неосознанное недоверие к „разумному" распределению ролей в игре или, лучше сказать, неформулированное отрицание рационального начала. Рациональная очевидность не удовлетворяет: не очаровывает и не утешает. В связи с этим фактом находится и другой: в большом количестве считалок обнаруживается отрицательное отношение к слову, как логическому материалу, свидетельствуемое насыщением текстов словами, лишенными логического содержания, но наполненными содержанием эмоциональным, содержанием „заумным", обнаруживающимся в самых звуках произносимых слов.

Нужно быть в круге тех настроений, тех волнующих ожиданий, тех затаенных желаний, которые переживаются участниками *игры* в минуты гадания, чтобы приблизиться к пониманию значения для детей гадалок-считалок и к пониманию отношения детей к этим произведениям.

Считалка-гадалка ждет решение не от разумного расчета, а от случая, от воли судьбы. Ребят тешит такое ожидание разгадки, это разрешение затруднений случаем[52].

Оправдание такой интерпретации считалки находим, не говоря о самом назначении этой прелюдии, и во внешних признаках многих относящихся сюда словесных произведений: богатейшее наличие зауми, почти не встречаемой в других видах фольклора, не родственных по сущности считалке; наличие градаций в узнавании, постепенно нарастающей уверенности: сначала—„это, верно, ты"... затем—„это, значит, ты"... и наконец—„это, верно, ты *совсем*", т. е. неоспоримо[53]; отсутствие критического отношения к текстам у слушателей и исполнителей, отсутствие интереса и внимания к буквальному смыслу текстов (об этом будет сказано позднее); стремление придать заумный характер выражению рационального элемента в считалках—счету (анзы, дванзы, тринзы и т. п.).

Эти два названия—гадалка и ворожйтка—указывают наиболее выразительный внутренний признак обозначаемых произведений. Их и нужно было бы иметь в виду при выборе термина-названия; но ни в том ни в другом названии не отражаются внешние свойства, которые обычно заметнее: обычно они и создают впечатление от произведения или от жанра в целом, тем самым намечая или предопределяя обозначение в слове. Такие названия, покоющиеся на внешних приметах, обычно *делаются популярными*, ходовыми и имеют широкое распространение. Применительно к рассматриваемому виду установившееся название *считалка* приходится признать прочно привившимся; к тому же оно вполне соответствует обозначениям, существующим в иностранной литературе: Auszählreime, Abzählreime, Abzählverse—у немцев (Karl Wehrhan—Kinderlied und Kinderspiel. *Leipzig 1909*), *counting-out*—*у англичан* (H. Carrington Bolton—The counting-out rhymes of children etc. London 1888). Этот же термин привился и, видимо, имеет тенденцию закрепляться в нашей педагогической литературе[54]. С этим обстоятельством нельзя не посчитаться, и делающийся привычным распространенный термин нужно сохранить—хотя бы в угоду установившейся традиции.

Дать точное, сжатое и четкое определение жанра из анализа составляющих его произведений—дело нелегкое, так как он переживает если не начало периода распада[55], то все же

довольно поздний период развития, вобрал в себя и усвоил много новых, чуждых первоначальному его смыслу элементов. Но если еще можно путем выделения и обозначения его существенных признаков дать определение жанра, то обозначить результат анализа в одном слове, дать термин—весьма трудно: это значило бы в данном случае создать новое слово.

Надо сказать, что терминологические вопросы дети обходят очень просто: они, особенно малолетки, в большей части случаев не употребляют никакого названия для произведений различных жанров, в том числе и для считалки,—быть может, потому, что они не расчленяют игру на части и прелюдию из игры не выделяют; зная *название игры*, они не имеют необходимости обозначать словом отдельные ее звенья или части. Если они и называют, то не самое словесное произведение, а его использование или исполнение, и употребляют для этого глагольную форму, глагольные обозначения: *шаландаться, выводиться, конаться, считаться.*

Даже авторитетные в детском обществе знатоки, являющиеся хранителями игровых традиций, законодателями и лучшими исполнителями считалок, далеко не всегда пользуются каким-либо названием. Однако, не испытывая нужды в термине для общего обозначения жанра, для многих гнезд считалок или отдельных текстов знатоки имеют частные обозначения, нечто в роде заглавия. Тот или иной текст не закреплен за какой-либо определенной игрой; он намечается к использованию или обстоятельствами или вкусами участников. Мастеру-исполнителю обыкновенно подсказывают: „ну, считайся: Ехал Ваня"... Заглавия даются (сужу по наблюдениям в Забайкалье, Иркутске и Семипалатинской области) или по первому слову или по первому стиху текста[56].

Считалка „Аты-баты шли солдаты" и т. д. называется *аты-баты*, „Цыпцы-брыпцы ты куда" и т. д.—*цыпцы-брыпцы*, „Ехал Ваня из Казани"—*Ехал Ваня* и т. под.

Иногда заглавия являются обозначением подлежащего первого предложения, составляющего начало считалки. Распространенная считалка „Катился яблок мимо саду" и т. д. озаглавливается в Иркутске *яблок*, „Шел татарин из больницы"—*татарин*, „Плыла пена из-за моря" и т. д.—*пена*, „Шла японка с длинным носом" и т. д.—*японка* и т. под[57].

Можно думать, что подобные частные названия, заглавия,—явление сравнительно недавнего происхождения; очень возможно, что прививаемые школьникам навыки называть книжные стихотворения *по заглавию* переносится и в жизнь за стенами школы.

Надо заметить, что и эти частные названия обычны в употреблении не у рядовых участников игр, а у признанных в детской среде знатоков, блюдущих традиции.

VII.

В игре далеко не все участники умеют „считаться". „Я не умею считаться", или „я плохо умею считаться", „вот такой-то умеет считаться", или „вот такая-то хорошо считается", — так указывали мне ребята во время моих розысков материала в долине реки Иркута, в Поангарье и других местах.

Для того, чтобы уметь „хорошо считаться", мало знать тексты считалок: нужно, сверх того, быть чутким к ритмам. Я заметил еще, что застенчивые дети, обладая и знанием слов и музыкальным слухом, обыкновенно „плохо считаются".

Лучшими знатоками и исполнителями считалок везде слывут по справедливости девочки. В то время, как произведения сатирической лирики исполняются преимущественно мальчишками,[58] главными хранительницами словесных произведений рассматриваемого жанра являются девочки. С моими наблюдениями не находятся в противоречии показания из других мест. У Цейтлина „шаланданье" приводится при описании игр девочек; *впрочем, упоминается* (стр. 14) о том, что *иногда* шаландаются и мальчики.

В младшем возрасте, в период „первоначальной простоты"[59], дети лет 4—6, немногие умеют считаться, а если умеют, то знают два — три, редко четыре коротеньких текста, при чем мальчуганы в знании считалок от девочек не отстают, но в возрасте 10—14 лет, в период „цветения и цветущей сложности", и позднее (пользуются обыкновенно лет до 15—16, т. е. до вступления в юношеский возраст) они знают текстов гораздо меньше, чем девочки. Если они играют в обществе девочек, что́ не является делом часто встречающимся, то используют считалки; пользуются ими часто и в своем, мальчишеском, кругу, но не всегда: иногда пользуются вместо словесного произведения—*переборол палки, бросаньем палки* и т. п. Правда, к такому способу прибегают и девочки, но это — крайне редкие случаи.

Конечно, и среди девочек надо различать рядовых участниц игр и мастеров, артистов. Рядовая участница (в с. Тункй) сказала мне однажды: „Мы все-то (считалки) не учим... Зачем все-то?".. Такие знают, как и малые дети, три, четыре текста. Репертуар знатока содержит десять и более текстов; например, Нюта Трощенко, девочка лет 13 (из пос. Иннокентиевского—под Иркутском), знает двенадцать текстов[60]; Маруся Усольцева,

двенадцатилетняя девочка (из пос. Аршан, у подножия Тункинских Альп), знает четырнадцать текстов[61]; Лена Изотова, тоже школьница (из с. Голуметь Иркутской губернии) и тех же лет, знает восемнадцать считалок[62].

Наблюдения позволяют думать, что считалкам, как и вообще играм, редко научаются от взрослых; обыкновенно этот вид словесных произведений наследуется от старших поколений детей.

Видимо, во всяком месте (селе, деревне, может быть даже районе большого города) в обиходе детского поколения имеется определенный, количественно ограниченный круг считалок, за пределы которого выходят редко и при том—немногие, бывалые и отменно памятливые, как, например, жительницы поселка Аршан, Поля Сизых или Маня Усольцева, которые имеют возможность часто бывать „на Тункѐ", т. е. в „культурном центре" края, которые на курорте Аршан заводят знакомства с городскими детьми. Обмен темами, произведениями и исполнителями в пределах района совершается через поездки к родственникам, через школу.

Репертуар школьниц и школьников в количественном отношении много богаче и по составу разнообразнее репертуара неграмотных детей. То же отношение между репертуаром городских детей и детей сельско-деревенских. В большом, разбросавшемся по берегам речки более, чем на десять верст, селе Ахалѝк, как и вблизи от монгольской границы—на немноголюдной станице Турѝн (оба пункта—в долине р. Иркута[63]), мне пришлось узнать о считалках, что их здесь не знают, ими здесь не пользуются. Игры, с которыми в других местах связано исполнение считалок, здесь начинаются просто— перебиранием палки, уходом одного за ворота, бросанием палки. Причина отсутствия здесь считалок мне не ясна. Одно можно сказать: она кроется едва ли только в удаленности от так называемых культурных центров: Ахалик и Туран — не „глухие места", во всяком случае — не глуше, чем современные села Поангарья, деревни и заимки по р. Илиму, где не потребовалась большая тщательность поисков, чтобы добыть интересующий материал, или притрактовые деревни средины прошлого столетия, как Шабартà (в пределах б. Нижнеудинского уезда), к которым относятся многие из лучших считалочных текстов, записанных от старых людей[64]. Не исключена, разумеется, возможность допущения оплошности и промахов наблюдателя. Но если они и были, то этим смягчается только категоричность утверждения об отсутствии считалки в некоторых населенных местах Иркутной долины; значительная доля истины в его утверждениях сохраняется.

VIII.

Уже сказано, что считалка является словесным элементом в прелюдии к *играм типа пряток:* палочка-воровочка, или палочка-застукáлочка, úмальцы (жмурки), горюкалки[65]; иногда та же прелюдия предшествует игре в догонялки[66].

Чтобы вспомнить, как живет считалка в детской среде, надо себе представить „мальчишек радостный народ“, или подвижную и говорливую „стайку“ девочек, или пеструю детскую группу, которая вдруг, как стая воробьев, откуда-то появляется на открытом дворе или на улице у ворот,—там, где можно то собраться всем вместе, то, когда нужно, разбежаться и скрыться.

— Я буду считать!..
— Я, я буду считать, я!..
— Нет, пусть („пускай“) Поля считает[67]...

Все участники игры, кроме одного, становятся (в редких случаях садятся в ряд[68]) один рядом с другим, образуя стройный полукруг (см. рис. 1), круг или шеренгу—иногда человек в пятнадцать и больше, обыкновенно меньше; один—по указанию играющих или по личному почину—неторопливо произносит, скандируя, длинный текст какой-нибудь (без строгого выбора) считалки, прикасаясь—при каждой стопе стиха—ладонью или пальцем к голове, к плечу или груди каждого входящего в полукружье:

Таня	баня	что под	вами
Под же	лезны	ми стол	бами
Стульчик	мальчик	сам ко	роль
Бери	косу	моло	ток
Отпра	вляйся	в горо	док

На кого падает последний ударенный слог или последняя стопа, тот выходит из полукружья. Тотчас снова начинается „счёт“: опять произносится тот же текст, опять рука мастера плавно приподнимается и опускается, красиво описывая волнообразную линию по всему полукругу, и опять один выходит—тот, на кого приходится последнее слово, последняя стопа или последний ударенный слог. И снова „считаются“. Один за другим выходят, и от одного „счета“ к другому—полукружье тает, меньшится.

Число стоящих в полукружье постепенно уменьшается, и количество произносимых стоп вдвое или даже более превышает число покорно ждущих для себя результата гадания. Читать длинный текст для малого числа считающихся не-экономно:

Рис. 3.

каждый участник будет указан (ткнут пальцем) три или четыре раза, прежде чем ему достанется последний ударенный слог, или стопа, указывающая его выход. Много раз однообразно повторенный один и тот же текст надоедает; ощущается необходимость освежить впечатление — и тогда меняют считалку: вместо длинного текста произносится короткий, и, словно передохнув на полпути, снова „считаются", шелестя словами новой считалки:

Ши́шел | вышел
о́н по | шо́л
на́дел | ша́пку
и́ у | шо́л.

И опять один за другим выходят, и малый круг, раз от разу, от одного „счёта" к другому, делается еще меньше: словно с каждым порывом ветра с дерева шурша опадают последние листья.

Еще уменьшается полукружье, сокращается, опять сменяясь, и считалка: вместо длинной, которою началась прелюдия к игре, теперь, — когда полукружье, утратив свою форму, заключает четыре или три человека, — четко (на этот раз подчёркнуточетко) исполняемый текст *считалочки* состоит из нескольких кратких слов, например:

Ниточка, иголочка.
синенька стеколочка.

Обреченным на исполнение роли ищущего или галящего оказывается тот, на кого́ не пала последняя стопа или последний ударенный слог[69]. Выбор считалки или считалочки произво-дится, как уже упомянуто, в зависимости от личных вкусов и наклонностей знатоков, которые в меру находчивости сообразуются с числом играющих. Текст считалки во время исполнения прелюдии произносится или бессменно одним лицом или желающие чередуются.

В зависимости от местной традиции, прелюдия выполняется или в той обстановке, которая сейчас описана и которая является обычной, распространенной, или в обстановке, несколько отличной от нее.

Чтобы усложнить прелюдию, каждый стоящий в полукружье участник игры протягивает два пальца, и тогда „считаются", прикасаясь к каждому пальцу[70]. Это удобно, когда дети пользуются длинным текстом при малом числе играющих. Палец, который не „вышел", т. е. на который не пала последняя стопа

стиха-считалки, обрекает своего обладателя выполнять трудную роль (искать, догонять, галить).

При сравнительно небольшом круге играющих этот прием варьируется: инициатор игры выставляет колено; на него все желающие принять участие в игре кладут по два пальца — средний и указательный (см. рис. 2). Дотрагиваясь по очереди до каждого пальца, один (обыкновенно обладатель колена) произносит считалку [71].

Известен мальчикам и девочкам прием „кулаками считаться". „Кулаки кладут,—повествуют иркутские мальчуганы, знатоки дела,—куда ни на есть. Каждый кладет оба кулака — на заплот, на бревно... Кто-нибудь один „считает" (ударяя по подставленным кулакам):

Ку́ба ку́ба кубака́ —
кому надо кулака?

Кому выйдет *кулак*, тот и выходит. Кто выйдет, тот и ищет (при игре в прятушки)".

Вариант той же прелюдии: стоящие в круге или полукружье выставляют кулаки (каждый—оба; см. рис. 3). Ударяя по ним своим кулаком, один произносит считалку:

Эксэн, бэ́ксэн
ба́рба кала́кцам [в варианте: бараба́ксэн]
а—ра́
руч...

Кулаки, получающие у́дар при слове *руч*, убираются. Выходят те из играющих, у которых убраны оба кулака; оставшийся с поднятым кулаком галит или ищет (Иркутск).

Использование считалок, имеющих концовку-вопрос (см. главу XI), отличается от только что описанного способа выделения лица для трудной роли небольшим усложнением прелюдии.

Тут несколько вариаций.

а. Обычным порядком, т. е. скандовкой произносится считалка:

Зи́нчик-ми́нчик
мой мизинчик,
тарин-барин
чей татарин?

Кто скажет вперед (раньше всех): „мой“, значит, он „вышел“, не ищет. (Обыкновенно при игре в жмурки. Бильчир, Верхнеудинск).

б. Ехал мужик по дороге,
сломал колесо на дороге.
Сколько требуется спиц
для починки колесницы?

На кого падает последняя стопа, отвечает, называя любое число, например: пять. Счет продолжается:

Раз, два, три,
четыре, пять.

На кого угадает „пять“, тот выходит (Троицкосавск, Урульга, Иркутск с окрестностями, Тункинский край, Барабинский округ и мн. др).

в. В этой маленькой корзинке
есть помада и духи,
ленты, кружева, батисты [в вар.: ботинки].
Что угодно для души?

На кого придется последнее слово вопроса (в исполнении одних) или последний ударенный слог (в произношении других), тот отвечает, например: „духи́“. „Счет“ возобновляется и идет до этого слова.

В этой маленькой корзинке
есть помада и духи.

Кому „достались духи́“, выходит [72].

г. В некоторых случаях прелюдия имеет целью отвлечь внимание играющих от ожидаемого решающего момента, заворожить слушающих. Тогда она упрощается и выполняется быстрее.

Считающий, имея в руках палку, указывает ею поочередно участников игры, стоящих в полукружье или в кругу, и произносит, в качестве считалки, текст:

Ты расти, моя коса,
расти и́з корню,
приезжай ко мне, жених,
и́з городу.
Он посватался
да спрятался,
записку написал
да под печку убежал.

При последнем слове он бросает палку возможно дальше, а тот, на кого упало слово „убежал", должен бежать за палкой (в это время все прячутся) и искать.

Эта разновидность прелюдии относится к средине прошлого столетия (с. Шабарта). Не знаю, сохранилась ли она там до последнего времени и известна ли еще где-нибудь.

д. При малом количестве участников и при желании упростить, в целях ускорения, исполнение прелюдии употребляют—по уговору или согласно местным традициям — распространенную (в Иркутской губернии) считалочку:

Палка, дощечка,
гвоздь, молоток.

„Кто выйдет *молотком*, тому искать".

Эта считалочка составлена из слов, употребляющихся—не в качестве связного текста—в прелюдии, где словесный элемент совершенно устранен,—при перебирании палки.

Берут длинную палку и по ней—снизу кверху — „перебираются" руками (см. рис. 4). Чья рука придется на верхнем конце палки, тот „выходит"; остальные снова „перебираются". Галит или ищет тот, чья рука ни разу не взялась за верхний „край" палки[73].

В Верхнеудинске, Иркутске и некоторых других местах для разных положений руки существуют обозначения. Рука, охватившая верхний конец палки, накрывается ладонью: это — „доска" или „крыша"; на „доску" („крышу") ставится указательный палец: это—„гвоздь"; по „гвоздю" ударяют ладонью или кулаком: это—„молоток". Чей оказался „молоток", тому искать или галить.

К этому приему прибегают обыкновенно мальчуганы — в тех случаях, когда желающих принять участие в игре много и хочется скорей приступить к игре. Девочки не спешат, и одне охотно, другие терпеливо выполняют прелюдию со всеми словесными украшениями. В смешанных группах, где мальчуганы и девочки играют вместе, обычно „считаются" по всем сложившимся правилам; „перебираются" в крайне редких случаях.

е. Для очень немногих мест западного Зауралья установлен совершенно отменный способ исполнения считалки — хоровой скандовкой. На этот счет я имею два показания — П. Бессонова, который не указывает, где именно он наблюдал хоровое исполнение считалок, и А. И. Никифорова, любезно сообщившего мне такую справку:

„Летом 1927 года в г. Луге, Ленинградской губернии, мне случилось наблюдать хоровое исполнение считалки. Шесть

или семь детей в возрасте от 3 до 9—10 лет, взявшись за руки, составили круг, внутри которого стала самая старшая бойкая девочка—гостья из Новгородской губернии. Дети начали прыгать в виде хоровода и, хором полунапевая, полускандуя, произносили какую-то считалку, текст которой я, к сожалению, не записал. Хоровод этот стоял на месте, и дети только прыгали. Утверждать, что это исполнение было пением, а не скандовкой, не смею, потому что детское пение, да еще быстрой считалки, всегда может походить на ритмические выкрики, т. е. на скандовку. Девочка, стоящая посредине круга, ударяла в грудь остальных рукой и при этом после каждого „выхода" меняла текст считалки.—Кроме того, мои детские воспоминания (относящиеся к г. Нарве) сохраняют случаи участия в играх, когда мы, дети, исполняли хором всю считалку, например:

Эники—бе́ники
сикуль са,
эники—беники
май".

С этим сообщением очень сходно описание Бессонова который об исполнении „жребия на словах" говорит: „Станут в кружок и запоют песню; на кого упадет из песни последнее слово, тому и держать свой черед. Поют вместе, а один, кто постарше, указывает пальцем по ряду, на Петра, на Ивана, на Сергея, на себя, потом опять на Петра и так дальше: на кого придется слово „выкинь", либо „вышел", либо „вон", всякое последнее слово, тот и выходи из кружка: кто последний останется, тот ступай в игру зачинать (Детские песни, стр. 69).

Некоторый намек на песенное исполнение считалки находим у Шейна, который произведения рассматриваемого жанра называет жеребьевными *песенными* прибаутками, а исполнение их описывает такими словами: „Дети становятся в кружок; одно из них выступает на средину круга и начинает *говорить песню*" и т. д. (Русск. нар. песни, ч. I, 35). Так же неопределенно сказано и у Соболева: „Кто-либо из детей берет на себя обязанность *прочитать слова* той или иной *песни*" (стр. 3, выноска. Подчеркнуто везде мною. Г. В.).

IX.

Исполнение считалки не ставит непосредственной задачей *понимание* буквального смысла читаемых текстов: это предуказывается характером „ворожиток", или „гадалок"; отсюда характер исполнения считалки: здесь нет надобности в „выразі-

тельном“ чтении, и она скандуется; здесь же причина сведения к *minimum'y* выразительных качеств устного слова. При таком исполнении разносоставность многих текстов, не всегда ясная спаянность их частей не мешают воспринимать читаемый текст, как нечто стройное, проникнутое цельным и единым замыслом, подчиненное ритму. Что буквальный смысл здесь не при чем, ясно из обилия зауми, ясно и из того, что мы почти не наблюдаем у детей попыток истолкования текстов в целом или в отдельных частях, не знаем попыток критической оценки текстов. Все „несуразности“, какие в них находит взрослый, в роде:

вышел ясный месяц,
а за месяцем луна[74]...

ты, слуга, подай метлу,
я в карете подмету[75]...,

шла японка с длинным носом... [и т. д.]

только потому и могут переходить неизменно от поколения к поколению, обнаруживать большую распространенность, большую живучесть. Правда, встречаются робкие попытки—в виде ненастойчивых догадок—комментировать тексты заумных считалок, как польские, татарские, бурятские[76], но это сравнительно редкие случаи и при том не выразительные. Равным образом, едва ли в постепенной замене старых считалок книжными стихотворениями можно видеть критическую оценку традиционных текстов; этот факт замены является больше свидетельством утраты вкуса, чутья к творчеству в устном слове. Оценка текстов детьми совершается, но с иной точки зрения,—главным образом с точки зрения соответствия ритма общему внутреннему смыслу и назначению произведения. Поэтому, говоря об исполнении считалок, предпочтительнее пользоваться словом *произнесение*, избегая слово *чтение*.

Считалки—это стихотворения, вне „материального звучания“ не существующие (как и все устное художественное творчество), и, говоря об их произнесении, мы говорим о *декламации*. Не столько содержанием, построением, составом и даже ритмом, сколько своим назначением и применением — считалка обусловливает узко замкнутый круг декламационных возможностей. При ее произнесении мы наблюдаем не музыкальный тип голосового звучания, ни говорной его тип, а как бы промежуточный, в котором можно видеть некоторую разновидность *стихового типа* голосового звучания (термин Эйхенбаума).

Применяемый здесь декламационный стиль — или подлинная скандовка или прием, близкий к ней, родственный ей, который отчасти можно отождествить с речитативом. Во всяком ином исполнении считалка гаснет, перестает быть считалкой. В ней, в ее ритме, а главным образом — в ее назначении предуказаны нормы и „правила" исполнения, — не правила исполнения того или иного определенного стихотворения, а нормы и правила исполнения всякого стихотворения, относящегося к данному жанру детского фольклора. В пределах жанра возможны только очень редкие и крайне незначительные вариации в характере произнесения. Не в качестве прелюдии к игре, а имея иное назначение, те же стихотворения допускают иное эстетически законное исполнение (напр. когда текст считалки используется в качестве сатирического произведения), здесь же круг декламационных возможностей съужен до предела. Например, отрывок считалки произносится обыкновенно так:

шапка плú | совáя |
вся испú | санáя |

В этом быстром, живом (и, значит, более любимом) произнесении оба ударения (на третьем слоге) каждого стиха выдержаны одинаково.

Сравнительно редко этот текст произносится замедленно:

шапка плú-со-вая
вся испú-са-ная...

Смысловое ударение сохраняется. Второе ударение — в конце стиха—сильно ослаблено, и предшествующие ему слоги в исполнении замедляются, удлиняясь, но, как и в первом случае, характер скандовки сохранен. Чуткий к ритмам исполнитель-декламатор везде, при всех условиях, улавливает и использует один прием исполнения. В зависимости от такого приема исполнения („связанная" декламация), находятся *паузы*, смена *интонации* и пр. В зависимости от склада характера, голосовых средств, музыкальности исполнителей, произнесение считалок дает различные оттенки. Одни стараются замедлять последние стихи текста, другие, наоборот, читают все произведение постепенно ускоряя[17]. Одни при произнесении заботятся о безукоризненной передаче ритма стихов, другие, стремясь к тому же, нарушают плавное произнесение выкриками конца стихов, иные—немузыкальные—стараются подчеркнуть смысло-

вую сторону произносимого текста, обыкновенно тем самым нарушая ритм. Одни подчеркнуто выговаривают согласные звуки, другие обращают внимание на гласные и выпевают их (обо всем этом речь будет особо).

Но все указанные оттенки не нарушают общего характера исполнения считалок.

Считалка исполняется для небольшого круга слушателей, поэтому произносится не громко, без усилий, в меру голоса. Быть может, громкое чтение не применяется еще и потому, что не спешащая, но удалая скандовка требует почти непрерываемого равномерного чтения, а громкое исполнение требовало бы длительных пауз; это нарушало бы равномерность и непрерывность, а тем самым и ритм произнесения считалки.

Голосянки, молчанки, многие песенные заговоры, издевки, поддевки и пр. могут исполняться и обыкновенно исполняются без организованных телодвижений; исполнение считалки без таких телодвижений, без жестов, немыслимо. Движением руки произносящего текст регулируется дикция. При хорошем исполнении каждая ударяемая стопа соответствует опусканию руки („указыванию"), а неударяемая—подыманию руки. Когда „считают" пальцы, выставленные или положенные на чьей-нибудь обнаженной коленке, или кулаки, тогда произнесение считалки может выполняться быстрее, чем в других (раньше описанных) случаях, но в этом только и разница: вялое или небрежное отношение к исполнению считалки почти невозможно, потому что оно подчинено безостановочным и мерным движениям руки, направляемой ритмом стихотворения.

В такой же мере невозможно быстрое и беспорядочное произнесение. Беспорядочное исполнение вызывает протесты слушателей—по разным мотивам. Само по себе произведение в хорошем исполнении дает эстетическое наслаждение; ожидание решения судьбы настораживает, создает настроение, близкое к торжественному. Неисправное чтение, нарушая ритм, отнимает возможность наслаждения и рассеивает настроение (мотив эстетический). К тому же при плохом чтении считалки гадание о жребии несет в себе возможности неумышленных и—самое главное—умышленных ошибочных указаний и определений (мотив этический).

Некоторые уклонения от описанного способа исполнения считалок возможны в зависимости от индивидуальных особенностей исполнителей; отчасти они могут вызываться теми или иными свойствами группы или разряда считалок, к которым относится произносимый текст.

(Окончание следует).

Рис. 4.

Л. А. Уткин.

Заметки по народной медицине.

Представления и народные верования, связанные с растениями (в б. Томской и Алтайской губ.)[1].

I.

По народным воззрениям, травы бывают полезными, если они собраны „во время“ (Журавлево). Существует общераспространенное мнение, что их нужно собирать в Иванов день, на Ивана Купала, Ивана Постного—24 июня (Тундинское). „Всякой траве помогает Ивановская роса—в день Ивана Постного, за 5 ден до Петрова дня“ (Тундинское) и в день Аграфены Купальницы—23 июня. В народе говорят, что в это время „все травы способны“ (Семеновское); затем считается, что травы на пользу („польгу“), если взять, когда старый месяц на ущербе и зародится новый“ (заимка Спиридона Овчинникова на Чулыме).

Сбор растений производится «до солнышка, по росе» (Журавлева, улус Кузедеевский). Траву собирают, например, под Иванову росу 24 июля «крадучи» (ул. Кузедеевский), когда падет на траву эта роса (Нв.-Каменское). Полезно мыть глаза Ивановой росой, вспрыскивать ею пчел (Нв.-Каменское).

Рекомендуется собирать травы, чтобы «стень» была сзади; если «стень» (тень) будет впереди, то трава, при этом собранная, не принесет пользы (Тундинское).

Корни пеона (Paeonia anomala L.) копают для лечебных целей непременно, когда закатится солнце (Сартакова, Вилки). Молочаи—виды рода Euphorbia—выкапываются с четырех сторон, крест-накрест в мае и сентябре (Семеновское). Девицы рвут огоньки (Trollius asiaticus L.) и плетут венки из них или из березовых веточек с огоньками на «Святую Троицу» (Зыряновское). На «исход месяца» поят полынью (Artemisia vulgaris L.) больных падучей болезнью. В это же время «травят» (уничтожают)

---

[1] Доложено в Отделении этнографии Государственного Русск. Географического О-ва в Ленинграде 8 января 1926 г. и на Всесоюзном Съезде Ботаников в Москве 24 января 1926 г.

тараканов порошком из корня тараканьей травы (Delphinium elatum L.). Для этой цели порошок кладется в квасную гущу с солодом (Чумайское).

По народному поверью, в воскресенье работать грешно, и, если результат работы воскресной «повесить на березку, то эта березка высохнет» (Сартакова, Вилки).

Народ считает, что «всех трав на свете—77» (Больш. Песчанка, Вагановское). Точнее об этом в одном месте было сказано так: «Всего на свете 77 трав, 77 вер и 77 языков» (юрты Тургайские на Чулыме).

Сакраментальный характер присваивается народом. Так, для лечебных целей рекомендуется собирать 40 трав и 40 древесных кор (Салтымакова), или производить сбор трав от 40 кустиков (Семеновское). В с. Шевелевском, Барн. у., из 40 сборных трав варят пиво; для этой цели травы закладывают в корчагу, заливают суслом и ставят в печь. Также в с. Нв.-Каменском приготовляют питье из 40 всяких трав. Пьют питье от всех болезней и от усталости. Способ приготовления этого питья таков: смесь высушенных 40 трав и солода ставят в посудине на сутки в печь. Затем берут сусло и заквашивают смесь, прибавив туда 2—3 стакана муки. После этого вновь смесь настаивают двое суток, чтобы питье было пригодно для употребления.

Иногда число «сорок» приурочивается к болезням. Например, так называемая сорокоприточная трава (Bupleurum aureum Fisch.). Solidago Virga aurea L.—приточна трава и сорокопритка—Antennaria dioica Gärtn. употребляются «от 40 притчей», «40 приток», «40 притков»—недугов (Осиновка, (Нв. Каменское, Тундинское).

Уделяется народом внимание «двенадцати». «Двенадцать мочек (почек) с 12-ти всяких лесин настаивают 12 дней на воде и на водке». «По старинке ведется»—говорят об этом средстве. Настой пьют от чахотки (г. Кузнецк. Старушка Авдотья Леухина). Говорят, что трав—«девятильников двенадцать», две из которых—Tanacetum vulgare L. и Achillea millefolium L. (Аул Атаноковский, заимка Спиридона Овчинникова); от грыж лечатся 12-ю травами, одна из них Phlomis tuberosa L.—божий бадажек, и наконец, указывают 12 тальников, включаясюда многие виды гераней (аул Атанаковский).

Подобно числу сорок, цифра 12 присваивается и болезням. Например, Chrysanthemum sibiricum Fisch. Двенадцатигрыжная трава применяется от 12-ти грыж, за что и получила свое название (Томск, базар), или Daphne Mezereum L.— волчье лычко спасает «от 12-ти хвороб». В последнем случае говорил крестьянин пос. Бурсовского, переселенец из Ковенской губ., так: «есть

12 хвороб»[1]. Хвороба в лесу иногда человека зовет по имени. Не надо отзываться на этот зов. Лихая и злая хвороба! Чтобы спастись от хворобы, нужно привязать к нательному кресту кору волчьего лычка».

В с. Шевелевском говорили, что для излечения «лихоманки»—лихорадки нужно искать девять стеблей колокольчиков—Adenophora liliifolia Ledb. Девятильник — Tanacetum vulgare L. помогает, наоборот, от «девяти болезней» (заимка Спиридона Овчинникова на Чулыме).

Придается лечебное значение тем растениям, у которых *нечетное* число порослей. Например, Scabiosa ochroleuca L. — пупная трава помогает в том случае, «кто с пупа сорвет», если для лечения будет собран экземпляр с нечетным числом стеблей и ветвей (В. Уймон, на Алтае). Равно считается полезным лечиться «от лихоманки» кустарником-гороховником—виды рода Caragana,—если только берут для печения кору со ствола кустарника, имеющего нечетное число ветвей—5, 7, 9 ветвей и т. д. Кору с гороховника рекомендуется сдирать от прикрепления каждой ветви вниз (Верхний Уймон. Агафья Чернова. Получ. от Г. Н. Потанина).

Про «огонечки» Trollius asiaticus L. Агафья Чернова из В. Уймона говорит, что «ни шепотки, ни рокотки так не помогут», как эта трава; только нужно брать для лечения нечетное число отраслей травы на одном корне, именно, 3, 5, 9, 13. Экземпляры с 6 или 8 отраслями на одном корне считаются недействующими (Получ. от Г. Н. Потанина).

От опухания лечат больного стружками, которые нужно наскоблить с 27 могильных крестов и лечат 27-ю травами, которые рвут также на кладбище. Стружки и травы смешивают и заваривают в кипятке, затем пьют этот настой, а также купают им больного (обливают) (Сартакова. Вилки).

Народ определяет лечебное значение растений по сходству частей или всего его внешнего вида с человеческими органами или с характером заболевания[2].

Целый ряд ниже приводимых примеров иллюстрируют высказанный взгляд.

Aconitum voludile Pall. Растение, у которого корень похож на сердце, называется сердцевой травой. И на основании этого

---

[1] Повидимому, „хвороба"—лихорадка. Авт.

[2] Л. А. Уткин. Растения в народной медицине Томской и Алтайской губ. Дневник Всесоюзн. Съезда Ботаников в Москве в январе 1926 г. Под ред. Е. Е. Успенского. Стр. 178. Москва, 1926.

сходства народ рекомендует лечиться травой «от сердца» («сердцем» часто называется желудок и поджелудочная область); (Больш. Тайменька).

Androsace Septentrionalis L.—Игловатка. Настой травы пьют от колотья живота, потому что отцветшая высохшая трава «колется» (Тундинское).

Calamagrostis epigejos Roth. Пить от резачки (Б. Тайменька). Трава щетинистая. Caragana arborescens Lam. С золотисто-желтыми цветами; пьют от золотухи «по многу: вреды нет» (Пестеревское); Caltha palustris L. Пить настой травы (в состав травы входят и цветы, вообще цветущие верхние части растения) от желтухи, так как трава имеет желтый цвет. «Все желтые цветы помогают от желтухи» (Почитанское).

Целый ряд колючих растений вследствие их колючести рекомендуется пить в виде настоя от колотья. Сюда относятся травы:

Carlina vulgaris L. (Осиновка, Журавлева, Кокуй, Почитанское, Больш. Тайменька, Гутово): «Пить настой травы, если мается колотьем живота, груди и спины, или от колотья в боках и пахах». Кроме того, колючей траве Carlina vulgaris L. приписывают свойство оберегать взрослых и детей от испуга. «Ребенок не будет пугаться, если ему этой травой поколоть ноги». Для этой цели траву кладут в постель к ногам (Песочная). В Салтымаковой и в Колыванском от испуга пьют настой этой травы и «купают» настоем (обливают). В с. Гутовском женым переполошником (Carlina vulgaris L.) подкуривают «пуганых» детей. Этой же травой поят к ночи при «испуге»; чтобы «испуг» сна не портил (Томск. Базар. От знахарки Е. И. Кондратовой).

Затем от колотья лечатся колючими травами: Centaurea scabiosa L. (Пестеревское), Cirsium heterophyllum All. (Зыряновское, Огневая Заимка, Сартакова, Вилки), Crataegus sanguinea Pall. «Так как это дерево имеет иглы, то и пить настой из коры и веток от колотья» (Колыонское).

У Delphinium elatum цветок имеет вид стрелки, поэтому и этой травой рекомендуют лечиться «от колотья» (Тундинское, знахарка Дарья Павловна Медведева).

На основании сходства пользуются «от прострела-колотья настоем травы Dianthus superbus L. (Больш. Песчанка) и Pedicularis uncinata Steph.—Егорьево копье (Тундинское).

„От колотья“ же применяют настои из гераней: Geranium pratense L. G. pseudo-sibiricum J. Mey. u G. sylvaticum L. Указан-

ное применение этих трав практикуется на том основании, что у них плодики имеют вид копья. „От цветка копье выходит и прикалывает болезнь“ (Чумайское. Колыонское. Армоки. Юрты Абсагачевы. Заимка Спиридона Овчинникова, с. Смолино на Томи).

Трава Potentilla anserina L. „разостлалась плетями по земле“, поэтому „как лекарство, и пойдет по всем жилам „(Ново-Каменское).

Phlomis tuberosa L. „вырастает суставчиками“, как позвоночник нашей спины, потому эту траву полезно пить при заболеваниях спины (Пестеревское).

Pedicularis uncinata Steph. Crepis lyrata Fröl.—Травы с желтым цветком помогают „от желтуницы“, „желуницы“ (Томский завод, Почитанское), а Lathyrus tuberosus L. „с красным цветом целителен от улевища—красной грыжи“ (Пестеревское).

В Томском заводе знахарка утверждала, что всякая трава с белым цветком будет помогать от „белой грыжи—(гонорреи, белей). Папортник Dryopteris spinulosa O. Ktze. имеет корневище, похожее формой на гнездо, поэтому про него говорят: „корень—гнездом, и матку ставит в гнездо“ (Банновское на Томи).

Vicia Cracca L. Тягун. Траву „тягун“, пьют „когда руки дрябнут и их стягивает“ (Колыонское).

II.

Achillea Millefolium L. Траву варят в смеси с церковным ладаном „обычным церковным“ и „ладаном для покойников“. Этой смесью поят умирающих детей непременно на улице, „чтобы они меньше мучились и плакали. Ребенок от питья затихает“ (Банновское на Томи).

Androsace septentrionalis L. Для лечения рвут траву в мае, при цветении. Настаивают ее в большом количестве и затем в этом настое моют запачканное менструациями бельe. После мытья обязательно настой нужно выливать между кольями изгороди (Тундинское). Angelica sylvestris L. Больного „лихоманкой“ на пороге обливают настоем и травы из кореньев. Для получения настоя парят траву и корни полсуток. Или же настоем „купают“ (обливают) больного под куричьим седалом. После лечения, полагают, „лихоманка кидает (оставляет)“ человека (зав. Гавриловский). Bupleurum aureum Fisch. Траву для лечения необходимо доставать из-под пласта (Кедровка).

Carlina vulgaris L. Травой подкуривают больного ребенка, если „свет“, „младенская“ бьет. Рубашку больного колом „вбивают“ в землю под маткой в подполье дома, при чем „вбивают ее туда до той поры, пока не сгладится с землей“ (Юрты Абсагачевы).

Караулят „цвет папортника, чтобы быть богатым. Ищут цвет растения на Ивана Купала. Тут при карауле происходят страсти; редкий усидит на карауле“ (Зыряновское, Б. Таткина, Спиркина). „Цвет папортника нужно брать в Иванов день, прятать в кровяну жилу. Кто „цвет“ найдет тот скрозь на три аршина в земле видит и все мысли человека знает, (Кусково).

Dracocephalum nutans L. Траву „меряют шопотами“ и больного умывают от тайника (Томский зав.)

Dryopteris spinulosa O. Ktze. Делают припарки, чтобы вышел „волос“ (Песочная).

Eryngium planun L. „Траву следует рвать на степи, не на сорном месте, на таком расстоянии, чтобы петуха не слышать“. Травой поят и купают „если народ и дети пугаются“. Б. Тайменька. Пещерская.

Про Geranium pseudo-sibiricum j. Meg. рассказывали: „Бывают всякие тайники на сердце (Сартакова, Вилки).“ „Неповеденный человек рвет драгун-траву, а плоды у нее отскакивают. Эта тайнишная трава от детского тайника.“ (Ново-Каменское).

Gymnadenia conopsea R. Br. Растение называют чертовой ручкой, пятилайкой, ладошкой. „Девки корнем (клубнем) ребят заедают. Если у травы только одна лапка, и ее съесть, то детей не будет; если у травы две ладошки, то съешь их и принесешь двойни“ (Тундинское. Дарья Павловна Медведева). Существует поверие, что женщине съесть один палец клубня достаточно, чтобы год не приносить дитяти, а если она съест два пальца, то не принесет (не родит) и другой год. (Почитанское). В д. Больш. Песчанка женщины опускают в стакан воды клубни растения, и если они тонут, то их едят. полагая, что это их освобождает от деторождения.

Hypericum perforatum L. Срывая выгон-траву, пропускают или „продергивают ее скрозь пласта“. Пьют настой этой травы „от порчи, которую по ветру пущают. Порча внутри ходит, как живая, и мясо там (ее) наростает“ (Осиновка).

Juniperus sabina L. Пучечками кустарника обмениваются бурханисты на Алтае при приветствиях.

Inula salicina L. „Трава костовник“—от нее кости болят (д. Салтымакова)“.

Origanum vulgare L. Траву нужно „таить" от того, кого ею лечат (д. Салтымакова.)

Orchis maculata L. Клубни едят, „чтобы ребята не родились" (Колыонское).

Platanthera bifolia Rich.—Гульная трава. Едят клубни „чтобы ребят не носить". Если на каленой каменке клубень растения „прыгает" от жару, его не едят, ибо он содействует беременности. Юрты Абсагачевы.

Polygonatum officinale All. и Pyrola rotundifolia L. Растения опускают в воду и затем эту воду льют на икону над чашкой. После этой манипуляции вода считается целительной и ею „спрыскивают сбесившихся" (д. Новинка).

Телеуты (Кузнецк. у.) считают Polygonatum officinale All. хлебом умершей души (Челухойское).

Populus tremula L. Листья осеннего листопада осины и других растений заваривают в кипятке, и настой пьют „от листопадной лихорадки" (Аул Атанаковский).

Prunus padus L. Когда приносят телеуты жертву Адаму, то для костра берут черемуху и на костре водружают голову быка (Челухайское Кузн. у.).

Pulmonaria mollissima Kerner. Шумник. Пить от шума в голове. Рыть траву надо с той стороны, на которую падает тень, и следить, чтобы солнце не освещало роющих рук. (Верхн. Уймон. От Черновой, запись Г. Н. Потанина).

Scrophularia nodosa L. Корень растения носят на кресте, чтобы никто „не испортил" (Осиновка).

Sisymbrium Sophia L. Настоем из корней травы поят женщин—на том основании, что у растения расходящиеся корни.

Растение Artemisia Silversiana Willd. как имеющее не разветвленный одиночный корень, считается целебной для мужчин. Также средство „от кумухи" (Вагановкое).

Urtica dioica L. Известно верование, что змея „точит из листьев крапивы жало" (пос. Бурсовский).

Urtica urens L. Пьют настой крапивы от лихорадок: „денной, белой, которая днем трясет; от вечерней—трясет вечером, и от полуношной—трясет в полночь" (Тундинское, от Д. П. Медведевой).

Veronica Teucrium L. Тайнишная трава (Кузн. у.) Пить настой травы, „когда тайник рассыпается по человеку" (Ново-Каменское).

Paeonia anomala L. Марьины коренья. С растением связана такая легенда, записанная в д. Сартаковой Кузн. у.—у ста-

рожилов-сибиряков. У одних родителей была взрослая дочь, которая не пошла замуж, а вопреки родительской воле ушла в пустыню спасаться. Семь лет она ела в пустыне хлеба полтретья ($2^1/_2$ хлеба), а затем 13 лет ходила голодной. Однажды она подошла к кустику, где встретила пустынника, но не показалась ему из-за стыда, будучи нагой. Пустынник ей дал „шабуришко“. Одетая в шабур, она покаялась пред пустынником во грехах. Через год по ее просьбе пустынник снова пришел к кусту и увидел у куста труп Марьи. В это время при нем прибегает зверь, вырывает яму и туда закапывает труп Марьи. Пораженный происшедшим, пустынник на другой день вновь приходит к могиле Марьи и видит, что на ее могиле выросли цветы „Марьины коренья“.

Typha latifolia L. палочник и T. angustifolia L. Эти травы телеуты (теленгиты) воспевают и восхваляют в своих песнях (с. Челухойское Кузн. у.).

Народные названия растений, упоминаемых в тексте работы.

Achillea Millefolium L. Белый девятильник. Т; грыжна трава. Ч; девятильник. К. М.; дристунка. Т; женская (с красными цветами), мужичья (с белыми цветами) Б; Польскà полынь. Кз. К; порезка, резунка. Б; Стародубка. М; солонешная трава; тысячелистка. Т; травяной ладан К.

Aconitum volubile Pall. Борец. Тм; вьюнка К; ветренничек. М; плетень Ч; самсончик. М; сердцева трава Т; филичева трава Ч.

Adenophora liliifolia Ledb. Девятильник К; колокольник, колокольчик К. Т; полевая редька Т; плакун Т; синенький цветок К.

Androsaceseptent rionalis L. Горланка, горлянка (В. Уймон) Т; игловатка М; золотая травочка К; семигрыжная трава М; сердцева трава К.

Angelica sylvestris L. Дигиль Б. Т; дидель Б; дудилка К; дягильник Т; дягиль М; жаровая пучка, купырь М; пикан Т; пучка М. Т; русянка Б. К; русалейка М; русская пучка К; свинячья пучка Т; собачья пучка К.

Antennaria dioica Gärtn. Горлянка, грыжная трава Ч; пушок К; сорокопытник Ч; сорокопритка М; Христова подстилка К.

Artemisia Sieversiana W. Ild. Полынка, полынь К.

Artemisia vulgaris L. Горькая трава Т; конек Ч; полыночка Б; полынка, полынь К. Т; полынка черная Б; чернобыль Т, М: чернобылка Ч.; чернобыльник К, М, Т.

Buphleurum aureum Fisch. Василиска, дикая капустка, желтоцветка, желтые цветы, желтая трава, живулька Т; заячья пучка Б; заячья капуста, изгон, капустник К; козье молоко, кукушечье молоко, молосник М; молосная трава К; осиновая трава, русалка Т; светова трава, сорокоприточная трава К; чистотел Тм.

Calamagrostis epygejos Roth. Аржанешник К; камышек, камышина Т; пырей Ч; резун К, Т.

Caitha palustris L. Купавник Ч; лягушачья трава К, М, Ч; лягушечий цвет К; лягушечьи цветы М, Т; лягушник М; лягушатник Ч.

Carlina vulgaris L. Колкая трава Т; колючка К, Т; переполошник Т; полевой или польской чертополох К. М; чертополох Б, К, Т; чертогон К.

Chrysanthemum Sibiricum Fisch. Двенадцатигрыжная трава К, Тм; змейка, каменный рассыпец (ростет на россыпях) Б; петров крест М; полынка Т; трава от 12-ти грыж Тм; уразная трава К.

Centaurea Scabiosa L. Балобольник, вторая осоть, горькая трава К, Т; комочка, осот К; паровица Т; тайнишная трава, татарник М; шелабольник Т; шишобарник М.

Cirsinum heterophyllum All..Белолистка М; дедовник, женский переполох М; забызга К; зеленчук Ч; колючка Б; коровник, мать-мачеха Т; осот, осоть К, Т, Ч; полевой репей, хоробрик, чертополох К.

Delphinium elatum L. Конская филичева трава, лазорь М; обуточки К; омег М; прикрыт К; синецветка М; синий омег К; тараканья трава М.

Dianthus superbus L. Гвоздика К; гвоздичка Т; сонница М; сорочья травка К; татарское мыло Т.

Dracocephalum nutans L. Бабья трава, душничка, душница К: расходень М; сердцева трава К.

Dryopteris spinulosa O. Ktze. Папертник Т.

Geranium pratense L. Грабельцы К, М, Т; грибки, грабли, егорьево копье М; колокольчики К; Марья-голендуха Б; мухоморка Т; раковые шейки Тм; сон-трава, старостник Т; тайник К.

G. pseudo-sibiricum I. Mey. Грабельцы, грабли М; трава от колотья Т; тайник, тайнишная трава К.

G. sylvaticum L. Расперстница Т; тайник, трава от колотья К; усовна трава Ч.

Gymnadenia conopsea R. Br. Ладошка М; мужская трава К; пятилапка Т, К; расперстница К; чертова ручка М.

Hypericum perforatum L. Выгон-трава К; дробь-трава, железняк М; зверобой Т (часто).

Inula salicina L. Бараний цвет Ч; веретельник Б; горькая трава М; желтый осот, костовник К; красная дудка Ч; рыбка, храпунец М; череда полевая Т; чернотрава.

Lathyrus tuberosus L. Вязиль, вязилка, гороховник К.

Orchis maculata L. Женская трава К, Т; кукушечья трава Ч; кукушкины слезы, месячная трава К; михерка Т; пятилапка К, Т; пятипалка, пятипалая Ч; расперстница К.

Origamm vulgare L. Блошница К; душица К, Тм; душмянка К; душничка Т; душница Б, К; душник К; мята М. К. Кз; полевая душица Т; полевая мята К.

Paeonia anomala L. Аллилея М; марьины коренья. Алтай, К; Марьин корень М; Марьины корешки Ч, М.

Pedicularis uncinata Steph. Выпашная трава Т; гнездова шишка. Егорьево копье М; желтый омег, желтая трава К; желтый цветок; мухоморник М; свеча К; святой папортник М („корень его—как воскова свеча". Зыряновское, М).

Phlomis tuberosa L. Бабочки М; богов бадажек, божьи бадажки, божий бадажек К; гранашнок, гранатка М; гранатинка К; жабрей К, Т: жерновцы Б; золотушная трава Т; мышья репка. Б. К., полевой жабрей, пострельная трава Т; свинка М; Христов бадажек К; хлебинка М.

Platanthera bifolia Rich. Кукушечья трава, мужская трава, гульная трава Ч; медвежья лапка, мухоморник М.

Polygonatum officinale All. Воронья трава М, Ч; воронешник, заячья капуста М; сорочья ягода Б, К, Т.

Populus tremula L. Осина (повсеместно).

Potentilla anserina L. Золотнишная трава, тайнишная трава К.

Pulmonaria molissima Kerner. Бархатник Б, К, М, Т; бархатинка К, Т, Ч; бархатной листок К; барховник Ч; Дунька-медунка—сладкий цветок К; живика Т; кровянка Ч; медунишник Б, К; медуника М. Т; медунка М, К; медуношник К; медуница М; медуношной лист Т; плисова трава М; суконка, шемела Т; шубник Б, К; шумник М, Т. Уймон.

Scrophularia nodosa L. Петров крест К.

Tanacetum vulgare L. Девятильник К, М, Т, Ч; девясил Т; душистая травка Ч; желтуница К; желтый девятильник, желты пуговки Ч, золоты головочки К; пуговник Ч; порезка М; пуговошник Ч; рябинка, рябинник Т; шумова трава М.

Trollius asiaticus L. Алый цвет, алы цветы Б, М; бубенчики, жаркой цветок К, Т; крутожелтник К; лазоревы цветки Тм; огонек К, М, Ч; огонечки Б, Т. Алтай; огоньки Б, М, Ч; прикрытник М; руда-желтник, рута-желты цветы К; сурепка М; троицкий цветок Ч.

Urtica dioica L. Крапива; стрекала правдивая (перес. из Ковенск. губ., посел. Бурсовский) М.

U. urens L. Жгучая крапива, жигучка Т; мелкая крапивка К.

Veronica Tencrium L. Синий цветок М; собачки, тайнишная трава К.

Verbascum nigrum L. Плакун трава, проходница Тм.

Vicia cracca L. Визилька К, Ч: гороховник М, Ч; горох, журавлиный горох Ч; мыший горох К, Ч; стручечник Ч; трава-тягун Т.

Тифлис, 15 апреля 1927 г.

Обозначения сокращений.

Б—Барнаульск. уезд.

К—Кузнецкий у.

Кз—г. Кузнецк.

М—Мариинский у.

Т—Томский у.

Ч—Низовья Чулыма в пределах Томского у.

Все селения, указанные в работе, входят в пределы уездов: Барнаульского, Кузнецкого, Мариинского и Томского.

Марк Азадовский.

А. А. Макаренко.

К сорокалетию научно-общественной деятельности.

1887—1927.

В 1887 году в „Восточном Обозрении“ появилась корреспонденция из Енисейской губернии о самосуде в с. Ужур. Попутно, в ней затрагивался и освещался ряд других аналогичных фактов деревенского быта: произвол сельских властей, отсутствие правосудия и т. п. Статья твердо называла имена темных деятелей и требовала общественного вмешательства и справедливого суда. Эта яркая, сразу обратившая на себя внимание сибирской общественности, корреспонденция была без подписи; теперь мы знаем ее автора: она принадлежала политическому ссыльному, Алексею Алексеевичу Макаренко, и явилась, таким образом, начальным моментом общественной и научной работы его в Сибири[1]

Недавно Ленинградские научные организации отпраздновали тридцатилетний юбилей научной деятельности А. А. Отправной датой явился 1896 год—год появления в „Живой Старине“ первых очерков его по этнографии. Этой же датой руководилось „Русское Географическое Общество“, присудив ему в 1926 году золотую медаль за тридцатилетние этнографические труды. Это, конечно, так,—но мы, сибирские краеведы, должны считать несколько иначе. Для нас начальным пунктом работы А. А. должен явиться не 1896, а 1887 год—год первого его выступления в сибирской печати,—тем более, что для А. А. Макаренко эта публицистическая сторона была отнюдь не случайной,—но органически связанной со всей его научной работой и, вообще, со всей личностью этого крупного исследователя и общественника. В связи с этим, нам хотелось

---

[1] Корреспонденции А. А. Макаренко, кстати сказать, выходили далеко за пределы местного значения. На них обращали внимание и в центре: в очерках Глеба Успенского, посвященных Сибири и переселенцам „Поездка к переселенцам“ (1888) перепечатано почти целиком несколько корреспонденций из Ужура А. А. М—о.

бы напомнить читателям некоторые основные моменты жизни и деятельности А. А. Макаренко—деятеля, которому так много обязано сибирское краеведение.

* *
*

А. А. Макаренко принадлежит к той блестящей плеяде наших этнографов, которых иногда шутливо называют „подневольными“,—этнографов, ставших таковыми благодаря тюрьме, ссылке, изгнанию... Этот список „подневольных“ ученых не мал и вместе с тем он является украшением нашей этнографической науки: Штернберг, Клеменц, Иохельсон, Пекарский, Ионов, Швецов, Богораз, Майнов, Трощанский, Ястремский и многие другие. Заметное место в этом ряду принадлежит и А. А. Макаренке.

В 1886 году А. А. Макаренко был арестован и приговорен к ссылке в Вост. Сибирь. Тогда же он был отправлен в Ужур, Ачинского уезда, бывшей Енисейской губернии. Оттуда, через четыре года—с перерывом в год, который он провел в Красноярской тюрьме — переведен в с. Казачинское, той же губернии, но Енисейского уезда. Переведен он был „за участие в крестьянских делах“, таким образом, с самого первого момента прибытия в Сибирь начинается его тесная связь с местным населением. Об этом он сам так рассказывает в своей автобиографии: „В Ужуре с группой товарищей по ссылке устроили собственное сельское хозяйство на трудовых началах и лично выполняли все сельско-хозяйственные работы“. „Продолжая ссылку в Казачинском, свое существование поддерживал работами по найму у крестьян, будучи каменотесом, плотником, нанимаясь косить, жать, пахать и проч.“

„Однородность работы с местными крестьянами—продолжает он—открытие (в Ужуре) домашней школы, в которой мы бесплатно обучали крестьянских детей и юношей (не взирая на запрещения и угрозы наказаниями со стороны властей), свободный доступ крестьянам на наши беседы, оказываемая нами безвозмедно медицинская помощь, помощь трудом членами нашей артели малосемейным и бедным крестьянам и т. п., все это открыло нам широкий доступ в крестьянскую массу и в их жилища, облегчило пути взаимного понимания и тесного сближения. То была действительно народная школа. В ней мы, политические изгнанники, черпали полною мерою познания материального быта, духовного его творчества, его психики и чаяний“.

Таким образом, по выражению самого А. А. „волею судьбы“, он был подведен к изучению народного быта в Сибири.

И с этого времени начают появляться, одна за другой, его работы: статьи, заметки, корреспонденции по различным вопросам народного быта и народного хозяйства. Статьи и корреспонденции в „Восточном Обозрении", в „Известиях Красноярского Отдела РГО", в „Живой Старине" и др. изданиях. Вместе с тем А. А. стремится, как можно более расширить круг своих наблюдений.—и еще в ссылке совершает ряд поездок в возможных и доступных ему пределах. Так, в 1892 году, под видом „доброхотного ямщика", он посещает золотые промыслы южно-Ачинского горного округа; в 98 и 99 годах—изучает золотые промыслы в Енисейском округе. Это дает материал для изучений труда горнорабочих. В те же годы работает по расчистке порогов по Ангаре, – это дает возможность детально ознакомиться с бытом и условиями труда рыбаков [1].

Так постепенно входил А. А. Макаренко во все стороны народно-хозяйственной жизни сибирского населения.

В 1899 году он возвращается в Европейскую Россию, обосновывается („с большим трудом", как отмечается в его автобиографии) в Петербурге, и с 1902 года вступает в состав сотрудников Русского Музея, где работает и по настоящее время в Отделении Этнографии народов Сибири и Дальнего Востока.

С этой поры его научная работа идет бесперерывно. Правда, нельзя сказать, чтоб бесперебойно. За политическую демонстрацию 1902 года (3 марта), он попадает в „Кресты"; в те же „Кресты" попадает он в 1905 г. в связи с 9 января и, наконец, в 1908 г. судится за принадлежность к „Крестьянскому Союзу". Но, к счастью, эти „перебои" не нарушили основного темпа его жизни.

* *
*

Участие в общеполитической жизни страны и работа в Музее не оторвали А. А. от непосредственной связи с Сибирью. Пожалуй даже, в эти годы еще более укрепляется старая связь. Он не довольствуется только разбором старых своих материалов, но уже из Петербурга совершает ряд новых поездок в Сибирь, с каждым годом расширяя и районы и объекты своих изучений.

В 1904 году — он снова посещает ставший ему родным Енисей, к 1906 г. относится поездка к мелецким татарам, с попутным захватом и русского населения этих округов (Ачинского и Минусинского)—два следующих года посвящаются изу-

---

[1] Отсюда возникло образцовое исследование: „Промысел красной рыбы на Ангаре". СПБ. 1902 г.

чению тунгусов, живущих по Подкаменной Тунгуске; в 1910 г.— принимает участие в статистико-экономическом обследовании Амурской области. Об этой поездке он вспоминает с особым удовольствием: „В качестве статистика и этнографа — пишет он: „пришлось войти во все детали сельско-хозяйственной жизни русского населения, познакомиться с этнографией, как русских, так и китайцев этой области и собрать интересные коллекции для музея“ (Автобиография).

В 1913 году, уже на шестом десятке жизни, он объезжает вьючным способом тайгу северной части Нерчинского округа, кочует с тамошними орочонами и привозит в Музей ценнейшие коллекции. Музей отмечает эту поездку присуждением ему большой бронзовой медали имени Музея. И, наконец, последнюю поездку в Сибирь он совершает уже после революции, в 1923 году. На этот раз районом его работ является Бурято-Монгольская АССР и ее население.

Эти поздние поездки углубили и завершили развитие А. А. Макаренко, как ученого, и содействовали созданию в его лице не только крупного исследователя-этнографа, но и разностороннего сибиреведа, прекрасно ориентированного в различных сторонах жизни сибирского населения. Впрочем, об А. А. можно говорить уже не только, как о сибиреведе, но и как о сибиряке, близко принимающем к сердцу все нужды этой замечательной и заброшенной страны. Помимо прямых своих научных исследований, он чутко откликается и на различные общественные „сибирские“ вопросы: принимает участие в различных сибирских обществах и объединениях, сотрудничает в сибирской печати, поднимает сибирские вопросы в столичных изданиях и т. д. Для характеристики этой стороны деятельности А. А. стоит привести хотя бы заглавия некоторых из его статей в столичной газетной прессе: ряд статей в „Речи“ (1908) о вымирании сибирских туземных племен; статьи об эксплоатации тунгусов на Тунгуске и о тамошних торговых вакханалиях—в „Рассвете“ (1907); ряд статей о нуждах рыболовства на Оби и Енисее („Спб. Вед.“ 1903); статьи о жизни ссыльных в Туруханском крае („Речь“ 1908), о съезде сибирских „инородцев“—(в „Сиб. Вопр.“ 1911) и мн. др.

Добавим еще к этому—деятельное участие в О-ве изучения Сибири, участие в комиссиях и совещаниях, созываемых депутатами от Сибири в Государственной Думе, работу в комиссии при Русск. Географическом О-ве по составлению этнографических карт. и, что особенно следует подчеркнуть, его любовное и деятельное участие в кружках сибирской молодежи. Он был постоянным участником и любимым старшим товари-

щем и в Сибирском Научном Кружке (при Университете) и в студенческой экскурсионной комиссии.

Эта последняя работа особенна ценна и заслуживает особого признания, ибо из недр этой комиссии вышел целый ряд крупных деятелей позднейшего сибирского краеведения.

Здесь отмечены и перечислены связи и работы, главным образом, дореволюционного периода, но эта сибирская линия в жизни А. А. Макаренко захватывает и период послереволюционный. И теперь А. А.—всюду там, где идет какая бы то ни было работа на пользу и благо далекой, но родной ему, Сибири. В настоящее время А. А. является членом КИПСА, членом Якутской экспедиции, членом Совета Ленинградского Отделения О-ва изучения Урала, Сибири и Д.-Востока—наконец, он вновь принимает участие в работах сибиреведческого студенческого кружка и вновь готовит кадры сибирской молодежи для краеведческой работы.

Параллельно этому, появляются одно за другим его этнографические исследования. „Материалы по народной медицине Ужурской волости Енисейской губернии"; „Промысел красной рыбы на Ангаре"; „Сибирские песенные старины"; „Сибирский народный календарь в этнографическом отношении" и мн. др. (см. список ниже).

Все эти работы явились крупным вкладом в сибирскую этнографию. Для целого ряда проблем и вопросов они послужили краеугольными. В сущности, только с работ А. А. Макаренко и начинается настоящее, систематическое, научное изучение русской народности в Сибири. Ко времени появления первых работ А. А., сибирская этнография уже насчитывала ряд замечательных трудов и исследований, но это были почти сплошь работы, посвященные туземным племенам Сибири; русская же народность оставалась как-то в тени, не привлекая внимания исследователей.

Не будем останавливаться на причинах этого явления—к тому же об этом неоднократно уже и писалось — нам важно сейчас отметить, что только с работ А. А. М—о начинается планомерное, систематическое изучение русской народности в Сибири. Правда, фактический материал его первоначально был не широк; район наблюдений в основных работах М. ограничивается, преимущественно, одной Енисейской губ-ей, даже не губернией, а уездом, а иногда даже только небольшим уголком его (с. Ужур), но отсутствие широты с избытком компенсировалось глубиной захвата—и к тому же все основные работы его имели методологическое значение. Работа по народной медицине является не только исчерпывающим описанием, посвященным определенному району, но вместе с тем и образцо-

вым. Так, например, на основе этой работы и по программе А. А. М. возникла позже такая работа, как „Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири“ Г. С. Виноградова.

Работы М-о по народному крашенью и рыболовству считаются специалистами „образцовыми“ и до сих пор не утратившими своего значения. Программа по народному крашенью, опубликованная первоначально в 1909 году, оказалась вполне пригодной и для наших дней и дважды уже была переиздана (в сборниках „Летняя школа“ 1924; второе изд.—1925).

Самым крупным исследованием А. А. Макаренко является, конечно, его „Сибирский народный календарь“. Это совершенно исключительная работа, равной которой у нас вообще мало в сибирской этнографии, а в литературе, посвященной русскому населению Сибири, и совсем нет. Недаром эта работа была трижды премирована [1]. Автор ставил в этом исследовании как будто бы скромные задачи: дать только „монографию о сибирских праздниках и прочих календарных днях“. Такая монография, по мысли исследователя, должна была дать возможность уяснить „источник происхождения собственно сибирских народных праздников“, а вместе с тем „перебросить мост между ними и простонародным календарем русского народа Европейской России“.

Таким образом, перед автором стоял как бы узко специальный вопрос, ограниченная задача. Но для ее выполнения он привлек такое обилие материала, сумел эти праздники так вдвинуть в общий хозяйственный и духовный быт сибиряка, что получилась целая, своеобразная энциклопедия жизни русско-сибирского населения. Значение этой работы очень удачно охарактеризовано В. В. Богдановым. „В его календарном описании—пишет он—заключается как бы дневник народной жизни“. „Вслед за месяцами и числами идут дни труда, отдыха, религиозного настроения, семейных событий, крестьянских дум и размышлений, за течением времен года идут, сменяя друг друга, целые вереницы народных представлений, желаний, надежд и стремлений. Это, действительно, какая-то эпопея, которая нравится своею величавостью, архаичностью и которую хочется изучить, исследовать, как сокровищницу русской народной культуры“ [2].

Крупное значение имеют также его „Сибирские песенные старины“. В этнографической литературе, как известно, очень долго существовало мнение об отсутствии у русских сибиряков

---

[1] Географическим О-вом, Акад. Наук и Томским Университетом.
[2] Этнографич. Обозр. 1914, I—II, стр. 214.

богатых поэтических материалов. Мнение это, высказанное впервые еще в начале XIX века, нашло наиболее яркое воплощение в писаниях Ровинского и Щапова—и с тех пор стало общим местом, неоднократно повторявшимся разными исследователями. Особенно резко и решительно высказался по этому поводу С. В. Максимов в известной статье своей о сибирских великорусских песнях [1].

Эти то утверждения и заставили А. А. Макаренко приступить к систематическому обследованию поэтического богатства Сибири. Вообще, в его планы, как он неоднократно подчеркивает в предисловии, не входило специальное собирание песен. Правда, находясь в ссылке, он заучивал содержание и напевы песен, но делал это „исключительно для себя“ и из любви к пению и песне,—но знакомство со статьями Щапова и Максимова изменило планы А. А., и он приступил уже к систематическому обследованию. „Мне показалось“, пишет он в предисловии к „песенным старинам“, „что в отзывах обоих авторов по данному вопросу допущены не совсем верные толкования и обнаруживаются некоторые существенные пробелы“. „Мне показалось, что в интересах науки и сибиряков следует попытаться внести к приговорам упомянутых авторов требуемые поправки и установить более или менее правильную точку зрения на свойства сибирской поэзии и отношение к ней самих сибиряков“.

Выводы, к которым пришел собиратель, были в корне противоположны прежним воззрениям. Оказалось, что „старожилое крестьянство в Енисейской губернии обладает довольно разнотипными песнями и ими освещает многие стороны своей жизни“, что оно „имеет сильное тяготение к пению и интерес к песням“, что, наконец, „в среде старожилого крестьянства накопилось немалое количество песенной старины до былин включительно“.

Эти выводы и наблюдения, равно как и сообщенные им тексты, сыграли огромную роль в дальнейшем изучении русско-сибирского фольклора. Они поставили на очередь вполне определенную проблему, привлекли внимание исследователей к области, до сих пор систематически остававшейся вне интересов исследования, и, если теперь эти изучения, как и вообще изучения русско сибирской народности, так широко и плодотворно раздвинулись, то в этом значительная доля влияния и работ А. А. Макаренко.

---

[1] Жив. Стар. 1891, I,

* *
*

Появление статей и монографий А. А. Макаренко сразу же обратило на себя внимание специалистов и уже первый большой труд его „Материалы по народной медицине...“ был удостоен, по представлению В. И. Ламанского, малой золотой медалью Русского Географического Общества. „Труд этот“, писал в своем отзыве знаменитый славист, является „чрезвычайно тщательным и полным собранием данных по народной медицине, с правдивым описанием при этом всех народных суеверий и предрассудков“. „Обильный материал освещен ясным, гуманным взглядом, расположен стройно и систематически. Все изложение, можно сказать, художественно и, без сомнения, произведет сильное впечатление, заставив, наконец, обратить внимание и общества и государства на необходимость устройства врачебной помощи народу нашему, вообще, и сибирякам в частности“.[1]

Этот отзыв очень примечателен. В. И. Ламанский необычайно удачно, со свойственной ему проницательностью, определил основные черты всей научной работы А. А. Макаренко. Строгая добросовестность и тщательность описания, художественное изложение, гуманистическая концепция,—эти черты неизменно отличают каждую работу ученого. Исключительно любовное отношение к своему предмету и к населению, отмечает в своем позднейшем отзыве также и Д. А. Золотарев.

Можно смело сказать, не боясь преувеличений, что русский сибиряк не пользовался симпатиями и любовью исследователей. Памятна отрицательная и резкая характеристика Щапова, суровый отзыв о русских обитателях глухих таежных прогалин дал Астырев,—эти отзывы не раз потом повторялись и варьировались разными лицами по разным поводам. Даже Ядринцев и Клеменц, не смотря на их гораздо более углубленный и внимательный подход к русскому населению Сибири, до самого конца не могли освободиться от власти этих концепций, за которым стояли столь авторитетные имена.

Совсем иначе подошел к сибирскому населению А. А. Макаренко. К этому иному подходу он был прежде всего подготовлен той суровой жизненной школой, которую ему пришлось пройти с самого раннего детства.

А. А. был сыном маленького отставного чиновника. Полугодовым ребенком—в семье он был седьмым—лишился он матери. Семья его, в буквальном смысле, нищенствовала и распалась. „Каждому из нас“, рассказывает он в своей автобиографии: „довелось жить и работать в одиночку“. Ему при-

[1] Отчет РГР 1896 г. Приложения, стр. 22.

шлось испытать и жизнь бесприютного, уличного мальчишки и службу в чужих людях (в „няньках“) и тяжелую работу мальчика-служки в деревенском трактире и суровую работу подручного в кузнице.

„Было мало радостных дней“, вспоминает А. А.: „самые лучшие воспоминания того времени оставила сердобольная „шинкарка“ и добросердечный крестьянин ближайшей к Харькову[1] деревни. Эта женщина порою брала к себе в „шинок“, кормила—поила, слушала мои песенки... и укладывала спать с лаской и заботливостью матери“.

Другим воспитателем будущего этнографа был какой-то крестьянин, обязанныв отцу А. А., увезший мальчика к себе в деревню, где „годував і набюдав, мов свою дитину“ больше года.

„Вероятно“, пишет он далее в своей автобиографии: „участливое отношение упомянутой „шинкарки“ и особенно доброе дело моего благодетеля-крестьянина положили основание моим симпатиям к простому люду, к деревне и к мужику—этому деятельному, чувствующему и думающему совершенно по человечески, атому класса русского народа в его нераздельном целом“.

С другой стороны, и уличная жизнь, постоянное и тесное общение с детворой городского пролетариата привили мне демократизм. принявший впоследствии определенную форму служения на благо трудового народа, за власть и счастье которого отдал свою молодость и зрелые годы“.

В этой жизненной школе воспитался и сложился он и как ученый. Он никогда не подходил к народу, только как к объекту изучения, откуда то со стороны,—мы уже видели, в каком тесном трудовом общении с крестьянской массой жил и работал А. А. в Сибири. И, таким образом, когда ему, как и другим исследователям, приходилось сталкиваться с отрицательными и темными сторонами жизни и характера сибиряка, он не спешил со словом осуждения, не произносил приговоров,—но в окружающей обстановке стремился найти те причины и факторы, которые обусловили это т ё м н о е в быту и характере населения.

Эта тесная трудовая связь с населением дала ему возможность выработать и более широкий взгляд и более тонкое понимание народного характера, чем это можно было наблюдать у его предшественников по изучению и описанию русской народности в Сибири. Замечательно. что уже декабристы в иных красках зарисовывали общий облик сибиряка,—но это

---

[1] А. А. Макаренко родился в Харькове. 24 июня 1860 г. и принадлежит, как любит он всегда подчеркивать, к украинскому народу. И здесь, как и раньше, я цитирую его „Автобиографию“, написанную им по просьбе Вост.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва (в связи с 75 летним юбилеем Отдела) и хранящуюся в архиве последнего.

были еще слишком беглые заметки—и только в работах А. А. Макаренко образ сибиряка зарисован во весь рост, в его тяжелом труде, на фоне величественной, но суровой для населения, природы.

Щапов широкими мазками рисовал утрату сибиряками основных черт славянского характера: его подчинение культуре туземных племен, отрыв от родной почвы, утрату исконных родных преданий и т. д. и т. д. И за всем этим вставал мрачный и непривлекательный образ все более и более становящегося азиатом славянина. Иначе подходит к этой проблеме и иначе решает ее Макаренко. Он также знает те факты, о которых говорит Щапов, и также не склонен их замалчивать, но его анализ строится иным путем и иными являются выводы.

Остановимся на одном вопросе. Макаренко анализирует это самое пресловутое „осибирячение“, которое лежит в основе всех построений Щапова, и в котором он усматривал отсутствие каких-то коренных устоев. Факта „осибирячения“, не отрицает и Макаренко. Оно, несомненно, совершалось,—в течение веков русские засельники незаметно воспринимали многие черты туземной культуры; это сближение,—особенно сближение путем взаимных брачных союзов—конечно, не могло не отразиться „на внешнем и на внутреннем облике русского сибиряка, это отразилось на традициях, на нравах и обычаях, на одежде, на языке и даже на верованиях. Все это так, но это отнюдь не означает „отсутствия коренных устоев“,—наоборот, по мнению А. А. Макаренко, в этом сказалась своеобразная сила,—здесь сказалось изумительное уменье приспособиться и не быть побежденным в той совершенно исключительной борьбе с природой и окружающей обстановкой, которая пала на долю представителям славянского племени в новом крае.

„Русские насельники (ангарцы) далекого прошлого“,—пишет А. А. Макаренко в „Сибирском Народном Календаре“ сумели „сравнительно легко завладеть естественными богатствами (землями, лесами и водными угодьями и т. п.), находившимися во владении тунгусов и бурят. Но серьезные затруднения своим культурным начинаниям они встретили в условиях самой природы. Первенствующими из них являются до сих пор плохое качество земли, суровый климат, единственный путь по бурной реке и т. д. И вот—чтобы отстоять „собственное существование при наличности подобных препятствий, русским насельникам на первых порах приходилось браться за средства, испытанные задолго до их прихода сибирскими инородцами: ими перенималась отчасти техника звероловства и охоты, способы рыбной ловли в порогах и шиверах Ангары; за образцы

построек брались инородческие юрты, скотные дворы... Таким путем совершалось осибирячение русских".[1] Другими словами, перед нами—не духовная расслабленность, но могучий и здоровый жизненный инстинкт. Таков смысл „осибирячения", как он представляется по работам А. А. Макаренко.

* * *

В настоящей небольшой заметке я не предполагаю исчерпать весь тот круг вопросов и явлений, который связан с темой „А. А. Макаренко, как краевед и этнограф",—мне хотелось бы только набросать некоторые основные линии и отметить то, что мне представляется наиболее существенным и значительным в этом облике. В качестве последнего штриха, следует отметить также и писательскую манеру Макаренко.

Мне приходилось уже—правда, по другому поводу—касаться этой стороны творческой деятельности А. А. В своих „Беседах Собирателя", говоря о необходимости воспроизводить при записи сказок и тот бытовой фон, на котором развертывается жизнь сказки, и условия, при которых она рассказывается, я приводил, как раз, в качестве непревзойденного образца такой записи, запись А. А. Макаренко. „С острой наблюдательностью этнографа", писал я там: „и с чутким мастерством художника зарисовывает он обстановку, в которой рассказывал свои сказки замечательный сказитель, слепой Чима".[2] И, пожалуй, не было бы грехом еще раз воспроизвести эту блестящую, художественную страницу, но чтобы не повторяться, я остановлюсь на другом примере, может быть, не столько ярком, но зато чрезвычайном характерном для нашего автора.

В книге о „Промысле красной рыбы на Ангаре" он зарисовывает обстановку жизни приангарцев. „Повсюду горы, сплошь покрытые дремучими лесами, всплывают вершинами к небу и заслоняют даль... Береговые скалы, обнаженные, угрюмые, с причудливыми контурами и глубокими расселинами, по уступам которых сбегают нередко каскады горных ручьев, сообщают ангарским берегам удивительно своеобразный колорит дикой и величавой красоты".[3]

---

[1] А. А. Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб. 1913, стр. 8.

[2] Беседы Собирателя. Изд. 2. Ирк. 1925, стр. 95—97, а также Mark Asadowskij. Eine sibirische Märchenerzählerin. Helsingf. 1926; S. 10.

[3] „Промысел Красной Рыбы"... стр. 3.

„Созерцание этой природы, гордой недоступностью своей для человека, однако, в ч у ж е с ж и м а е т с е р д ц е за население, избравшее для себя столь неприветливую и малоудобную местность". Это, подчеркнутое мною, место чрезвычайно характерно. Оно вскрывает истоки художественного метода Макаренко и объясняет его, как писателя. Горячее и скорбное сочувствие к населению и благоговейное отношение к его труду—являются теми организующими моментами, которые руководят им, как художником и мыслителем, и которые формируют и его стиль и его мировоззрение.

Материалы к библиографии А. А. Макаренко.

I. Монографии, статьи, заметки и отзывы.

1. О красильном искусстве у русских Енис. губ. Жив. Ст. 1895, III – IV

2. Материалы по народной медицине Ужурской вол. Енис. губ. Ж-в Стар. 1897, I—IV.

3. Дурачки и убогие. Жив. Стар. 1897, I.

4. Урочливая. Жив. Стар. 1897, I.

5. Почитание огня у крестьян-сибиряков. Жив. Стар. 1897, II.

6. Новогодняя ворожба по деревням Енис. губ. Жив. Стар. 1900, III—IV.

7. Сказки (собранные А. А. Макаренко) Зап. Красн. Подотд. ВСОРГО, т. I, в. I, 1902.

8. Промысел красной рыбы на Ангаре. Изд Департ. Землед. Спб. 1902.

9. Канун по сибирским селениям. Жив. Стар. 1907, IV.

10. Сибирские песенные старины. Жив. Стар. 1907, I—IV.

11. Рецензия на Зап. Красн. Подотд. ВСОРГО, т. I, в. II. Жив. Стар. 1907, III.

12. Рецензия на Каталог Музея О-ва изучения Амурского края. Жив. Стар. 1907, III.

13. Гибель инородцев Сибири. Сиб. Вопр. 1908, № 25.

14. Захват собственности туруханских инородцев. Сиб. Вопр. 1908, № 49—52.

15. Новый сборник статей о Сибири (под всевдонимом Альтерно). Сиб. Вопр. 1908, № 33 - 34 (по поводу книги „Сибирь и ее нужды“ написана при участии Д. А. Клеменса.).

16. Опыт программы собирания сведений о народном крашенье. Жив. Стар. 1910.

17. О съезде сибирских инородцев. Сиб. Вопр. 1911, № 50—52.

18. Две сказки русского населения Енис. губ. Жив. Стар. 1912, II—IV.

19. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енис. губ. Зап. по эти. РГО, т. XXXVI, 1913.

20. Отзыв о статье Д. Ухтомского „Чукотские стрелы“ (в Еж. Р. Антр. О-ва, 1912, IV). Жив. Стар. 1913.

21. Программа по собиранию сведений о народной медицине. Сб. инстр. и программ для участников экскурский в Сибирь. Спб. 1914.

22. Отзыв о работе Г. Виноградова „Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири“. Отчет РГО, 1915.

23. Д. А. Клеменс в Этнографическом Отделе Русского Музея. Изв. ВСОРГО, т. XLV, Ирк. 1917.

24. Программа для собирания материалов по народной медицине (краткая). Сб. „Летняя Школа“, Лен. 1924

25. Программа для собирания сведений о „народном крашенье“ и его организации. Сб. „Летняя Школа“. Лен. 1924.

26. Тунгусы Сибири. Сб. „СССР и мы“. Лен. 1925

27. Манегры в коллекции Д. К. Соловьева. Изд. Этногр. Отдела Русского Музея. Л. 1926.

II. Важнейшие газетные статьи.

1. Эпизод из приисковой жизни (сказочная быль). Сиб. Газ. 1888, № 46.
2. Проект казенной эксплоатации Оби. СПБ Вед. 1903, № 30.
3. Комиссия о рыболовных рабочих Обского бассейна. СПБ. Вед. 1903, № 313.
4. Эксплоатация тунгусов на р. Катанге. Рассв. 1905, № 107.
5. Торговая вакханалия на Катанге. Рассв. 1905, № 178.
6. Вымирание сибирских инородцев. Речь, 1908, № 3.
7. Отчего вымирают наши северные инородцы. Речь, 1908, № 5.
8. Оживление края (из Красноярска). Речь, 1908, № 42.
9. К 300 летию Туруханского края. Сиб. Жизнь. 1908, № № 133—135.
10. Погоня за тунгусами. Речь, 1908, № 189.
11. Жизнь ссыльных в Туруханском крае. Речь, 1908, № 213.

В. Вегман.

Неопубликованная статья С. С. Шашкова.

21 мая 1865 г. Омске у воспитанника Сибирского Кадетского корпуса, Самсонова, найдена была рукописная прокламация „К патриотам Сибири". Власти заволновались. Была создана следственная комиссия, которая начала дело „О злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка в Сибири". По этому делу, в общежитии известному под названием „дело сибирских патриотов" или „сепаратистов", были привлечены 44 лица—большей частью цвет тогдашней молодой сибирской интеллигенции. Среди привлеченных находился и С. Шашков, которому тогда было 24 года. До приговора С. Шашков томился в Омском тюремном замке.

Просматривая случайно найденное делопроизводство следственной комиссии, мы натолкнулись на небольшую до сей поры нигде неопубликованную, статью, которую С. Шашков написал в тюрьме. Эта статья, озаглавленная „Из путевых впечатлений", не потеряла интереса и значения и поныне, как яркий исторический документ сибирских нравов недавнего прошлого.

В оригинале над заголовком рукой С. Шашкова написано „фельетон". Сама статья написана четким, вполне разборчивым почерком. Вся статья уместилась на шести листках несколько голубоватой бумаги почтового формата. Статья заканчивается следующей припиской:

М. Государь,

Валентин Федорович.

Присылаю Вам статейку для фельетона; если она будет для Вас неудобна, то будьте так добры, перешлите ее Степанову в „Будильник". Просьбою о высылке мне следующего с Вас за прежние мои три статьи гонорария, я теперь не беспокою: я уверен, что деньги уже посланы Вами, и теперь в дороге. А в деньгах я нуждаюсь до зарезу и вся надежда на Ваш гонорарий...

Ваш покорный слуга

Серафим **Шашков**.

Адресовать мне в Омск, штаб офицеру корпуса жандармов Владимиру Петровичу Рыкачеву, для передачи такому то.

Ответ на вопрос, почему статья Шашкова оказалась похороненной среди архивных дел, дает следующий документ:

Постановление.

1865 года октября 30 дня, Смотритель Омского Тюремного Замка представил сего числа в присутствие следственной комиссии, написанную содержимым в замке, бывшим студентом С.-Петербургского Университета С. Шашковым, статью в фельетон С.-Петербургских Ведомостей, под заглавием „из путевых воспоминаний".

Комиссия, прочитав статью эту, признает неудобным отсылать ее для печати, так как в ней Русские представлены с невыгодной стороны по нравственности; и, кроме того, выражена сатирическая мысль о России «что она прекрасная, хотя и слишком уж обширное государство", а это ни к чему другому нельзя отнести, как закоренелости автора—в ненависти к существующему порядку, что доказывается тем, что в пятимесячное содержание под арестом не переменил укоренившихся в нем преступных убеждений; почему *определила*: приложить означенную статью к делу, для сведения, при рассмотрении оного Начальством или судебным местом, о чем объявить Шашкову с подпискою.

Подлинник этого постановления подписали все члены следственной комиссии.

Нам остается только заметить, что мы статью С. Шашкова приводим по оригиналу без всяких исправлений, изменяем только орфографию.

Что касается несоответствия дат (Шашков отмечает свою статью числом „1 ноября", а постановление носит дату „30 октября"), то по всей вероятности ошибку сделал С. Шашков, что в тюрьме, вследствие однообразия тюремной жизни, часто случается с арестованными.

С. С. Шашков.

Из путевых воспоминаний.

В ряду городов, отличающихся особенною разухабитостью нравов, одно из первых мест принадлежит Кяхте. Но никогда кяхтинская жизнь не разыгрывается так привольно, как в половине февраля, когда май-мачинские китайцы справляют свой национальный праздник Белого Месяца. На языке кяхтинских россиян этот праздник носит название *пропуска*. Прежде, до последних трактатов с Китаем, доступ в Маймачен был затруднен для русских разными формальностями, а во время Белого Месяца все русские беспрепятственно *пропускались* в гости к китайцам и там *пропускали* в свою утробу столько водки, сколько утроба принять могла.

В прошлом годе мне случилось быть в Кяхте во время пропуска. С раннего утра густые толпы народа валили в Маймачен из Кяхты, Троицкосавска и окрестных деревень. Телеги, наполненные бабами и ребятишками, монголы верхом на лошадях, старики на костылях, мещане в халатах, длинные дроги с дамами—все это двигалось на пропуск. Я с одним знакомым отправился туда часов в шесть вечера. Перешедши нейтральную полосу земли, отделяющую Кяхту от китайского города, мы увидели громадную толпу россиян, стоявшую перед воротами Маймачена. Толпа шумела и волновалась. Русские, видите ли, что то уж больно нашумели в Маймачене и китайское начальство, по соглашению с русским велело запереть городские ворота и не пускать больше русских. Кто то из толпы вел сквозь ворота переговоры с китайским часовым, умоляя его отворить ворота, обещая на водку.

— Отворить нечем, ключи в полиции,—отвечал часовой по монгольски.

— Ну, так сходи за ними в полицию!

— В полиции теперь никого нет, все гуляют.

— Да оставьте, господа, эту поганую тварь, ведь не столкуете с ним! Вот лучше попробуем, нельзя ли под ворота пролесть.

И говоривший это мещанин полез в подворотное отверстие, но к немалой потехе публики увяз; кое как выперли его назад за ноги.

— Да и то в самом деле снять!—и супруг, сняв со своей супруги шубу, выругал, как следует, подругу своей жизни и отправился в Кяхту.

Вся дорога от Маймачена до Кяхты так же, как и улицы Маймачена, была усеяна мертвецки пьяными обывателями. Когда мы вошли в Кяхту, на полицейской каланче пробило полночь; отворились ворота пожарного депо и из них выехала длинная вереница телег и пожарных дрог с полицейскими служителями. Эта процессия отправилась в Маймачен подбирать бездыханное трупы россиян; „пропуск“ всегда кончается так; кучки пьяных свозятся в пожарное депо и здесь приводятся в чувства посредством холодной воды, смазывания известных частей тела смолой и других подобных средств.

Да не подумает наивный читатель, что такое гомерическое пьянство составляет особенность кяхтинского и троицкосавского населения. Такие гомерические попойки встречаются во многих местах нашего прекрасного и обширного отечества. Мне случалось видеть две таких попойки в Иркутске в 1858 году, первую—в праздник по случаю взятия Амура, а вторую в праздник коронации 26 августа. В оба эти дня на площади делалось даровое угощение народа, состоявшее из нескольких сороковых бочек водки. Невозможно описать той жадности, с какою бросались иркутские обыватели на это угощение. К бочкам были приставлены виночерпии, которые должны были ковшами напоять поочередно жаждующие души; но лишь только открыты были бочки, толпа живо оттеснила этих виночерпиев и начала сама распоряжаться драгоценною влагою. Около бочек настала страшная суматоха: обыватели толкались, обыватели ругались, обыватели дрались; каждому хотелось поскорее приступить к бочке. Тут были и солдаты, и нищие, кучера, и стряпки, и дьячки и даже довольное число кокард. Ковш был только один при каждой бочке, но этим обыватели не затруднялись: они черпали водку принесенною из дома посудой, черпали фуражками, шапками, пригоршнями...

Часа через два после своего начала эта оргия кончилась. Вся обширная площадь и идущие от нея во все стороны улицы были запружены пьяными, большая часть которых лежала совершенно без чувств и только какая нибудь десятая доля показывала признаки жизни. Полицейские телеги разъезжали по улицам и подбирали трупы, при этом на одну телегу накладывали целый воз трупов, и, чтобы они не разсыпались, обвязывали эту кучу веревками. Пьяных оказалось так много, что не успели со всеми с ними отводиться и изрядное количество их отправилось на тот свет.

Такое ужасающее пьянство вовсе не редкость в Сибири. Прежде, в разгар золотопромышленности, в Енисейске и в Красноярске пьянствовали больше, чем Кяхта во время пропуска; ныне она пьянствует меньше, но зато тысячи приисковых рабочих учиняют такие попойки, перед которыми кяхтинский пропуск—ничто! В южных частях западной Сибири, в станицах казачьего войска, пьянство проявляется в самом отвратительном виде. Во время попоек вы здесь можете видеть совершенно нагих мужчин, пляшущих на улице среди белого дня, в кругу женщин и девушек. Последние не отстают от своих мужей, отцов и братьев, и тоже пьянствуют. Очевидец рассказывает об одной казачке, что она пропилась до нитки и для приобретения денег на водку откинула следующий циничеческий фарс: опалила себе vulvam и пошла собирать по станице *на погорелое место*! В Томске зимою также идет большое пьянство, и пьяные обыватели учиняют обыкновенно кулачный бой, *войнишку*, по местному названию. В прошлую зиму я имел удовольствие присутствовать на такой войнишке и умилился до слез, видя, как живет в нас мощный дух славян-праотцев. И это умиление я чувствовал постоянно в своих разъездах по моему прекрасному, хоть и слишком уж обширному—отечеству. От Урала до границы Китая я видел тебя, о родина, и удивлялся несметному количеству твоих кабаков, которых в тебе так много, как звезд на небе. Я видел большие деревни, имеющие кабаков 30—40—50, я видел маленькие починки дома в три, между которыми красуется кабак. Даже посреди Байкала, на льду каждую зиму строится кабак. И. пародируя одну фразу историка Сибири, Словцова, мы имеем полное основание сказать, что если бы сибиряки могли, то самый воздух наполнили бы водочными продажами. А славянофилы все еще плачут о том, что Россия гибнет от гнойной заразы цивилизации растленного запада; относительно Сибири могу заверить славянофилов, что такой опасности от гнойной болезни вовсе не предвидится: спирт, который в таком изобилии наполняет Сибирь—отличное средство против гниения!

1865 г. 1 ноября.

Н. Е. Ончуков.

П. А. Городцов.

(Западно-сибирский этнограф).

Летом 1926 г. будучи в Свердловске, я был приглашен А. Р. Шульц в гор. Тюмень ознакомиться в архиве местного музея с материалами по фольклору, оставшимися после смерти тюменского присяжного поверенного, П. А. Городцова и определить их научную значимость. Поехав в Тюмень с большой дозой скепсиса и намереваясь пробыть в Тюмени день, познакомившись с содержимым нескольких ящиков шкафа, где хранились записи Городцова, я прожил в Тюмени неделю и теперь считаю долгом познакомить ученый мир хотя бы в общих чертах с тем, что сделал для этнографии этот „чиновник", сначала министерства юстиции и внутренних дел, а потом присяжный поверенный сибирского уездного города. Обратясь к детям Городцова в Тюмени, а также к брату покойного московскому профессору, В. А. Городцову, я получил кой-какие данные, чтобы написать эти несколько строк о незаметном труженике науки, вполне заслужившем большее к себе внимание и память.

Петр Алексеевич Городцов родился около 1865 г. (точно года рождения своего брата не помнит и проф. В. А. Городцов) в селе Дубровичах, Рязанского уезда и губернии, где отец его был дьяконом в местной церкви. Когда Петруше Городцову было около пяти лет, (в 1869 г.) умерла его мать, оставив на руках отца и старшей своей дочери Анны шесть человек детей. Анна Алексеевна Городцова, имея всего 16 лет от роду, но помня заветы умиравшей матери „не бросать семьи", повела всю эту большую семью и домашнее хозяйство с таким усердием и самоотвержением, что являлась для младших сестер и братьев как бы второй матерью. Немного помогала еще вторая дочь покойной, Елена Алексеевна, которой было всего 12 лет. На попечении этих девиц-подростков оставались еще три брата и младшая сестра: старшему брату Василию было 9 лет, второму Николаю 7, а младшему Петру 5 (?) и самой младшей сестре, Марии, 3 года. Главной заботой дьякона Городцова и его старшей дочери Анны было образование мальчиков. В 1870 году старший сын Василий был отдан в Рязанское духовное учи-

лище, а в 1875 г. туда же был помещен и Петр. Средний мальчик Николай остался с домашним образованием. К приемным экзаменам Петрушу Городцова готовил старший брат, и он сдал благополучно экзамены, по успешности под № 6-м. В это время с ним, как с кротким и застенчивым мальчиком, случился казус, который при неблагоприятных условиях мог отразиться на всю его остальную жизнь. После экзаменов инспектор ввел всех державших приемные экзамены в класс для размещения их на партах по успешности. Когда был вызван „Городцов" и Петруша пошел было занять свое место, его обогнал другой мальчик и сел на шестое место, заявив инспектору, что его фамилья Воронцов. Инспектор исправил фамилью в списке и продолжал размещать остальных. Заполнив парты, остальным мальчикам инспектор объявил. что они не приняты. В числе непринятых оказался и Петруша Городцов. С трудом восстановили потом истину, и Городцов все же попал в духовное училище. В духовном училище П. А. Городцов учился очень хорошо, находясь все время под руководством своего старшего брата, бывшего уже в семинарии. В течении пяти лет, проведенных П. А. Городцовым в семинарии, он учился уже самостоятельно.

В 1883 году, под влиянием старшего брата, П. А. Городцов решил выйти из духовного сословия и поступить в Демидовский юридический лицей в Ярославле, при чем старший брат взял на себя обязанность содержать П. А. до окончания курса в лицее. В лицей экзамены П. А. выдержал отлично. Все время пребывания в лицее П. А. был на содержании старшего брата, который, получая 53 рубля, 20 из них ежемесячно посылал брату-лицеисту. Несмотря на жертву брата, жить П. А. в Ярославле приходилось туго, часто он испытывал большую нужду, жил в холодных квартирах, недоедал и за эти годы сильно подорвал свое здоровье. При окончании курса ему предложено было остаться при лицее, но он не согласился и, уехав в Рязань к старшему брату, почти год бесплатно занимался при Рязанском окружном суде.

В это же время П. А. Городцов начал делать и свои первые шаги в научной работе. В это время старший брат его, у которого он жил, В. А. Городцов, в будущем профессор, занимался исследованием неолитических стоянок долины реки Оки, в пределах Рязанской губ. Работы брата интересовали П. А., и он несколько раз принимал участие в его археологических экскурсиях. Так братьями Городцовыми совместно были обследованы богатые дюнные стоянки в окрестностях сел Борки, Тумашево и Алеканово, за что П. А. был избран действительным членом Рязанской Ученой Архивной Комиссии, где старший брат его был секретарем Археологического Отделе-

ния. Позже П. А. Городцов служил в одном из уездных городков Рязанской губ., затем уехал в Сибирь, в Тобольскую губ., где получил место крестьянского начальника и судебного следователя. В Сибири он жил вначале в получившем громкую известность при Николае II-м селе Покровском, Тюменского уезда, где ему пришлось, между прочим, судить за конокрадство местного крестьянина, знаменитого потом, Григория Распутина, которого П. А. приговорил к тюремному заключению на короткий срок. Потом за вторую кражу (сена на лугу) П. А. отправил Распутина в Тобольский окружный суд. Последний, за слабостью улик, Распутина оправдал. Но когда Распутин вернулся в Покровское, крестьяне так были озлоблены на него, что пригрозили ему самосудом, что, по мнению П. А. Городцова, и было причиной бегства Распутина в Петербург, где он и нашел свой первый приют у своей одной землячки, жившей прислугой у какой-то графини, а потом нашел и свое головокружительное, чисто сказочное, счастье при царском дворе.

Из с. Покровского П. А. Городцов потом перешел в село Антропово по реке Тоболу, в котором и прожил несколько лет. Живя среди народа, наблюдательный П. А. Городцов, сравнивая быт сибирских крестьян и крестьянок средней России, не мог не заинтересоваться бытом и фольклором Тавдинского края. И он стал наблюдать, записывать, втянулся в это дело, увлекся, головой ушел в него сам, и привлекал, и увлекал заниматься записями других. Но на этом пути увлечения изучением народа, среди которого жил и работал в то время еще только „чиновник" - Городцов, он встретил совершенно неожиданные препоны со стороны тех, от кого должен был бы, казалось, видеть одно только поощрение. О записях чиновника Городцова стало известно тобольскому губернатору Гондатти, который заподозрил в работе Городцова противоправительственную пропаганду, вызвал Городцова в Тобольск и резко потребовал от него „прекратить якшаться со сказителями", что, по его мнению, „непозволительно для крестьянского начальника". П. А. решительно отказался подчиниться губернаторскому требованию и вышел в отставку. Любопытнее всего в этой истории то, что сам то Гондатти—этнограф, далеко небезызвестный. П. А. переехал в Тюмень, занялся адвокатурой и, пользуясь многолетними связями с сибирской деревней, страстно занялся собирательством. Для записей сказок, песен, описания обрядов и пр. П. А. приглашал иногда из очень отдаленных селений крестьян, содержал их в городе на свой счет и целыми днями под их диктовку записывал и записывал, иногда до полного изнеможения, до опухоли в руке. В 1904 г. П. А. Городцов съездил в Москву к брату, проф. В. А. Городцову, за-

нимавшему тогда должность хранителя Исторического музея. П. А. прожил в Москве 4 месяца, работая в библиотеках. И тогда еще проф. Городцов советовал печатать П. А-чу свои собрания по фольклору, но П. А. все не решался. В 1914 г. В. А. Городцов, совершая археологическую экскурсию по музеям России и Западной Сибири, посетил П. А. в Тюмени, ознакомился с его собраниями и снова советовал начать печатать. Для образца В. А. Городцов взял несколько тетрадей с записями в Москву, в надежде пристроить их в „Этнографическом Обозрении". Москвичи—ученые однако работами П. А. не заинтересовались и в „Этн. Обозр." П. А. не дали места, за исключением двух небольших заметок. В эти годы все-же ему удалось кой-что напечатать в тобольских и в общих сибирских изданиях.

16 июля 1919 года П. А. Городцев скончался. успев напечатать при жизни только незначительную часть собранного им обширного и очень ценного материала.

Мне удалось составить список того, что успел напечатать П. А. Вот этот список:

1) „Азан—юрты". Западно-сибирская легенда. Вариант легенды об основании Карфагена царицей Юноной. „Этногр. Обозр.", июнь, 1905 г., стр. 108—112.

2) „Западно-Сибирская легенда о творении мира и борьбе духов". „Этногр. Обозр.", кн. 90, стр. 1—14.

3) „Мамонт". Западно-сибирское сказание. „Ежегодник Тобольского музея", вып. XVIII.

4) „Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда". „Ежегодн. Тобольского музея", за 1905 г., вып. XVI.

5) „Два гаданья у крестьян Тюменского уезда: а) на бобах и б) гаданье на ростани". „Записки" З.-Сибирск. Рус. Геогр. Об-ва, т. XXXVIII, 1916 г.

6) „Народный эпос": две сказки — „Федор Бурмакин" и „Бор Барма". Газета „Вестн. Зап. Сибири", приб. 1914—15 г., № неизвестен мне.

7) „Сибирская язва". „Записки Общества изучения Тюменского края", вып. I. 1924 г. Эта статья напечатана уже по смерти ее автора. Она очень ценна по собранным в ней материалам.

Вот и все, что напечатано из больших материалов, собранных трудолюбивым П. А. Городцовым. Что касается материалов, оставшихся ненапечатанными. то вот что мне удалось увидеть в архиве О-ва изучения Тюменского края.

1) Почти приготовленный к печати сборник сказок, 85 №№, записанных в селениях по р. Тавде в 1906—8 г. г. Перечень этих сказок напечатан мной в издании Р. Географ. О-ва „Сказочная комиссия в 1926 г.".

2) „Народная медицина", книга в лист на 54 стр., 1906 г.

3) „Этнография“, тетрадь в лист, содержит записи поверий, обрядов, о падающих звездах, о кладах и пр., занимает 132 страницы.

4) Народная речь. Опыт научного исследования. Материалы для словаря местного говора.

5) Заговоры. Свои записи заговоров и присылки от сотрудников—народн. учителей и пр.

6) Сборник пословиц, поговорок и загадок.

7) Староверческие стихи—11 стихов.

8) Описание детских игр.

9) Шутки и прибаутки. Народные анекдоты и пр.

10) Гербарий утилитарных растений Зап. Сибири. 139 растений, тетрадь на 139 стр.

11) Рассказы про лешего.

12) Обычаи при отжинке.

13) Свадебный обычай „качать“.

14) Описание свадебного обряда в селе Зырянском Тюменск у., запись одного из сотрудников Городцова А. С. Аржиловского.

15) Обширная переписка Городцова с его сотрудниками: Аржиловским и мн. другими, интересная, как для определения методов работа Городцова и всех его сотрудников, так и вообще для истории этнографии Сибири.

Я не буду здесь входить в подробную оценку работ П. А. Городцова. Будучи юристом по образованию, и всю жизнь служа сначала чиновником на судебных должностях, а под конец жизни занимаясь адвокатурой, П. А. не успел овладеть новыми методами этнографии и фольклора, и его мысли о той и другом порой старомодны, а записи не всегда отвечают научным требованиям нашего времени. Но его глубокий интерес к народу и его быту, его упорная многолетняя работа по собиранию устного творчества заслуживают глубокого признания. Собранные им материалы представляют большую ценность, и долг Тюменского и Тобольского ученых обществ озаботиться скорейшей обработкой и печатанием оставшихся после П. А. Городцова материалов. Имя Петра Алексеевича Городцова, не сибирского уроженца, но прожившего и проработавшего в Сибири всю свою жизнь, должно занять подобающее место в ряду крупных сибирских этнографов.

17 июня 1927
Ленинград.

В. И. Подгорбунский.

Заметки по изучению гончарства якутов.

(Доклад, прочитанный в заседании Биолог.-Географического Научно-Исследовательского Института при Государственном Иркутском Университете).

Публикуемый автором, материал по гончарству собран во время его трех поездок в пределы Якутии в 1917, 1919 и 1925 году в районе Баягантайского, Намского и Сунтарского улусов[1]. Приступая к изложению сделанных записей, приходится констатировать малую изученность гончарства якутов, ибо сведения об нем мы находим только в работах Р. Маака[2], В. Серошевского[3]. Помимо указанных лиц, обследованием гончарства занимался еще участник Сибиряковской экспедиции Вост. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва В. В. Ливадин, но к сожалению собранные им материалы еще не опубликованы и хранятся в архиве ВСОРГО.

Наконец, в самое последнее время сведения по данному вопросу мы находим в работах проф. Б. Э. Петри[4], и археолога Е. Д. Стрелова[5]. Констатируя малую изученность гончарства якутов, приходится отметить что изучение его имеет особый интерес не только для этнографии, но и для археологии:

1. ибо сама форма горшков якутов, их качества и орнамент совпадают в значительной мере с таковыми же глиняных изделий доисторического человека, древне железного века Иркутской губернии и Забайкалья и 2. изучение современного гончарства может пролить некоторый свет на познание техники керамического производства доисторических времен Сибири.

В качестве материала якутским гончаром употребляется глина (tyoi), часто добываемая вблизи от пункта, изготовления горшка.

В некоторых районах существуют излюбленные места для добычи последней. Так, в Татинском улусе, по данным М. Н. Ионовой, особенно славится месторождение глины зеленоватого цвета на горе Тати.

По данным Серошевского[6], копают глину неглубоко, на глубину не более двух, трех аршин. „В 1890 году, пишет он, я посетил такие разработки глины в Хатынгаринском наслеге,

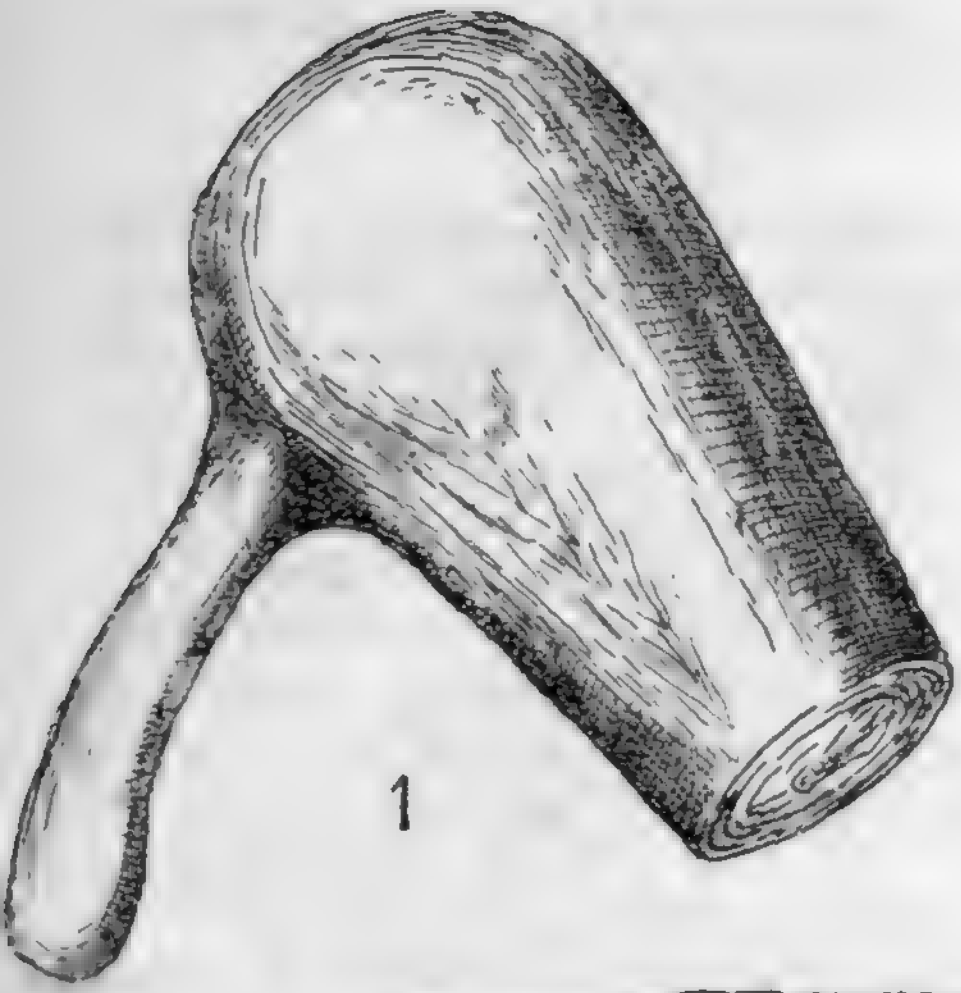
Намского улуса. Они находились верстах в 15 от улусной управы, на северо-запад, в вершине небольшой пади... Залежи, слывущие в околодке хорошим качеством глины, представляли невысокие волдыревидные бугры у подножья горного ската. Разработка состояла в том, что желающий достать глину сбрасывал сверху незначительный слой почвы и выбирал из дна ямы и стенок нужное ему количество материала. Таким образом яма внутри земли расширялась, пока ее земляная крыша не выдерживала тяжести и не обрушивалась вниз. Тогда переходили к следующему бугру. Я видел многие выработанные ямы и несколько новых. В одной из них при мне, как раз работал якут. Он с трудом вытаскивал из глубины ямы куски в 10—15 фунтов вязкой, темной, почти черной глины и клал их на краю отверстия. Из этих кусков вылеплива-лись кирпичи от трех до десяти фунтов весом, которые высушенные и обращались в продаже под названием туоі". Появление русской посуды в тех местностях, которые посетил автор настоящей заметки, обусловило значительное исчезновение как гончарства, так и продажи глины. Теперь обычно последняя добывается самим гончаром, кочующим иногда по домам, где нужен горшок со своим материалом и инструментом и добывающим глину, копая неглубокие ямы летом лопатой, а зимой мотыгой или топором.

У устья р. Амги на одной из возвышенностей, невдалеке от него, добывают глину зимой так: обычно в старых уже местах выработки последней раскладывают в яме костер. Когда последний погорит достаточное количество времени, оставшиеся угольа и золу выбрасывают наружу лопатой, оттаявшую глину или выскребают, или добывают чаще мотыгой, как со дна так и боков ямы.

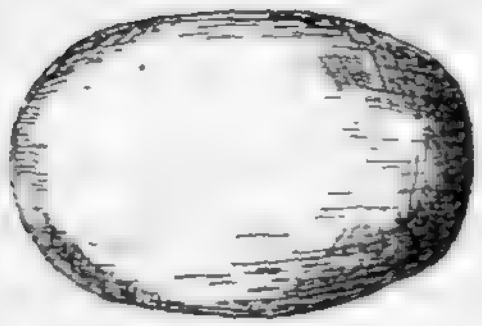
По словам якута С. Онопрова, жителя Юдюгейского улуса, Вилюйского округа, „осенью, когда земля начинает подмерзать, добывают глину, копая ямы лопатой. Выброшенную из ямы глину, лопатой сбивают в округлые куски, складывают их около нее на постланную, содранную с лиственницы кору, лежащую наружу гладкой стороной, или просто на доску. Зимой, когда нужна глина, идут к яме, где она добыта и отбивают топором нужный для работ кусок, унося его домой". Каждый гончар знает ряд способов для распознования качества глины. По цвету самой хорошей считается Ӱрӱнг туоі—белая глина, месторождения коей имеются в немногих местах. За ней следует обыкновенная и почти всюду добываемая черная глина-хара туоі.

Наконец самой скверной считается глина цвета „туннахаі,—сероватая, мутная как молоко с водой. Всюду предпочи-

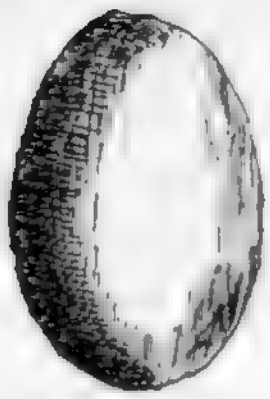
Таблица I.



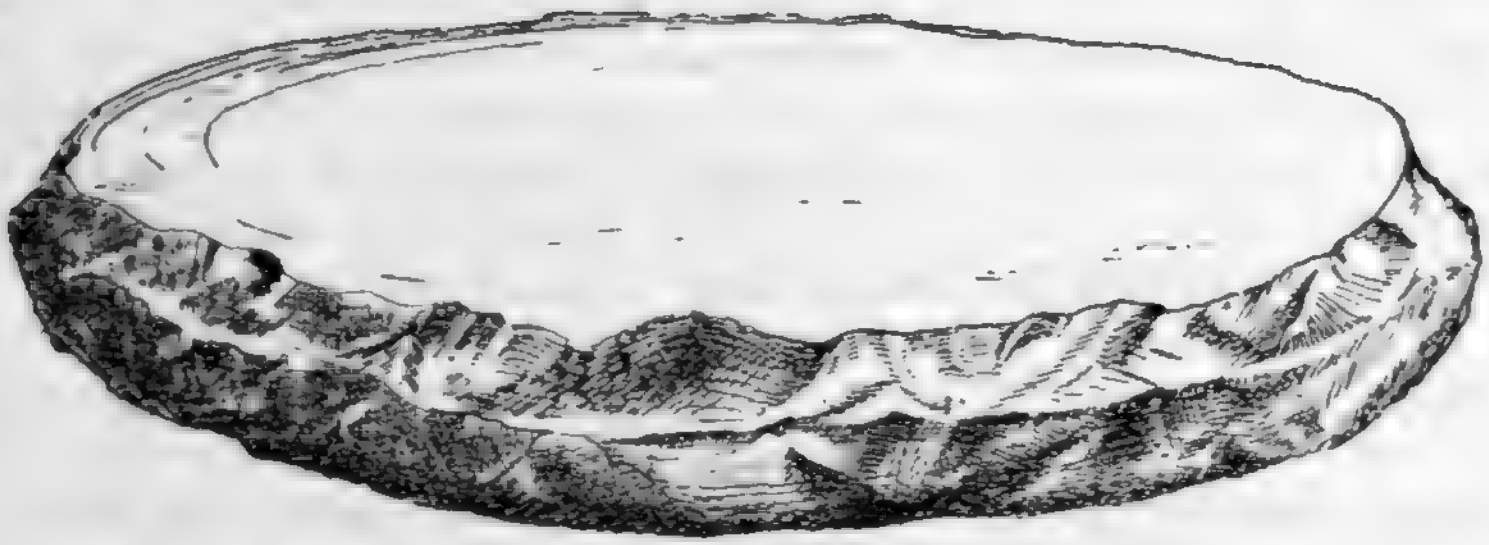
1



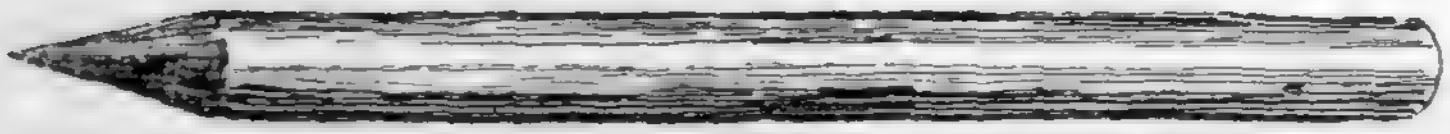
2.



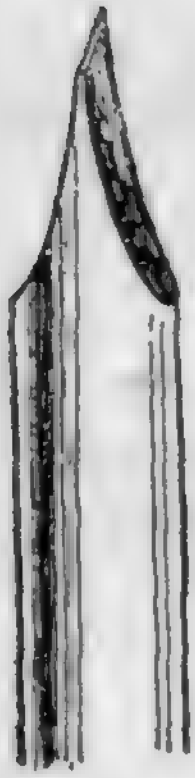
3.



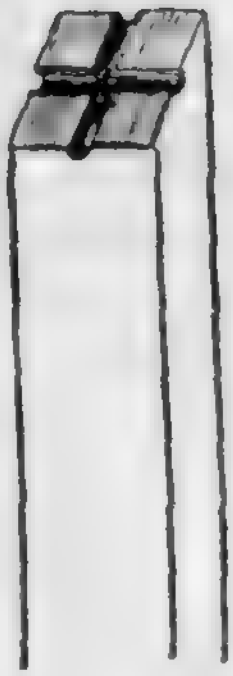
4



5



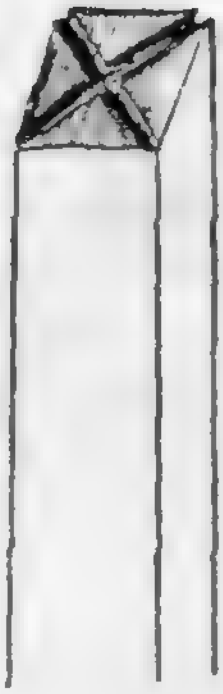
6.



7.

8.

9.



10.

11.

тается для работ липкая, жирная глина „хорошая глина на языке липнет комками, пальцами мнется хорошо, имеет хороший вкус; худая рассыпается на языке, худо мнется, к пальцам не прилипает, имеет самый плохой вкус (Намский улус горшечница Азарова).

Инструменты, употребляемые гончаром для выделки горшка, несложны: деревянный молоток чохоччу, употребляемый для разбивания глины, (табл. I, рис. 1) такая же лопатка с небольшой рукояткой (табл. II, рис. 1). округлая галька (табл. I, рис. 2 и 3), голыш мячік тас или деревянная ложка; плита песчанника тас (табл. I, рис. 4), кольцо сделанное из тальника (i) (табл. II, рис. 1).

Весь процесс изготовления горшка происходит в жилище, вдали от камелька для того, чтобы не сохла глина. Свойство жирной глины прилипать, в процессе изготовления горшка, к инструментам, неравномерная его усадка при процессе сушки. заставляют горшечников употреблять ряд примесей, отощающих материал для работ.

Из числа последних приходится отметить у якутских гончаров употребление шамота—осколков раздробленных старых горшков. Для приготовления последнего старый, обычно уже дефектный, с трещиной горшок накаливают на огне камелька до красного каления и затем. схватив его щипцами, спускают в какую либо посуду, наполненную холодной водой. Когда в последней отстанет вся грязь, толкут черепки от растрескавшегося горшка, сделавшиеся хрупкими, в деревянном корыте, или на плите песчанника, голышем округлого очертания „куйс охсор тас", превращая их в тонкий, зернистый серовато черного цвета порошок—харыадачы.

При изготовлении горшка, обычно хорошую глину смешивают на одну треть с шамотом или пополам с таковым. Так как глина, добытая заранее, хранится часто долго в сухом виде, скатанная в виде комка округлого очертания, то, перед смешиванием с шамотом, ее толкут камнем в берестянной посуде, или в деревянном корыте, раздробляя на мелкие комья. Подбавляют к ней в нужном количестве шамот и помешивают небольшой деревянной лопаткой, вначале в сухом виде; затем к сухой уже смеси подбавляют воды, иной раз часто брызгая ее на смесь изо рта, в результате этого процесса смешивания глины с шамотом получается так называемая холбоммут туоі (смешанная глина), все еще не надлежащей неоднородности по своему составу, заключающая в себе, как еще крупные зерна шамота так и комья глины.

Для того чтобы смесь сделать вполне однородной, ее бьют деревянным молотком чохоччу (см. табл. I, рис. 1), сде-

ланным из обрубка березового ствола, с отходящими от него суком, играющим роль рукоятки. Это битье глины производится иной раз в Намском улусе на плоской небольшой плите песчанника (св. таб. I, р. 4) носящей название (ällip тас.); в Батуруском улусе для этой же цели по словам М. Н. Ионовой, употребляется особое четырехугольного очертания корыто, так называемое туоі ällip мас.[10], обычно грубо сделанное из обрубка бревна, с плоским дном, снабженное двумя или одной ручками, с неглубоким углублением сверху, сходящим на нет, к узким сторонам корыта, достигающее длины около 80 ст., при ширине 30 ст.

Бьют смесь, при помощи вышеотмеченных инструментов, быстро и уверенно, чтобы смесь не просыхала и чтобы крупные зерна глины и шамота разбивались при этом.

Все время смачивают молот водой, погружая его в воду или просто проводя по его поверхности мокрой рукой, делают это для того, чтобы инструмент не прилипал к глине.

Нанося удар по куску, горшечник всегда поддерживает его сбоку смоченной в воде лопаткой, держа ее наклонно, и после каждого удара переворачивает ей расплюснутый молотом комок глины.

Когда глина после продолжительного битья стала пластичной и зерна шамота равномерно распределилась в массе ее, горшечник, постукивая по кому глины смоченной водой лопаткой, делает из него прямоугольный кирпич и разрезает его вдоль на четыре ровных куска, простым ножем обмокнутым в воду, вставляя палец в щель, чтобы отрезанные куски не слипались друг с другом.

Далее гончар берет плиту песчанника, молот и, смочивши их водой, по очереди кладет на плиту четырехугольные по своему очертанию, отрезанные ранее, как сказано выше, куски глины и бьет по ним молотом, расплющивая их. Когда пластина глины достигает надлежащей толщины, гончар берет нож, обмакивает его в воду и обрезает широкие стороны пластины так, что прежде бывшее прямоугольным очертание пластины видоизменяется в трапециевидное; а бывшие когда то равными по величине стороны пластины становятся неравными. Закончив подобную обрезку пластин, гончар закругляет ножем их тупые углы, примыкающие к узким сторонам. Этим кончается процесс заготовки материала и гончар приступает к лепке горшка. Беря круг—обруч, сделанный из тальника (і)[11] иногда обматываемый волосянной веревочкой[12], расплющивает пальцами края широких, необрезанных сторон заготовленных пластин и прикладывает их поочередно совнутри тальникового кольца так, что они выдаются над ним на 1—2 ст. загибает их

наружу и прищипывает пальцами. Проделав это, и таким образом укрепив пластины на кольце, гончар начинает соединять пластины друг с другом: наложив широкую сторону одной пластины на таковую же соседней, слепляет их края, давя пальцами снаружи внутрь, в то же время поддерживая шов изнутри пальцами левой руки. В результате получается цилиндр из слепленных друг с другом пластин, сьуженный к одному из своих концов—будущее дно горшка. Для того, чтобы получить последнее, гончар загибает под прямым углом узкие концы пластин и соединяет их друг с другом пальцами. После последней стадии процесса работы, в руках гончара находится уже горшок, конечно имеющий еще не вполне обработанные формы. Для того, чтобы сделать стенки горшка более правильным, гончар берет в левую руку обыкновенную деревянную ложку[13], наполняет ее глиной для большей тяжести, в правой таковой же держит лопатку, последней ударяет слегка по наружной стенке горшка, прижимая в момент удара ложку с внутренней стороны стенки сосуда, делает это затем, чтобы последняя не прогнулась внутрь.

Как и в предыдущих стадиях работы, инструменты смачиваются водой для того, чтобы к ним не прилипала глина. Весь упомянутый процесс формовки стенок гончар делает сидя, постлав себе на колени кусок коровьей шкуры, шерстью наружу, положив на нее боком не прилипающий к ней горшок. все время поворачивая его вокруг оси (см. табл. II, р. 1). Выровняв стенки и увеличив внутреннюю полость горшка, гончар ставит горшок, называемый в Этой стадии работ туруору, дном на обыкновенную сковороду, ножем обрезает излишек глины со дна, и начинает по нему слегка постукивать лопаткой для того, чтобы сделать его ровным и плоским. Окончив это, подправляет ударами лопатки и стенки в месте их отхода от дна, все время в момент нанесения удара поддерживая стенку извнутри ложкой[14].

Затем горшечник, поставив горшок на сковороду. ножем, смоченным водой, срезает верхнюю часть стенок, на 1,5—2 ст., удаляя таким образом тальниковое кольцо, к которому прикреплялись пластины, из которых делался горшок; далее он сначала выравнивает край горшка, постукивая по нему сверху деревянной лопаткой, а потом, нанося удары сбоку по нему, утончает его так, что в разрезе он становится треугольным.

Когда это закончено гончар, придерживая край стенки совнутри большим пальцем одной руки, делает на противоположной наружной стороне пальцами защепы, так что край горшка становится снаружи неровным[15]. Вслед за этим поставив горшок, гончар начинает делать венчик горшка. для этого берет

небольшой комок глины, скатывает вначале из него шарик, последний раскатывает вначале между ладонями, а потом рукой на плите песчанника, смоченной слегка водой, превращая его в длинный валик, круглый в разрезе; затем первоначальную форму валика видоизменяет в таковую же треугольную, постукивая по нему лопаткой.

Когда венчик готов, гончар прикладывает его снаружи, к ранее утонченному краю горшка так, что одной из своих острых граней венчик выдается наружу и затем прижимает пальцами правой руки к краю горшка, придерживая стенку изнутри последнего пальцами другой руки. Когда венчик прилеплен, гончар, придерживая стенку изнутри пальцами левой руки, одним из таковых правой проводит по внутренней стороне венчика, делая его совнутри покатым и затем весьма осторожно, делая медленные движения пальцами, как сказано ранее, отгибает венчик наружу на 1,5—2 ст. и сглаживает его пальцами так, чтобы он снаружи стал округлым. Затем, смочив ладони рук водой, слегка поглаживает ими наружную стенку горшка, сглаживая ее.

Помимо описанного способа изготовления горшка, на Алдане, у устья р. Амги, удалось отметить второй таковой же, при нем: когда смесь глины и шамота заготовлена, гончар делает из нее шар, который, похлопывая сверху деревянной лопаткой. сплющивает, затем протыкает шар круглой в разрезе палкой и раскатывает его на камне плитняке до тех пор, пока кусок не превратится в полый конус с двумя отверстиями, из которых меньшее бывает диаметром несколько более диаметра палки и расположено у вершины, большее находится на противоположном конце. Когда внутренняя полость конуса достигнет достаточной ширины и в нее можно просунуть руку мастер, как сказано ранее, держа в одной руке камень (мӓчік тас) или ложку, а в другой лопатку, наносит последней удары по наружной поверхности горшка, в результате формовки, стенки уменьшают свою толщину, устье горшка и его ширина в средней части увеличиваются, отверстие же у вершины конуса уменьшается. Затем в устье вставляют упомянутый обруч (і) и залепливают глиной, отгибая стенки горшка наружу и продолжают описанную выше формовку сосуда. Дальнейшая работа сводится к приданию формы дну, путем постукивания его лопаткой, к срезыванию обруча и укреплению венчика.

Еще не высохший горшок покрывают орнаментом; для нанесения такового употребляются т. н. оjулур мас—небольшие, палочки достигающие длины 10—15 ст. с надрезами на концах, обычно изготовляемые из березы или тальника. Иной раз место инструмента для орнаментации заменяют пальцы рук гончара или ноготь.

Все орнаменты якутских горшков можно подразделить на лепные и вдавленные.

Лепной орнамент (сурасын), обычно, опоясывает горшок у его венчика, в виде одной или нескольких полосок параллельных ему, и производится налепливанием полосок глины, каковым придается треугольное очертание в разрезе, путем проведения по двум боковым сторонам полоски смоченных водою пальцев. Крайне редко делают по полоске поперечно ей надрезы обыкновенным ножом или палочкой, сточенной лопаткой с двух сторон (см. табл. I, рис. 6). Если по бокам полоски глины встречаются небольшие ямки, полученные посредством накола глины оjулур мас, изображенной на табл. I, рис. 11, то орнамент носит названяе бытасыт хамыта (мышь ходила). Вдавленные узоры воспроизводятся или проведением по поверхности горшка линий посредством оjулур мас, оканчивающейся конусом (см. табл. I, рис. 5 и 9) или получаются посредством вдавления в глину штампов.

К первой категории орнаментов следует причислить:

1. Прямые непрерывающиеся линии, обычно опоясывающие горшок—сурасын или таковые же, но проведенные перпендикулярно венчику и собранные группами (табл. III рис. 5) торбах оjу (палец узор).

2. Орнамент в виде углов (см. табл. III, рис. 3 и 4) т. н. уроса оjу или бiй мiй оjу[16] (кобылы сосок узор.) и 3, орнамент арочный—тынгарахтах оjу-„ногтевой узор" (табл. III рис. 1 и 2).

Ко второй категории орнаментов относится ямчатый, получаемый посредством круглой прямообрезной палочки (см. табл. I, рис. 8), которой надавливают на наружную стенку горшка, состоящий из ряда круглых ямок (тӱгӱрӱк) с плоским дном, расположенных, то параллельно венчику в виде полоски, то из одного то из двух рядов ямок и носящий тогда название сурасын оjу (табл. III, рис. 6), то в виде углов или зубчатой линии—урасалар оjу.

Помимо ямчатого круглого, для якутских горшков следует отметить наличие ямчатого квадратного орнамента, наносящегося на наружную поверхность горшка прямо обрезанной четырехгранной палочкой, оставляющей на глине при надавливании ряд неглубоких четырехугольных ямочек с плоским дном, обычно опоясывающих линией горшок (см. табл. III, рис. 9) или расположенных в виде квадратов (добат оjу пешка узор. (см. табл. III, рис. 7).

Часто описанная выше палочка—штамп имеет на своей плоскости вырезанный крест, концы которого упираются в средину сторон квадрата, или отходят от его углов; при надавливании подобного штампа на глину, мы получаем ряд ямок с

плоским дном, на котором редко выделяется крест. В том случае, если концы его идут от средины сторон квадрата, орнамент называется богуска оjу[17] (см. табл. I, рис. 7), если таковые же идут от углов его (табл. I, рис. 10), то орнамент называется в Сунтарском улусе туораі, в Намском кымырдагас оjу (муравей узор).

Помимо отмеченных выше орнаментов, на якутских горшках встречается в районе Средне Вилюйского улуса, в общем крайне редко, ногтевой орнамент (тынгарахтах оjу), столь характерный для керамики неолита и производимый путем вонзания ногтя в глину, перпендикулярно венчику. Помимо его, встречается (см. табл. III, рис. 8) т. н. крёсті оjу (крест узор), получаемый посредством оjулур мас изображенной на таблице I, рис. 11 и расположенный обычно в виде полоски, идущей параллельно венчику горшка.

Когда горшок совершенно закончен и покрыт орнаментом, его ставят сушить (по як. курду) на полку или прикрепленную у камина, или над оронами, на что требуется в летнее время $1^1/_2$—2 суток и затем подвергают обжигу. Так как обычно гончар обслуживает небольшую территорию и в год ему приходится делать максимум 20—30 горшков, то естественно, что мы не встречаем нигде стремления к устройству специальных печей. Обжиг всюду производят на шестке камелька, а летом иной раз на костре, разложенном около дома на дворе. В качестве топлива, при обжиге употребляют сухую щепу, или небольшие поленья, обычно лиственничного дерева, или таковую же кору; ими обкладывают горшок со всех сторон и зажигают, все время подкладывая топливо в огонь и следя за равномерным распределением пламени на поверхности сосуда. Накаливают горшок до красного каления, затем вынимают его из огня щипцами и, оставляя на шестке, или ставя на пол, подвергают горшок процессу усарар, суть которого сводится к закалке стенок и уничтожению их пористости вливанием продуктов, обугливающихся в мелких порах обожженных стенок сосуда. Для того, чтобы достигнуть отмеченного, вливают быстро в горшок приблизительно на $^1/_3$ его горячей воды, смешанной с 1—2 ложками молока, часто снятого, иной раз последнее заменяют соратом и закрывают неплотно горшок сковородой. При соприкосновении с раскаленными стенками молоко, смешанное с водой, быстро вскипает и испаряется[18]. В старину, помимо этого способа закал производился наливанием в раскаленный горшок коровьей мочи или kiriläi—вареного щавеля, но способы эти практиковались исключительно для закала больших сосудов, предназначенных для варки съедобных кореньев и заболони, к ним прибегали редко не только

потому что брезговали первой жидкостью, но и потому что получаемые горшки при этом способе закала были менее прочны, а пищевые продукты, хранимые в них, приобретали дурной запах и вкус.

Служит горшок, приготовленный описанным способом, до 4 лет [19], при чем всегда небольшой по размеру больше, чем таковой же крупный. По своему размеру горшки распределяются на несколько категорий:

1. Боччук или боlчук (см. табл. II, рис. 2 и 3)—горшок малых размеров с широким отверстием, употребляемый для кипячения молока и сливок, преимущественно детям.

2. Багаччах или багарчах[20] таковой же, но несколько больших размеров и

3. улахан кӱӧс, почти исчезнувшие в настоящий момент, яйцевидной формы, суженной к дну, обычно имевшему небольшой размер.

Иной раз горшки делаются с ручками тутахтах кӱӧс или с ножками, атахтах кӱӧс[21], но видеть таковые автору не приходилось.

Керамическое производство якутов не ограничивается горшками; в Вилюйском округе, помимо таковых, делают чайники и, наконец, всюду кузнецы употребляют тигли и формы для литья, обычно изготовляемые самим мастером.

С приготовлением горшка связан целый ряд поверий, отмеченных мной для пределов Намского улуса. По словам горшечницы Азаровой, обитательницы Хомустахского наслега Намского улуса, „во время грома нельзя выносить горшок на улицу он сломается. Если при обжиге горшка положить в огонь, на котором обжигают, полено или щепку от дерева разбитого молнией, горшок лопнет. Если пережечь и растолочь черепки от него, смешать их с глиной, новый сделать горшок, он обязательно тоже при обжиге лопнет. Если положить при обжиге в огонь осиновое полено, горшок лопнет, потому что осина нечистое дерево.

Если кому из живущих в доме предстоит умереть, то глина выбивается плохо или рассыпается совсем. Если в соседнем доме умер человек, -оттуда в дом пришли, где я горшок делаю, то с глиной делается тоже.

Если будут во время делания горшка над горшечником смеяться и он обидится, то горшок плохой выйдет.

Если приходят из дома, где женщина родила, горшки у горшечника никогда не выходят“.

Неудачи подобного характера, препятствующие появлению хороших качеств в изготовляемом горшке, по словам горшечницы, обусловлены тем, что іччі дух горшка имеет связь с ду-

хом домашнего очага, принадлежащего к категории добрых чистых существ, не терпящих соприкосновения со всем нечистым. Элемент все проникающих анимистических воззрений особенно ярко осознается в записи о неудачном изготовлении горшка, сделанной со слов той же горшечницы:

„В месте Могуруот умер человек, оттуда ко мне часто приходили соседи, у меня не стали выходить горшки, я взяла глину сбила ее в комок в своей чабычах, отдула ее прутом и приговаривала: ӓн аны кірiргір булуон дуо ӓн турбат булуон дуо кӓбін тӧбӮн бу,[22] немного погодя стали горшки делаться хорошие“.

Отмеченные нами ранее элементы примитива говорят безусловно о древности гончарства якутов и обуславливают значительный интерес изучения его. Данные самой техники производства сосуда без помощи гончарного круга, упоминание о наличии гончарства у якутов еще Страленбергом[23], национальные названия как гончарных инструментов, так и горшка и его частей, свидетельствуют о самобытности данного производства.

Переходя к вопросу о сходстве якутских горшков с горшками, находимыми на стоянках и в могильниках древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья, автору сообщения пришлось констатировать таковое еще в 1917 году на заседании Общества Археологии Истории и Этнографии при Казанском Университете, на основании материала по гончарству якутов, собранного в долине р. Алдана.

Впоследствии этот вопрос затронул в своих двух работах проф. Б. Э. Петри,[24] высказав положение, что культура древнежелезного века Иркутской губернии и в частности стоянки так называемых „курумчинских кузнецов“ принадлежит предкам якутов. В качестве доказательства Б. Э. Петри привел следующие соображения:

1. Находка неравносторонних удил, плоских небольших подков у-образных наконечников стрел, имеющихся в наличии у современных якутов.

2. Общность керамических изделий в орментации и в изготовлении горшков женщинами, что доказывается малой величиной отпечатков ногтей на гончарных изделиях с прибайкальских стоянок железного века.

3. Аналогия между землянками „курумчинских кузнецов“ и современной якутской юртой, тоже, по словам автора, углубленной в землю, подобно первому типу жилища.

Указанная теория проф. Б. Э. Петри была подвергнута основательной критике археолога Е. Д. Стрелова[25], на основании обильного материала указавшего, что предметы, принятые проф. Б. Э. Петри за типичные якутские или совершенно

Таблица II.

1

2

3

4

отсутствуют у якутов, как например, подковы, неравносторонние удила и землянки или вместе с наличием у якутов имеются и у других туземцев Сибири, как например у—образные наконечники стрел.

В своей работе Е. Д. Стрелов касается и вопросов изучения керамики якутов, останавливая свое внимание на орнаментации керамических изделий. Присоединяясь всецело к выводам автора упомянутого труда, мы не вполне согласны с ним только в одной детали, касающейся отсутствия лепного орнамента на гончарных изделиях якутов, *одного из характерных способов орнаментации горшков гончарами*, встреченного нами в районе Баянгатайского и Вилюйского улуса.

Суммируя свои выводы о сходстве культуры курумчинских кузнецов с якутской, Е. Д. Стрелов приходит к выводу совершенно противоположному мнению Б. Э. Петри, а именно, что доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками якутов.

Переходя к обзору керамических изделий древне-железного века нашего района, мы встречаемся с целым рядом находок остатков от плоскодонных сосудов, обычно темных в разрезе, с примесью песка или шамота, с толстыми стенками, отогнутым венчиком, весьма скудно орнаментированных; орнамент скуден обычно расположен в виде опояски у самого венчика, характерные формы его: лепной треугольный в разрезе, часто разделенный, редко ямочный, арочный и угловой. Географическое распространение подобных горшков довольно широко: охватывает район Иркутской губернии, Забайкалья, Монголии и даже пределы Енисейской губернии. В пределах Иркутской губернии они найдены на стоянках в окр. Иркутска[26], Кудинской[27] и Аларской степи,[28] в окр. г. Балаганска,[29] по верхнему течению Лены в окр. с. Качуг,[30] в пределах Тункинской и Торской котловины,[31] на многочисленных стоянках по берегам Байкала и в частности побережья Малого моря.[32] В границах Забайкалья они обнаружены в бассейне Шилки[33] и Селенги, как на стоянках у устья последней,[34] так и в среднем течении ее[35] и даже в Монголии[36]. Наконец керамика подобного типа обнаружена на стоянках в окр. г. Красноярска и даже в границах Минусинского округа[37]. Сравнивая керамические изделия якутов с таковыми же древнежелезного века Прибайкалья, мы должны невольно констатировать, на основании вышеизложенного, сходство их друг с другом, проявляющееся не только в элементах орнаментации сосуда, но и в форме их; но это еще не значит, что творцами их были именно якуты.

Нет, в этом нужно видеть только одно лишнее подтверждение того. что в культуре якутов сохранились элементы куль-

туры древне-железного века, носителем коей, может быть, был комплекс тюрских племен, обитавший когда то в пределах Прибайкальского района.

Заканчивая настоящую работу, считаю своим приятным долгом выразить свою благодарность: М. Н. Ионовой, проф. С. Н. Лаптеву, С. О. Онопрову за дополнение и просмотр настоящей работы; Г. М. Константинову, А. И. Михайловской и В. Н. Полосухину за выполнение рисунков и фотографий, приложенных к ней.

Иркутск
10 августа 1927 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Первая из указанных поездок совершена по поручению Общества Естествоиспытателей при Казанском Университете, вторая по такэвому же Восточно Сибирского Отдела Русского Географического Общества, и Лено-Байкальского Округа Сибводпути; наконец, третья, давшая наиболее обильный материал, была выполнена на средства Комиссии по изучению Якутской АССР Академии Наук.

[2] Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области. Часть III, С.П.Б. 1887 г.

[3] В. Серошевский, Якуты, Том I С. П. 1896 г.

[4] Б. Э. Петри. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск 1922 г. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) Чита, 1923 г.

[5] Е. Д. Стрелов. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри. „Доисторические кузнецы в Прибайкалье"). Сборник Трудов Исследовательского О-ва „Саха Кескиле". Вып. III. Якутск 1926 г.

[6] Цит. труд. стр. 377—378.

[7] По данным В. Серошевского (см. „Якуты" стр. 379): камень голыш — мäчік тас, служащий теперь для разбивания глины и шамота, употреблялся прежде для формовки стенок горшка, снабжался тальниковой рукояткой, для целей укрепления которой на камне делалась продольная выемка.

Аналогичный камень с выемкой найден В. Маргаритовым при его раскопках на берегу Амурского залива и возможно употреблялся для тех же целей.

[8] Плита песчанника играет роль наковальни для битья глины. Аналогичные плиты встречаются на стоянках доисторического человека в пределах Прибайкалья и возможно употреблялись для той же цели. По данным Б. Э.

Петри (см. его работу „Неолитические находки на берегу Байкала". Петроград 1916 г., стр. 123) на стоянке Улан хада: „найдено не мало крупных плоских плит, сильно сглаженых действием воды. Эти плиты приносились на стоянку из озера и служили, видимо, для каких нибудь надобностей, в роде расплащтывания рыбы и тому подобного".

Не отрицая возможности употребления плит для целей потрошения рыбы, мы принимая во внимание полное сходство их с таковыми, встречающимися у якутских гончаров, склонны все же предполагать о назначении этих плит для целей керамического производства.

[9] Роль кӱӧс охсор тас играет обычно, упомянутый выше, мӓчік тас, в некоторых районах употребляемый для формовки стенок горшка.

[10] В подобном корыте, носящем тоже название, в Намском улусе горшечница Азарова, разбивала сухую глину и черепки, превращая их в шамот. По данным Р. Маака (см. цит. труд, т. III, стр. 49) помимо корыта употребляется для целей размягчения глины деревянный желоб (хорууда), рисунок его имеется на табл. VIII работы упомянутого автора.

[11] Диаметр последнего равняется таковому же отверстия горшка. Назначение обруча — скрепить более основательно верхние концы пластин, из которых лепится горшок, при процессе формовки стенок его и не допустить нежелательных для мастера разрывов в верхней части сосуда.

[12] Последней обматывается обруч для того, чтобы он плотно держался в глине, не сдвигаясь с места, потому что сдвиг его при формовке стенок горшка может служить причиной разрыва последних, в верхней части сосуда.

[13] У некоторых гончаров, место ложки заменяет упомянутый выше мӓчік тас.

[14] В случае изготовления большого горшка, ложку обыкновенных размеров заменяют такой же большой—поварешкой.

[15] Неровность края горшка способствует лучшему соединению с ним венчика.

[16] Часто один и тот же орнамент имеет два названия, которые сообщает одно и тоже лицо.

[17] Обозначенное курсивом г, произносится как гортанное а в слове „бог".

[18] Описанный способ закалки горшка, не уничтожает вполне пористость стенок его, при варке продуктов последние проникают в толщу их, обугливаются и обуславливают черный цвет излома черепков. При взгляде на разрез черепка кажется что при изготовлении горшка примешивался к глине уголь. Часто эта кажущаяся примесь угля бывает связана с явлением нагара, то матового, то блестящего черного цвета, покрывающего совнутри стенку и достигающего нередко у венчика горшка, толщины 0,2—0,4 ст. Это явление нагара и примесь угля обусловлена обугливаением как в стенке горшка, так и на ней варимой пищи, в частности молочных продуктов: молока, сливок... Для того, чтобы удалить нагар, якутские хозяйки изредка соскребают его обыкновенным ножем.

Примесь угля и явление нагара отмечена для керамики не только железного века, но и неолита Европейской России и Сибири. (Подробности см. В. И. Подгорбунский. К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири. Сборник Трудов Государственного Иркутского Университета. Вып. XI, 1926 г., стр. 94—95).

Спицын и Каменский, в своем известном труде. „Стоянка каменного века близь Балахны", см. Записки Отделения Русской и Славянской археологии Русского Археологичоского О-ва том VII, делают предположение: „чтобы уменьшить пористость сосуда, внутренняя сторона его покрывалась какой то

черной массой. вероятно смолой, от которой в таких случаях сохраняется нар. Смолой же. смешанной с песком. замазывались трещины котлов и сквозные отверстия когда в них не было нужды.

Вышеотмеченное нами явление нагара и примеси угля на современных горшках якутов объясняет, наличие их у керамических изделий человека неолита. Обмазка смолой едва ли мыслима для сосудов в которых варилась пища ибо: 1) смола придавала бы варимому продукту неприятный вкус, запах и 2) нагрев стенки горшка вызывал бы каждый раз сползание с нее смоляной обмазки сосуда.

[19] В старину горшки употреблялись для варки разнообразных пищевых продуктов и достигали крупных размеров. В настоящее время горшечники делают только небольшие горшки для кипячения сливок и молока. Причиной исчезновения гончарства является: появление русской посуды, служащей под ряд много лет и более удобной для употребления.

Особенно заметно исчезновение гончарства в районе Сунтарского улуса, в части его расположенной вверх по течению р. Вилюя, где во время поездки в 1925 г., нам не удалось встретить не только́ ни одного гончара но и даже самих горшков. Побочными причинами вызвавшими падение гончарного искусства являются: качества самого сосуда, ломкость, пористость и относительная дороговизна горшка, последний весьма малых размеров в Намском улусе стоит 1 фунт, а то и 2½ фунта масла, что является довольно значительной единицей в товарообменном фонде якутской семьи.

[20] Он же йрдйг,йс кӱос горшок средних размеров вмещающий около 10 фунтов жидкой пищи. См. Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Ленинград. Выпуск V, стр. 1322.

[21] Рисунок подобного горшка с ножками имеется на табл. VI цитированного труда Р. Маака.

[22] „В будущем будешь ли хвастаться! Будешь ли ты в будущем не вставать — получил ты должное по заслугам".

[23] См. Серошевский В. Якуты, стр. 380.

[24] См. упомянутые в прим. 4, две работы проф. Б. Э. Петри.

[25] Е. Д. Стрелов. К вопросу о доисторическом прошлом якутов. Сборник Трудов Исследовательского Общества. „Саха Кескиле" вып. 3. Якутск. 1926 г.

[26] Коллекции: И. Ф. Щепетунина и В. И. Подгорбунского Кабинета Географии Казанского Университета; Г. М. Константинова Кабинета Географии Иркутского Университета; Отдел Археологии Иркутского Музея, инвентарные №№ 7816, 7808, 6676, 7669.

[27] Сборы автора на стоянках Кудинской степи: в окр. села Оека, Ординского озера, улуса Шохтый и с. Усть-Орды, хранящиеся в кабинетах Географии Казанского и Иркутского Университетов. См. также проф. Б. Э. Петри. Далекое прошлое бурятского края. Ирк 1922 г., его же „Доисторические кузнецы в Прибайкалье". Чита, 1923 г. Его же „Вторая поездка в Прибайкалье". Известия Русского Комитета по изучения Средней и Восточной Азии серия II, вып. 3. В. И. Подгорбунский. К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири. Труды О-ва Естествоиспытателей при Казанском Университете. Т. XVIII, вып. 4. Казань, 1916 г.; Н. Бортвин „Из области древне-сибирской керамики". Записки Русс. Археологического О-ва, т. XI, 1915 г.

[28] Коллекции: П. П. Баторова, П. П. Хороших и В. И. Подгорбунского, хранящиеся в Отделе Археологии Иркутского Музея инвентар. № № 7785, 7630, 7797, 7830 и 7810, собранные на стоянках по берегам Алятского озера, в долине р. Голуметь.

[29] Иркутский Научный Музей — коллекция Г. П. Сосновского, инвентар. № 7531, 7536 и Т. Земляницкого. инв. № 7496. См. так же Г. П. Сосновский. К археологии Ангарского края. «Сибирская Живая Старина», изд Вост. Сиб. Отд Русс. Геогр. О-ва, 1923 г. № 1.

[33] Коллекция В. И. Подгорбунского, хранящаяся в Кабинете Географии Казанского Университета, собранная на стоянках по правому берегу Лены, вверх от с. Качуг по течению реки.

[34] Иркутский Музей—коллекции Н. И. Витковского, О. И Толстихиной, Кирилова. Инв. №№ 1058, 8507 и 6012. Кабинет Географии Казанского Университета коллекции В. И. Подгорбунского, собранные на стоянках Торской и Тункинской котловины в 1916 г., по поручению О-ва Естествоиспытателей при Казанском Университете. См. также В. И. Подгорбунский. К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины. Труды профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета 1923 г., вып. 5.

[35] Иркутский Музей коллекция П. П. Хороших, инв. № № 7502, 7603, 7620 и А. М. Станиловского № 7781, 7781, 7833. См также Н. Н. Агапитов. Прибайкальские древности. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. О-ва. 1881 г, т. XII, № 4—5. Б. Э Петри. Отчет о командировке на Байкал для археологических разведок. Отчет о деятельности Российской Академии Наук за 1916 г П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). Известия Биолого-Географического Научно-Исследовательского Института при Иркутском Университете т. I, вып. 1 Иркутск, 1924 г.

[36] Кабинет Географии Казанского Университета, коллекции В. И. Подгорбунского: со стоянок у г. Нерчинска „У старого кладбища", в окр. с. Бянкино, со стоянок расположенных по 2-й терассе, по правому берегу р. Борщевки (правый приток Шилки) у ее устья.

[37] Иркутский Музей коллекции И. И. Веселова, инв. № 7834; см. также И. И. Веселов. Отчет об археологических разведках в Западном Забайкалье. Сибирская Живая Старина, вып. 3- 4. О. И. Толстихина. Дюнная стоянка у села Творогово-Шигаева. Иркутск, 1924 г.

Иркутский Музей – коллекции Федюшина. Инв. № 7508—7515. Г. Ф. Дебец. Инв. № 7818, 7837 – 7845. Кабинет Географии Иркутского Университета, коллекция проф. С. Н. Лаптева. См. также Дебец Г. Ф. Предварительный отчет об археологических разведках в западном Забайкалье. Сибирская Живая Старина, вып. 3 – 4. Его же. Следы доисторического человека в долине р. Уды (Забайкалье) Бурятиеведение № 1. Верхнеудинск.

Ю. Д. Талько-Грынцевич Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Подъотдела Приамурского Отдела Русск. Геогр. О-ва, т I, вып. 3. 1898 г., т. III, 1903 г. См. также его „Древние аборигены Забайкалья". Тоже т. VIII, вып. 1, 1905 г.

[38] Устное сообщение проф. С. Н. Лаптева и коллекция керамики, собранная им на стоянках железного века в бассейне р. Селенги в пределах Монголии, хранящаяся в кабинете Географии Иркутского Университета.

[39] Н. Бортвин, цит. труд. табл. XVI, рис. 1, 2, 5, 15. Г. П. Сосновский цит. труд. стр. 20, 21.

Литература.

1. Н. Н. Агапитов. Прибайкальские древности. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. О-ва, 1881 г., т. XII, № 4—5.

2. Он же. Следы каменного века в бассейне р. Куды и по р. Унге. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. О-ва, 1881 г., т. XII, № 4—5.

3. Н. Бортвин. Из области древне сибирской керамики. Записки. Отд. Русс. и Слав. Арх. Русс. Археолог. О-ва 1915 г, т. XI.

4. И. И. Веселов. Предварительный отчет о летних полевых работах 1924 г. „Сибирская Живая Старина". Вып. III—IV. Ирк. 1925 г.

5. Г. Ф. Дебец. Предварительный отчет об археологических разведках в Зап. Забайкалье. „Сибирская Живая Старина". Вып. III—IV. Ирк. 1925 г.

6. Он же. Следы доисторического человека в долине р. Уды (Забайкалье). „Бурятиеведение". № 1. Верхнеудинск, 1925 г.

7. Он же. Итоги и задачи археологии в Западном Забайкалье. „Жизнь Бурятии" за 1926 г. № 4—6, 7—9. Верхнеудинск, 1926 г.

8. С. Н. Лаптев. Следы пребывания доисторического человека в окр. села Усолья. (Сборник трудов проф. и препод. Госуд Ирк. Ун-та. 1923 г. Выпуск 5).

9. Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области часть III изд. I. СП. 1887 г.

10. В. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Седеми. Изд. Общ. Изуч. Амурского края. Владивосток, 1887 г.

11. Э. К. Пекарский. и И. И. Майнов. Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов. СПБ. 1913 г.

12. Б. Э. Петри. Вторая поездка в Прибайкалье. Изв Русс. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1914 г. сер. 2, вып. 3.

13. Он же. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан Хада. Сборник музея Антропологии и Этнографии Академии Наук. 1916 г. т. 3.

14. Он же. Отчет о командировке на Байкал. Отчет о деятельности Академии Наук по отд. физико-математических наук, истории и филологии 1916 год.

15. Он же. Далекое прошлое бурятского края. Ирк. 1922 г.

16. Он же. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. (К вопросу о историческом прошлом якутов). Чита, 1923 г.

17. В. И. Подгорбунский. К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири. Труды О-ва Естествоиспытателей при Казанском Университете. 1916 г., т. XVIII, вып. 4.

18. Он же. К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины. Труды проф. и преподав. Госуд. Ирк. Ун-та. 1923 г., вып. 5.

19. Он же. К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири. Сборник трудов Ирк. Гос. Ун-та, вып. XI, 1926 г.

20. В. Серошевский. Якуты. СПБ. 1896 г.

21. Г. П. Сосновский. К археологии Ангарского края. Сибирская Живая Старина. 1923 г. № 1.

22. Спицын и Каменский. Стоянка каменного века близь Балахны. Записки отделения русской и славянской археоологии Русского Археологического О-ва, т. VII.

23. Е. Д. Стрелов. К вопросу о доисторическом прошлом якутов. Сборник Трудов Исследовательского Об-ва Саха Кескиле, вып. III Якутск, 1926 г.

24. Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Подотдела Приамурского Отдела Русс. Геогр. О-ва. Т. I, вып. III, 1898 г., т. III, вып. 1, 2–3, 1900 г., т. IV, вып. 2, 1901 г., т. VI, вып. 2, 1903 г.

25. Он же. „Древние аборигены Забайкалья". Тоже. Т. VIII, вып. 1. 1905 г.

26. О. И. Толстихина. Дюнная стеянка у села Творогово-Шигаева. Ирк. 1924 г.

27. П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). Известия Биолого-Географического Научно-Исследовательского Института при Иркутском Ун-те, т. 1, вып. I, Ирк. 1924 г.

28. Он же. Остатки далекого прошлого в Аларской степи. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русс. Геогр. О-ва. Т. LI. Иркутск.

29. М. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми. Изв. Вост. Сиб Отд. Русс. Геогр. О-ва. Т. XII, № 2—3, стр. 92—93.

ТЕКСТ К РИСУНКАМ.

Таблица I.

1. Чохоччу. 2.—Мӓчік тас. 3. – Рисунок мӓчік тас в плоскости перпендикулярной к таковой же рис. 2. 4 Ӓllip тас горшечницы Азаровой, Намский улус. 5—13. Ojулур мас.

Таблица II.

1. Горшечница Азарова формует горшок, постлав себе на колени кусок коровьей шкуры с шерстью. У ног ее справа берестяная посуда с заготовленной смесью глины и шамота. к ней прислонены обручи (1). У подошв ног Ӓllip тас, на нем два чохоччу, на одном из них лежит мӓчік тас. К Ӓllip тас прислонена лопатка, служащая для формовки стенок горшка. Слева у ноги сковорода, на которую ставят горшок, когда формуют у него дно, и обрезывают верхнюю часть.

2. Бolчук из кол. С. А. Пархоменко (Иркутск, Музей Инв. № 7525 – 25), собранной в Вилюйском округе. Высота горшка 8,5 см.. диаметр дна 6,1 см., отверстия 10 см., толщина стенок 0,3 см. На горшке орнамент, считая сверху его: **добат, крӓсті, тын, гарахтах, крӓсті.**

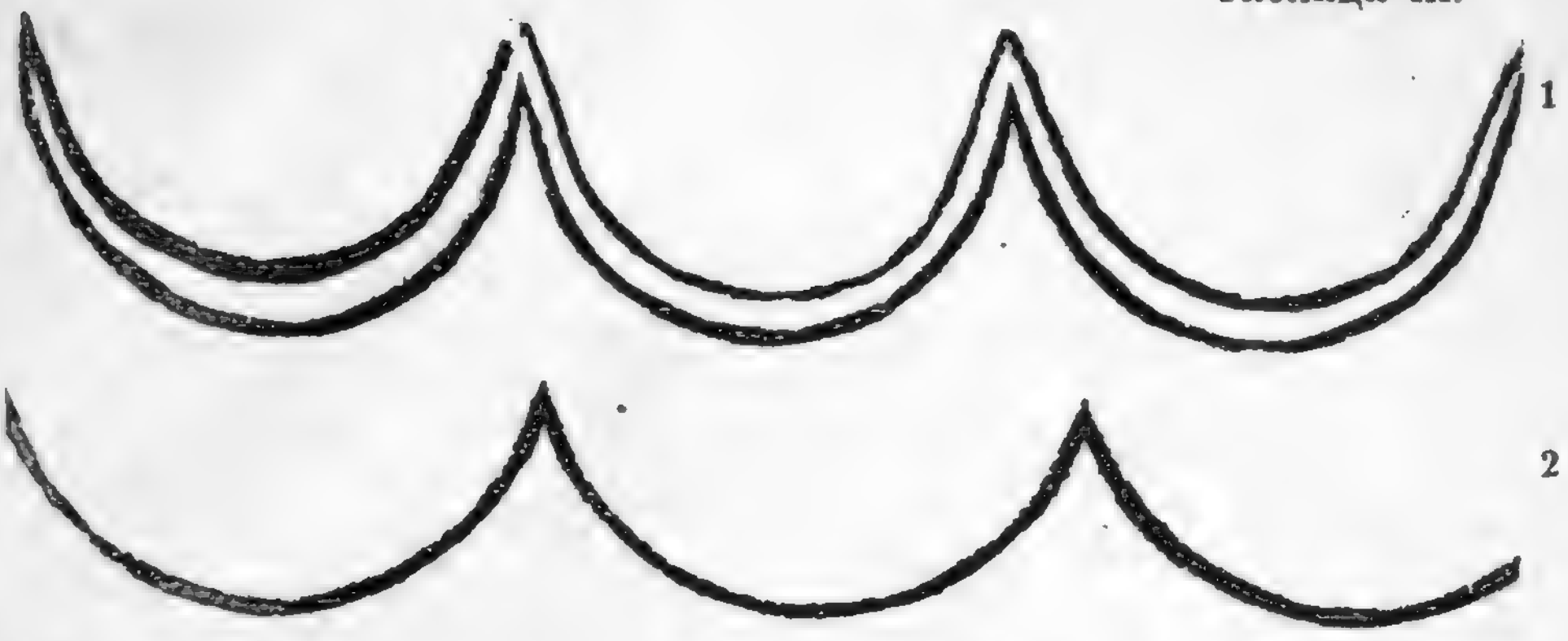
3. Бolчук из кол. Кабинета Географии Иркутского Университета, куплен В. И. Подгорбунским в 1917 году, у устья р. Амги приток Алдана. Высота горшка 9,3 см., ширина дна 8 см., отверстия 8,2 см., орнамент крӓсті.

4. Горшок из раскопок И. П. Кузнецова в пределах Минусинского окр. Иркутск, Музей Инв. № 4793—1. Высота 13,6 см., ширина дня 8.4 см., отверстия 10,7 см., толщина стенок у венчика 0,5—0,7 см. Орнамент арочный.

Таблица III.

1—2. Тынг. арахтах ojу. 3—4. Ураса или Бӥй мӥй ojу. 5—Торбах ojу. 6 – Тӱгӱрӱк ojу. 7 – Добат ojу. 8—Крӓсті ojу. 9—Добат ojу.

Таблица III.



М. Слободский.

Литература

по этнографии Сибири в исторических журналах

1901—1917.

1. **Азадовский, Марк.** Песнь о переселении на Амур. Сиб. Арх., 916, III—IV; 157—172. [Отражение в сиб. песнях истории заселения Амура].
2. **Алекторов, А. Е.** Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. ИОАИЭ, 901, XVII, в.в. 1–6; прилож. 129—432. 903, XIX, вв. 1, 5—6, прилож. 433—640. 904, XX, в. 1—3; прилож. 641—970. [Начало указателя в томе XVI, вв. 3, 4–6]. Рец. на указатель см. И. В, 905, II; 700—701].
3. **Андерсон, Вальтер.** Киргизская легенда о ветхозаветном великане Адже (Oге). ИОАИЭ, 908, XXIV, в. 5; 431—453. [О происхождении и вариантах легенды об Адже. Текст легенды на киргизском и русском языке. Предисловие написано Н. Катановым].
4. **Атк.** Творимая легенда. Сиб. Арх., 914, XI; 522. [Разговор двух обывательниц г. Минусинска о взятии в плен 30 тысяч австрийцев].
5. **Бахрушин, С.** Туземные легенды в „Сибирской истории" С. Ремезова. Ист. Изв., 916, III—IV; 3—28. [Легенды о смерти Ермака и о чудесах над его могилой].
6. **Бейлин, С. Х.** Пословицы и поговорки сибирских евреев. Сиб. Арх., 912, IV; 215—223. V; 321—336. 913, II; 89–91.
7. **Бекимов, М. Н.** Материалы к изучению киргизского народного эпоса. [Материалы этнографические]. ИОАИЭ, 901, XX. в. 4–5; 220—232. [Сказки: 1. О богатыре, побеждавшем злых духов; 2. О богаче Алдыр-Кёсе; 3. О Карамаш-Сулу и Каражан-батыре и др.].
8. **Кирюков, Я.** Как создаются легенды на Алтае. Сиб. Арх., 916, II; 90–91. [Легенды о кладе].
9. **Братский, В.** Молитва от лихорадки, записанная со слов крестьянки с. Кимильтей. Нижнеудинского у., Иркутской губ. Сиб. Арх., 914, II; 89.
10. — Три молитвы для привораживания. Сиб. Арх., 913 XI; 553—553. [Текст молитвы].
11. **Буйко, А. М.** Тулуновские частушки. Сиб. Арх., 915. XI; 506—516. [Текст частушек, собран. в с. Тулуне, Нижнеудин. у.].

Быстрянский, В. см. Ватин, В.

12. **Варонен, М.** Чем является Sampo? [Сравнение мифа Sampo (из финлядского народного эпоса) с мифами Сибири]. Изв. Арх. Ком., 911, XXXVIII; 135–136.
13. **Ватин, В. А.** К вопросу об именах минусинских инородцев. Сиб. Арх. 916, V; 219–221. [Из архива Минусин. Спасского собора].
14. — Pro domo sua. Сибир. Арх., 914, XII; 537–541. [Предания минусинских инородцев об уходе из минусин. края киргиз и др.].
15. Сойоты в начале 40-х годов прошлого века. Сиб. Арх., 916, I; 1—7. [Язык сойотов. Образ жизни. Административное устройство. Религия. Хозяйствен. быт].
16. **Виноградов, Г.** Песни отживающего поколения. Сиб. Арх., 914, VII—VIII; 357—367. [Нижнеуд. у.].
17. — Поверья и обряды крестьян-сибиряков. Сиб. Арх., 915, III; 101—122. [Материалы по фольклору Нижнеудин. у.].
18. **Вруцевич, Мих.** Сибирские скопцы. (Историко-бытовой очерк). РСт, 905, VII; 170—186. VIII; 286—313. [Скопческие радения. Быт скопцов].
19. **В старину гуляли деды.** Сиб. Арх. 916, I; 41. [Празднование Прокопь-

ева дня в 1837 году. [Из архива Усть-Абаканск. волостн. правления].

20. **Высоцкий, Ник.** Несколько слов о погребальных обычаях Вогул. ИОАИЭ, 908, XXIV, в 3; 254—257. [С рисунком].
21. **Выставка Камчатской экспедиции.** Изв. Арх. Ком., 913, прибавл. к XLVIII; 53—54. [Этнологич. коллекции, собран. Иохельсоном].
22. **Г., Б.** Из алтайских поговорок. Сиб. Арх., 915, I; 33. 916, II; 73.
23. **Г—в, Б. Г.** Из недавних народных настроений. Сиб. Арх., 914, II; 85—86. [Легенды и сказания, создавшиеся в Змеиногорск. у., Томск. губ. и в Семипалатинск. обл. в связи с засухой 1911 г. и с совпадением пасхи с Благовещением в 1912 г.].
24. **Гейкель, А.** Сойотский шаманский наряд в Гельсингфорском историческом музее. Изв. Арх. Ком., 911, XXXVIII; 38—41. [Описание шаманского наряда, добытого в 1889 г. в Урянхайском крае. (С 6 рис. в тексте)].
25. **Географическое общество.** И. В. 901, IV; 405—408. 903, VII; 385—386. [Резюме доклада Л. Я. Штернберга „О гиляках о. Сахалина и материкового побережья". (901, IV) и сообщения А. А. Дунина-Горкавич о народностях тобольского севера (903, VII)].
26. **Герасимов, Бор.** Рождественское славление Христа в селе Митрофановском, Семипалатинского у., Семипалатинской области. Сиб. Арх., 913, XII; 543—544. [Текст стихов].
    См. также №№ 22, 23.
27. **Гинс, Георгий.** В Киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью). И. В., 913, X; 285—332. [Первое знакомство с киргизами. Жизнь киргизов в горах].
28. **Гонсович, Евгений.** Гора „Шапка" на р. Амуре. (Материалы по изучению памятников древности на р. Амуре). Сиб. Арх., 913, XII; 505—522. [Помещена легенда о горе Шапке].
29. **Грулев, М.** Из прошлого Забайкалья. (К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах). РСт, 901, IV; 203—224. [Домашний быт бурят: жилище, одежда, пища, положение женщины].
30. **Евсенин, Ив.** Буряты о карагассах. Сиб. Лет. (Сиб. Арх.), 916, IX—X; 482—483. [Изложение легенды о происхождении карагасов, записан. в 1914 г. в улусе Шанай, Нижнеудин. у., от бурятского шамана].
31. — Из бурятских примет. Сиб. Лет. (Сиб. Арх.), 916, IX—X; 483. [Записана в Нижнеудин. у.].
32. — Лопатин, И. А. Лето среди орочей и гольдов. О-во изучения Амурского края. (Отд. оттиск газ. „Далекая Окраина"). Сиб. Арх., 916, I; 14. [Рецензия].
33. — Скороговорки. Сибир. Арх., 914, VI; 252. [Записаны со слов детей в деревнях Иркут. губ.].
34. **Ермолаев, А.** Материалы по народной медицине среди русского населения Енисейской губернии. Сиб. Арх., 913, VI—VIII; 358—373.
35. —. О тунгусах в Красноярском уезде Енисейской губернии. Сиб. Арх., 912, VIII; 659—660. [Об исчезновении тунгусских племен из Красноярского уезда].
36. — Свадебные наговоры дружки в Ангарской деревне. Сиб. Арх., 912, VIII; 582—594. [Свадебные обычаи крестьян Кежемской вол., Енисейск. у., Текст свадебных наговоров].
37. **Загорский, В.** По Тункинскому краю. (Путевые впечатления и заметки от поездок в июле 1914 г.). Сиб. Арх., 916, III—IV; 172—182. [Описание Кыренского дацана. Состязание бурятской молодежи в верховой езде и борьбе. Праздничное богослужение в честь Майдари. (Стр. 175-179)].
38. **Записки штаб-лекаря Гаврила Марковича Дьякова.** (1796-1862 гг.) (Сообщил И. Кузнецов-Красноярский). Сиб. Арх., 914, IX; 393—416. [Об антропологических и психических особенностях, обычаях, занятиях, пище, шаманских обрядах тунгусов Киренского округа. (Стр. 407—409)].

39. **Из минусинских пословиц.** Сиб. Арх., 916, V; 211.
40. **Из народной медицины.** Сиб. Арх., II; 120. [Способы лечения у крестьян с. Шиверского, Балаган. у.].
41. **Из приисковых обычаев.** Сиб. Арх., 915, VII, VIII - IX; 402. [Суеверия приисковых рабочих].
42. **Из сибирских поговорок.** Сиб. Арх.; 914, III—IV; 174. [Прозвища для коренных жителей и новоприезжих].
44. **Инородческая частушка.** Сиб. Арх., 915, X; 492. [Записана у татар в улусе Божандаевском, близ Минусинска]
45. **Калашников, Т. П.** Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год. Рус. Арх., 904, X; 147—183. [О бурятской свадьбе. (Стр. 175—178)].
46. **Кастанье, И. А.** Надгробные сооружения киргизских степей. Les monuments funéraires de la steppe des Kirghizes. Тр. Ор. Уч. Арх. Ком., 911, XXVI; 97. [Похоронные обряды у киргиз.—Приложен указатель трудов по вопросу о похоронах, обрядах и поминках у киргиз, на рус. и франц. яз. (Стр. 99—102)].
47. **Катанов, Н.,** проф. По поводу „молитвы от лихорадки". Сиб. Арх., 915, VI; 295. [Объяснение молитвы, помещен. в № 2 Сиб. Арх. за 1914 г. (Стр. 89)].
48. **Кашин, Н.** Новый список биографии А. Н. Радищева. ЧтОИДР, 912, II; 1—26 (отд. III). [Одежда и пляски илимских женщин. Народные песни и выражения в Илимском у. Быт илимских тунгусов. (Стр. 11—16)].
49. **Ковалев, Евгений.** Убийство Боку Чалкадыкова. (Очерки из быта каракиргизов). И. В., 907, IX; 862—878. [Описание лошадиных скачек и похоронного обряда].
50. **Козьмин, Петр.** Адугэн и Владимир (Якутская легенда). Сиб. Арх., 914, II; 72—74.
51. — Алданский край, Якутской области. Сиб. Арх., 913, I; 15—22. [Домашний и религиозный быт тунгусов. Звероловство и рыболовство. Жилище. Камланье. Заразные [болезни. Вымирание].
52. — Забытый курган. Сиб. Арх., 914, II; 77 - 78. [Предание о калмыцком вожде Четте, связанное с курганом).
53. — Подсидел. (Картинка). Сиб. Арх., 913, IX—XI; 413 — 420. [Из быта переселенцев и старожил Забайкалья].
54. **Константинова, И.** Чоно - Батор (Волк-богатырь). Сиб. Арх., 912, III; 184 190. [Бурятское сказание].
55. **Корнилов. И.** Два сна якута. Сиб. Арх., 912, V; 337—341. [Записано со слов якута Гр. Корнилова, 58 лет, в Нерюктейск. наслег, Олекминск. округа].
56. **К рисунку „Типы Минусинских инородцев".** Сиб. Арх., 914, IX; 426. [Рисунок изображает татарок-сагаек в характерных костюмах свах].
57. **Кузнецов—Красноярский.** Закладная 1732 года. Сиб. Арх. 915, II; 98. [Отдача в кабалу дочери для уплаты ясака].
58. **Л., А.** Этнографические брызги. Сиб. Арх., 916, V; 215. [Обычай, показывающий заботу о продолжении рода, у минусинских татар].
59. **Легенда о минусинских курганах.** Сиб. Арх., 914, X; 217. [Записаны у минусинских татар].
60. **Любимов, Ив.** Из бурятских народных сказаний. Сиб. Арх., 912, XI; 901—902. [Предание о происхождении семи черноудских бурятских родов.—Предание о гибели мамонта.—Отчего бывает гроза.—Кто изобрел мельницу].
61. **М., Л.** В. Ф. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. Спб. 1909. И. В. 901, IV; 368. [Рецензия].
62. **Материалы по Истории Управления Якутским краем в начале XIX в.** Тр. Ир. Уч. Арх. Ком. 913, I; 19 - 45. [Есть данные об эконом. быта туземцев округов: Якутского, Олекминского, Вилюйского, Верхоянского и Средне-Колымского].
63. **Мелочи из жизни качинских татар.** Сиб. Арх., 916, II; 78. [Два уголовных дела о ясашных (1839 г.)].

64. **Монгольская любовная песнь.** ИОАИЭ, 908, XXIII, в. 6; 486. [Рус. текст песни, записан. в Гусиноозерском монастыре в Забайкалье и опубликованной А. Д. Рудневым в XXIII томе Journal de la Société Finno-Ougrienne (1906 г.)].
65. **Мякутин, Ал. Ив.** Юридический быт киргизов. I. Вещное право. II. Обязательное право. Тр. Ор. Уч. Арх. Ком. 911, XXV; VII+1—180. [Рецензия на работу Мякутина см. А Гольмстен. Тр. Ор. Уч. Арх. Ком., 913, XXIX; 205—207].
66. **Народные приметы и поверия киргиз**, записанные в Копальском уезде. ИОАИЭ, 909, XXV 35—40 [С киргиским текстом].
67. **О браке среди бурят.** буддистов шаманистов Иркутской губернии. Сиб. Арх., 912, VII; 585—579.
68. **Общество любителей естествознания** в Москве. Географическое Отделение. ИВ. 904, II; 819—820. [Краткое содержание: 1) сообщения А. М. Остроухова об урянхайцах и их стране 2) сообщения М. К. Барсова о природе и населении Горного Алтая].
69. **Овчинников, М.** Бурятская легенда о лебеде. Сиб. Арх., 916, I; 41—43.
70. — Вечерочные песни. Сиб. Арх., 912, V; 377—384. [Рыбинск. волость, Канского округа].
71. — Заговор для „присушки" девицы или парня. Сиб. Арх., 916. V; 218. Нижнеудинск. у.
72. — Заговор от лихорадки. Сиб. Арх. 916, V; 239. [Сообщен секретарем Иркутских общеобразовательных курсов М. Н Борисовым].
73. — Заговоры. Сиб. Арх. 916, III—IV; 192. [Записаны в Иркутской губ.].
74. — Заговоры. Тр. Ир. Уч. Арх. Ком., 914, II; 99—108. [Собраны из разных мест Сибири]
75. — Из сибирских пословиц. Сиб. Арх., 914, II; 71. III—IV, 165, 183. [Записаны в с. Александровском, Иркутск. губернии].
76. — Из якутских поверий. Сиб. Арх., 912, V; 413—416.
77. — К истории третейского суда у якутов. Сиб. Арх., 915, X; 443—457. [Несколько судебных дел, поступивших в разное время на рассмотрение медиаторского суда, существовавшего у якутов в XVII—XIX в. в.].
78. — Кюнней и Юрякян. (Якутское предание). Сиб. Арх. 912, V; 363—372.
79. — Материалы по народной медицине. Тр. Ир. Уч. Арх. Ком., 913, I; 125—138, 914. II; 77—98. [Список лекарственных растений, употребительных в народной медицине. (Из рукописи 18 века)].
80. — На моей памяти. Сиб. Арх., 912, XI; 855—879. [Очерки из жизни ссыльных Якутской области в 70-х годах XIX в. поселенцы, их песни, утрата национальной самобытности, смешение христьянства с якутской мифологией].
81. — Народные средства при собачьем бешенстве. Сиб. Арх., 913, II; 101—105. [В Иркутск. губ.].
82. — Обряд Арчы у якутов Олекминского округа. Сиб. Арх., 912, V; 404—405.
83. — Олекминские скопцы. Сиб. Арх., 911, II; 75—91. [Экономический, общественный и религиозный быт скопцов].
84. Оюн Кэрэкэн Мохсоху. Сиб. Арх., 912, III; 190—193. [Якутская былина в рус. переводе И. Тунуханова].
85. — Оюн уга Жохсогон. (Якутское предание) Сиб. Арх., 912, V; 407—409 [Рус. текст предания о шамане Жехсогоне].
86. — Свадебные песни. Сиб. Архив., 912, X; 778—806. [Записаны в дер. Константиновке, Балаганского у.].
87. — Сказание о 12 лихорадках. Сиб. Арх., 916, III—IV; 191—192. [Записано в Киренске].
88. — Старинная свадьба в селе Рыбинском, Канского у., Енис. губ. Сиб. Арх., 912, XI; 888—898. XII; 939—962. [Описание свадебных обычаев. Тексты народных песен].

89. — Чирьевые заговоры. Сиб. Арх., 916, III–IV; 187. [В Иркутской губ.].—См. *Братский.*
90. **Олейников, Н. Е.** Акушерская помощь у якутов Устьянского ул. (Из области народной медицины в Якутской области). Сиб. Арх., 914; IX, 425 426.
91. — Из поверий Устьянских якутов о Котельном острове, Сиб. Арх. 916, II; 84–85. [Легенды о великанах, связанные с нахождением костей ископаемых животных].
92. **Олофинский, Е.** Из старинных правил вежливости в Забайкалье. Сиб. Арх., 912, V; 406.
93. **Пантусов, Н.** Киргизская игра тогуз кумалак. ИОАИЭ, 906, XXII, в 4; 249–252. [В тексте две таблицы].
94. — Могила Ак-там (близ города Джаркента). ИОАИЭ, 901, XVII, в 4; 214–217. [Киргизская легенда, связан. с могилой].
95. — Образцы киргизской народной литетатуры. ИОАИЭ, 909, XXV, в 1; 1–55. [Сказки, приметы и поверья. Благопожелания. Проклинания. Песня о выборах. Приложение: киргизский текст].
96. **Пекарский, Э. К.** Поездка к приаянским тунгусам. ИОАИЭ, 904, XX, в 4–5; 175–191. [Отчет Пекарского, члена нелькано-аянской экспедиции 1903 г., о результатах исследования быта бродячих тунгусов на р. Алдоме, на р. Нангтаре, на „Мороской", на р. Уе, р. Джагде, р. Бонсякчане, р. Олгомдо и в с. Нелькане].
97. **Песни русских каторжан.** И. В. 912, XII; 1284–1288. [Пересказ помещенный в „La Revue" статьи Л. Сиеницкой: „La musique chez les forçats russes", в которой переданы впечатления шведа Гартевельда, побывавшего в сибирских острогах, о музыкально-песенном творчестве каторжан].
98. **Полферов, Я.** В горах Ала-Тау. (Из истории бунта Кенисары-Касымова 1843–1847 г. г.) И. В., 901, VIII; 486–502. [Есть сведения о быте киргизов.].
99. **Попов, И.** Причины современного бродячего образа жизни тунгусов Якутского края и тормазы, мешающие им осесть. Сиб. Арх., 912, VI; 417–426. [Социальное положение Кангаласских родов тунгусов; их экономич. зависимость от якутов. Занятия тунгусов. Их характер и психические особенности. Объякутивание. (Из рукописи миссионера Иоанна Попова).
100. **Протасов, Н.** Из бурятских сказаний, Сиб. Арх., 912, VIII; 623–631. [Тексты сказаний].
101. **Рождественский, Т. С.** Памятники старообрядческой поэзии. Зап. Моск. Арх. Ин., 910, VI; I–XLIII; 1–191. [Есть стихи старообрядцев, записанные в Сибири. (Стр. 14, 19–20, 62)].
102. **Рычков, К.** Великий дух огня. (Из воспоминаний скитальческой жизни на севере). Сиб. Арх., 916, V; 212–215. [Рассказ из быта тунгусов Енисейск. губ.].
103. — Вещий сон. (Из воспоминаний жизни среди тунгусов). Сиб. Арх., 915. II; 78–81.
104. — В морозную ночь. (Из воспоминаний жизни среди тунгусов). Сиб. Арх., 914, XII; 565–566.
105. — В Туруханском крае. Сиб. Арх., 915, VI; 268–273. [Извлечение из отчета о поездке с научной целью в Туруханск. край с 1907 по 1909 г. язык, религия, воззрения, обряды, род, численность, условия и причины вымирания арктиков севера Енисейской губ.].
106. — Из области тунгусского творчества. Сиб. Арх. 914, XI; 517–521. [Тексты пяти сказок].
107. Оборотень. (Из тунгусской жизни). Сиб. Арх., 916. I; 15–19.
108. — Проделки лешего. (Из воспоминаний скитальческой жизни на севере. Сиб. Арх., 914, VI; 249–252. [Из быта тунгусов].
109. — Путевые наброски из скитальческой жизни с тунгусами. Сиб. Арх., 914. VII–VIII; 319–323. [Из области тунгусских поверий].
110. — Страница из жизни вымирающего племени. (Из воспоминаний скитальческой жизни на севере).

Сиб. Арх., 914, III—IV; 162 165. [Из тунгусской жизни].

111. — „Сущая правда". (Из воспоминаний скитальческой жизни на севере). Сиб. Арх., 914, X; 446 - 454. [Из жизни тунгусского рода Гургагиль].

112. — Ух, как хорошо! (Из жизни тунгусов). Сиб. Архив, 915, XII; 571--575.

113. — Хенукычан. (Тунгусская сказка). Сиб. Арх., 913, XII; 530 535.

114. **Савельев, А.** Работы Пинчугского Волостного Правления по этнографии тунгусов. Сиб. Арх., 913, III; 164--168. [Сведения об одежде, свадебных, родильных и похоронных обычаях, языке, шаманах, занятиях и жилище тунгусов Пинчугск. вол. Енисейск. губ.].

115. **Сафьянов, И.** Прошлое и настоящее сойотского народа. Сиб. Арх., 915, I; 2—24. [Сказка о великой ночи (народная сойотская былина). (Стр. 6—8). Былина о горе Хоярхане (текст: стр. 17 - 24)].

116. **Сзаха Качинка.** (К рисунку). Сиб. Арх., 915, IV—V; 251. [Описание свадебного наряда свахи Минусинского края].

117. **Семенов, А.** Религиозный перелом на Алтае. Сиб. Арх, 913, IX - X; 388—397. [Религиозное движение на Алтае в 1904 году под влиянием Чет-Челпанова].

118. **Семенов - Горняк, М.** Алтайский народный суд (Право-обычай). Сиб. Арх., 916, V; 222 228. [В юрте алтайца. — Алтайский сказитель. Родовая община. Юрты зайсанов. Родовой пир алтайцев. Суд]

119. **Серебренников, А. М.** Якутские врачебные участки и их внешняя среда за 1909 год. Сиб. Арх., 912, VI; 426—433. [Социальные условия жизни якутов: жилище, пища, инфекционные болезни. Вымирание и его причины].

120. **Спрелиус, И.** Обряды погребения у остяков и вогулов и представления их о загробной жизни. Изв. Арх. Ком., 911, XXXVIII; 180—181. Краткая заметка о статье Сирелиуса, помещен. в финляндск. журнале „Suomen Museo", т. IX, 1902 г.].

121. **Скрябин, К. И.** Лечение ударами нагайки у киргизов. И. В., 911, VIII; 598—601. [С рисунком].

122. **Соколов, Д. Н.** [О башкирских тамгах]. Изв. Арх. Ком., 903, V (прибавл.); 28 (хроника). [Резюме доклада Д. Н. Соколова в Оренбургской арх. комиссии: о сходстве башкирских тамг с орхонско-енисейским алфавитом].

123. **Соколов, Петр.** На кумысе. И. В., 914, VII; 94 114. [Быт киргизов].

124. **Старожил.** Два предания. Сиб. Арх., 911, II; 125—127. [О двух богачах г. Иркутска].

125. **Стогов, Э. И.** Записки Э. И. Стогова. Р. Ст., 903, III; 459—476. IV; 117—141. [О жизни камчадалов. (III; 473—476). Быт якутов, тунгусов и чукчей (IV; 118—123)].

126 **Странный концерт**. Сиб. Арх., 919, IV; 318—320. [Из поверий крестьян с. Усть-Удинского, Балаганского округа].

127. **Суховский, В** О шаманстве в Минусинском крае. ИОАИЭ, 901, XVII, в 2—3; 147—155. [Культовые принадлежности шамана. Шаманский костюм. Шаманские обряды. Демонология].

128. **Толмачев, П. М.** Заговоры и поверья в Забайкалье. (Материалы по отреченной литературе и этнографии Забайкалья) Сиб. Арх., 911, II; 63—75. III; 136—152.

129. **Троицкий, Н. И.** Триединство Божества в памятниках всеобщей истории искусства. Вопрос о влиянии до христианской скульптуры на христианск. иконографию. Тр XIV Арх. Съезда 911, III; 67 - 70. [Триединство божества в религии сибирских туземцев].

130. **Трощанский, В. Ф.** Наброски о якутах Якутского округа. Под редакцией и с примечаниями Э. К. Пекарского. ИОАИЭ, 911, XXVII, в 2, 3, 4; (приложен.) 1—144. [Якуты в домашнем быту. Любовь и брак у якутов. Землепользование. Земледелие. Скотоводство. Прирост населения. Происхождение якутов. Брак. Усыновление. Старики. Способы обогащения. „Городчики" Карточная игра. Честность. Органы

самоуправления. Школы. Медицина. Нервные болезни. Бюджет якутской семьи. Заработки. Культурная роль духовенства и пришлого русского элемента. Соприкосновение якутов с русскими. Остатки родового быта. Роль богачей. Телесное наказание.].

131. **Узунов, Г. З.** Этнографические брызги. Сиб. Арх., 915, IV—V; 249. [Переложение минусинскими татарами русской народной песни „Чижик"].
132. **Украинская песня** на китайской границе. Киев. Стар. 901, I; 18 (отд. I). [Текст песни сибирских казаков].
133. **Фарафонтов.** Из бурятских загадок. Сиб. Арх., 916, II; 67.
134. **Фаресов, А.** С. Патканов. О приросте иногородческого населения Сибири. СПБ. 1911. И. В., 911, XII; 1166—1168. [Рецензия].
135. — В. Ф. Трощанский и Э. К. Пекарский. Якуты в их домашней обстановке. Спб. 1909. И. В. 909, XI, 705—707. [Рецензия].
136. **Федоров, Н. В.** Похороны сагайки. Этнографический этюд. Сиб. Арх., 915, IV—V; 232—236. [С 2 рисунками].
137. **Филиппов, М.** Краткая программа для описания киргизского аула. ИОАИЭ, 908, XXIII, в. 6; 483-485.
138. **Храмцов, Вяч. Ив.** Красноярская легенда о кладе. Сиб. Арх., 915, X; 488—491.
139. **Ч., И.** Из сибирских пословиц и поговорок. Сиб. Арх, 915, II; 60. [Записаны в с. Курагинском, Минусинского у.].
140. **Чеканинский, Ив.** Материалы по народной медицине Енисейской губ. Сиб. Арх., 914, VI; 267—282.
141. Несколько народных загадок. Сиб. Арх., 913, IX—XI; 421—423.
142. О частушках Енисейской губернии. Сиб. Арх., 913, VI—VIII; 285—302. [Реферат, читан. в комиссии по народн. словесности при этногр. отделе. Об. Люб. Ест. Антр. и Этн. Приведены тексты частушек].
143. — Некоторые данные о происхождении названия деревни „Дворец". Сиб. Архив., 913, XII; 549—550. [Иркутск. губ.].
144. — Скопческая песня. Сиб. Арх., 913, I; 56—58. [Записана в д. Селиванихе, близ г. Туруханска, в 1906 г.].
145. **Этнографические брызги.** Сиб. Арх., 914, VI; 259. [Заговор от зубной боли в Нижнеудинск. у.]

Список просмотренных журналов.

(Рядом в скобках указаны принятые сокращения).

1. Записки Московского Археологического Института (Зап. Моск. Арх. Ин.).
2. Известия Археолологической Комиссии (Изв. Арх. Ком.).
3. Известия Общества, Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (ИОАИЭ).
4. Исторические Известия Ист. Изв).
5. Исторический Вестник (И.В.).
6. Киевская Старина (Киев. Стар.).
7. Русская Старина (Р. Ст.).
8. Русский Архив (Рус. Арх.).
9. Сибирский Архив (Сиб. Арх.) Сибирская Летопись (Сиб. Лет.).
10. Труды XIV Археологического Съезда в Чернигове (Тр. XIV Арх. Съезда).
11. Труды Иркутской Ученой Комиссии (Тр. Ир. Уч. Арх. Ком.).
12. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии (Тр. Ор. Уч. Арх. Ком.).
13. Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Имп. Московском Университете (Чт. ОИДР).

I. Указатель личных имен.

Адугэн 50.
Алдыр-Кöс 7.
Барсов, М. К. 68.
Борисов, М. Н. 72.
Владимир 50.
Гольмстен, А. 65.
Дунин-Горкавич, А. А. 25.
Дьяков, Гаврила Маркович 38.
Ермак 5.
Жохсогон см. Оюн уга Жохсогон.
Иохельсон 21.
Калашников, Тимоф. Петр. 45.
Каражан-батырь 7.
Карамаш-Сулу 7.
Касымов см. Кенисар Касымов.
Катанов, Н. 3.
Кенисар Касымов 98.
Корнилов, Гр. 55.
Кузнецов-Красноярский, И. 38.
Кэрэкэн см. Огон Кэрэкэн.
Кюнней 78.
Лопатин, И. А. 32.
Миллер, В. Ф. 61.
Мохсоху см. Оюн Кэрэкэн Мохсоху.
Мякутин 65.
Остроухов, А. М. 68.
Оюн Кэрэкэн Мохсоху 84.
Оюн уга Жохсогон 85.
Патканов, С. 131.
Пекарский, Э. К. 96, 103, 135.
Попов, Иоанн 99.
Радищев, А. Н. 48.
Ремезов, С. 5.
Руднев, А. Д. 64.
Рычков, К. 105.
Сиеницкая, Л. 97.
Сирелиус 120.
Соколов, Д. Н. 122.
Стогов, Э. И. 125.
Тирский, А. 87.
Трощанский, В. Ф. 135.
Чалкадыков, Боку 49.
Четт 52.
Чет-Челпанов 117.
Штерберг, Л. Я. 25.
Юрякян 78.

II. Указатель племен и народностей.

Башкиры 122.
Буряты 29, 30, 31. 37, 45, 54, 60, 67, 69, 100, 133.
Вогулы 20, 120.
Гиляки 25.
Гольды 32.
Евреи 6.
Камчадалы 21, 125.
Карагасы 30.
Кара-киргизы 49.
Качинцы 63. 116.
Киргизы 2, 3, 7, 27, 46, 65, 66, 93, 94, 95, 98, 121, 123, 137.
Монголы 61.
Народности Тобольск. севера 25.
Орочи 32.
Остяки 120.
Русские 1. 4, 5, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 26, 28, 33, 34, 36, 39, 40, 41, 42, 43, 47, 48, 53, 61, 70, 71, 72. 73, 74, 75, 79, 80, 81, 83, 86, 87, 88, 89. 92. 97, 101, 124, 126, 128. 132, 138, 139, 140, 141, 142. 143, 144, 145, 146, 147.
Сагайцы 56, 136.
Сойоты 15, 21, 68.
Татары 44.
Татары минусинские 13, 14, 56, 58, 59, 127, 131.
Татары качинские см. Качинцы.
Тунгусы 35, 38, 48, 51, 96, 99, 102—114, 125.
Урянхайцы см.—Сойоты.
Чукчи 125.
Якуты 50, 55, 76, 77, 78, 82, 84, 85, 90, 91, 125, 130, 135

III. Географический указатель.

Ала-Тау, горы 98.
Алданский край 51.
Алдом река 96.
Александровское село 75.
Алтай 8, 22, 68, 117, 118.
Амур 1, 28.
Амурский край 32.
Балаганский у. 40, 86, 126.
Божандаевский улус 44.
Божякчан, река 96.
Верхоянский окр. 62.
Вилюйский окр. 62.
Гельсингфорский историч. музей 21.
Гусиноозерский монастырь 64.
Джагда, река 96.
Джаркент 94.
Енисейская губ. 34, 35, 36, 88, 105, 114, 140, 142.
Забайкалье 29, 53, 64, 92, 128.
Змеиногорский у. 23.
Илимский у. 48.
Иркутск 124.
Иркутская губ. 9, 33, 67, 73, 75, 81, 89, 143.
Камчатка 21.
Канский окр. 70, 88.
Кежемская волость 36.
Кимильтей, село 9.
Киргизские степи 46.
Киренск 87.
Киренский окр. 38.
Китайская граница 132.
Константиновка 86.
Копальский у. 66.
Котельничий остров. 91.
Красноярск 188.
Красноярский у. 35.
Курагинское, село 139.
Кыренский дацан 37.
Минусинск 4, 13, 39, 44.
Минусинский край 14, 15, 56, 59, 63, 116, 131, 139.
Минусинский у. 139.
Митрофановское село 26.
Мороская 96.
Москва 68.
Нангтара, река 96.
Нелькан 96.
Нерюктейский наслег 55
Нижнеудинский у. 0, 11, 16, 17, 30, 31, 77.
Олгомдо, река 96.
Олекминский окр. 55, 62, 82, 83.
Орхонско-енисейский алфавит 122.
Пинчугская волость 114.
Рыбинская волость 70.
Рыбинское, село 88.
Сахалин 25.
Селиваниха, деревня 141.
Семипалатинская Обл. 23, 26,
Семипалатинский у. 26.
Семиречье 27.
Средне-Колымский окр. 62.
Тобольская губ. 25, 145.
Томская губ. 23.
Тулун 11.
Тункинский край 37.
Туруханск 144.
Туруханский Край 105.
Урянханский Край 24, 68, 138.
Усть-Абаканск 19.
Усть-Удинск 126.
Устьянский улус 90, 91,
Уя, река 96.
Хоярхон, гора 115.
Шанай, улус 30.
Шапка, гора 28.
Якутская обл. 51, 61, 62, 76, 77, 78, 80, 81, 85, 90, 99, 119, 135, 135.

IV. Предметный указатель.

Администрат. устройство 15, 130.
Алфавит 122.
Благовещение 23.
Благопожелание 95.
Богатырь 7.
Богослужение 37.
Болезни 51, 119, 130.
Брак 67, 130.
Былины 61, 84, 115.
Быт 15, 18, 27, 48, 49, 53, 63, 96, 98, 99, 102, 108, 110, 111, 112 123, 125, 145, 146.

Быт домашний 29, 51, 130, 135.
„ общественный см. быт социальный.
„ религиозный 51, 83.
„ родовой 130.
„ социальный 83.
„ хозяйствен. см. быт экономич.
„ экономический 15, 62, 83.
„ юридический см. право обычн.
Бюджет семьи 130.
Великан 3, 91.
Вымирание 51, 105, 119.
Выставка 21.
Гроза 60.
Дацан 37.
Демонология 127.
Дух огня 102.
Женщина см. положение женщины.
Жизнь загробная 120.
Жилище 29, 51, 114, 119.
Загадки 133, 141.
Заговоры 71, 72, 73, 74, 89, 128, 147.
Занятия 38, 99, 114.
Засуха 23.
Звероловство 51.
Земледелие 130.
Землепользование 130.
Игра 93, 130.
Иконография 129,
Имена 13.
Искусство 129.
История 5, 29, 129.
Кабала 57.
Камлание 51.
Каторжане 97.
Клад 8, 138.
Коллекции 21.
Костюм см. одежда.
Легенда 3, 4, 5, 8, 23, 30, 50, 59, 69, 91, 94, 138.
Лечение см. медицина народная.
Литература народн. 95, 128.
Лихорадка 9, 47, 72, 87.
Медицина народная 34, 40, 79, 81, 90, 121, 130, 140.
Мельница 60.
Мифология 80.
Мифы 12.
Моление см. религия.
Молитва 9, 10, 47.
Музей 24, 105.
Наговоры свадебные 36.
Наказание телесное 130.
Народности 25.
Наряд см. одежда.
Наряд шаманский 24
Население 68, 130, 131.
Образ жизни см. быт.
Обряды 17, 33, 46, 82, 105, 127.
„ похоронные 46, 49, 120, 136.
Община родовая 118.
Обычаи 38, 41, 58.
„ похоронные 20, 114, 120, 136.
„ родинные 114.
„ свадебные 36, 88, 114.
Одежда 24, 29, 48, 56, 114, 116, 127.
Органы самоуправления см. админ. устр.
Пасха 23.
Переселение 1.
Песни 1, 16, 48, 64, 70, 80, 86, 88, 95, 96, 131, 132, 144.
Песни свадебные 86.
Пир 118.
Пища 29, 38, 119.
Пляска 48.
Поверия 17, 66, 76, 91, 95, 109, 126, 128.
Поговорки 6, 22, 42, 139.
Поездка см. экскурсия.
Положение женщины 29.
Поминки 46.
Пословицы 6, 39, 75, 139.
Похороны см. обряды похоронные.
Поэзия 101.
Правила вежливости 92.
Право обычное 65, 118.
Праздники 19, 37.
Предания 14, 52, 60, 78, 85, 121.
Привораживание 10.
Приметы 31, 66, 95.
Прирост населения см. население.
Программа 137.
Прозвища 43.
Проклинания 95.
Радения скопческие 18.
Религиозное движение 117.
Религия 15, 105. 129.
Рисунки 20, 24, 56, 116, 121, 136.
Рыболовство 51.
Свадьба 36, 45, 83. 88, 114,
Сказания 23, 54, 60, 87, 100.
Сказитель 118.
Сказка 49, 95, 106, 113, 115.
Скопцы 18.
Скотоводство 130.
Скульптура 129.
Славление Христа 26.

Собор Спасский 13.
Сооружения надгробныя 46.
Состязание 37.
Средства народн. см. медицина народн.
Суд (народный) 77, 118.
Суеверия 41.

Тамга 122.
Творчество 97, 106.

Указатель 2, 46.

Фольклор 17.

Частушка 11, 44, 142.
Численность 105.

Шаман см. шаманство.
Шаманский наряд 24.
Шаманство 30, 38, 51, 85, 114, 127.
Школы 130.

Экономич. состояние см. быт эконом.
Экскурсия 27, 37, 96, 106.
Экспедиция 21.
Эпос 7, 12.
Этнография 7, 114, 128.

Юрты 118.

Язык 15, 105, 114.

Оглавление

Стр.

Памяти Л. Я. Штернберга . . . . . I—VIII

Н. Н. Козьмин (Иркутск). Этнография и народность . 1— 22

С. Ф. Гущина (Иркутск). Материалы по народной кулинарии . . . . . 23— 46

Г. С. Виноградов (Иркутск). Детские игровые прелюдии . . . . . 47— 88

Л. А. Уткин. (Томск-Тифлис). Заметки по народной медицине . . . . . 89—100

М. К. Азадовский (Иркутск). А. А. Макаренко. К сороколетию его научно-общественной деятельности 101—114

В. Д. Вегман (Новосибирск). Неопубликованная статья С. С. Шашкова . . . . . 115—121

Н. Е. Ончуков (Ленинград). П. А. Городцов . . . . 122—126

В. И. Подгорбунский (Иркутск). Заметки по изучению гончарства у якутов . . . . . 127—144

М. А. Слободский (Томск). Литература по этнографии Сибири в исторических изданиях . . . . . 145—155